УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТОМ XVII ВЫПУСК II

г. Ульяновск — 1961 г.

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТОМ XVII ВЫПУСК II

г. Ульяновск — 1961 г.

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА
ТОМ XVII ВЫПУСК II

Ц. М. РАБИНОВИЧ
Кандидат педагогических наук

РАЗВИТИЕ НЕКОТОРЫХ ПОНЯТИЙ СОВРЕМЕННОЙ ФИЗИКИ В СВЕТЕ ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ В. И. ЛЕНИНА

«Марксизм-ленинизм стал властителем дум передового человечества» — говорится в Программе Коммунистической партии, принятой XXII съездом КПСС. Развитие современной физики полностью подтверждает торжество идеологии революционного мировоззрения пролетариата и в частности триумф философских идей, с позиций которых В. И. Ленин дал анализ состояния естествознания на рубеже XIX и XX веков. Книга «Материализм и эмпириокритицизм» создавалась в годы, когда наука делала лишь первые шаги к постижению структуры атома, а из всех элементарных частиц был известен только электрон. Но В. И. Ленин гениально предвидел дальнейшее развитие науки о природе материи. Ставшая крылатой ленинская формула «Электрон так же неисчерпаем, как и атом» оказалась справедливой для всех видов материи.

Развитие науки показало, что эту неисчерпаемость следует искать не в простой делимости материальных частиц, имеющей предел, а в их взаимной превращаемости, в невозможности по существу указать первое звено в непрерывной цепи их превращений.

Акт превращения пары вещественных частиц в полевые частицы и возможность обратного превращения говорят о существовании бесконечного круговорота в мире элементарных частиц. Очевидно, что каждая элементарная частица, ввиду ее потенциональной возможности превращения, должна содержать в себе в скрытом или «виртуальном» состоянии те частицы, в которые возмож-

но превращение. При этом частицы все же неделимы, поэтому они и называются «элементарными».

Таким образом, структура всех элементарных частиц, и в том числе электрона, оказывается очень сложной, поистине неисчерпаемой, как это и предсказывал В. И. Ленин.

Можно привести еще целый ряд примеров из истории развития основных понятий современной физики, доказывающих мудрость ленинских прогнозов. Величайшее значение философских трудов В. И. Ленина, однако, не исчерпывается гениальным предвидением путей развития науки. Чрезвычайно знаменательным является тот факт, что философские труды В. И. Ленина оказали активное воздействие на развитие важнейших физических понятий. Подтверждением этому может служить развитие понятия об электроне.

Уже в конце XIX века опыты Кауфмана и других исследователей доказали зависимость массы электрона от его скорости. Физики-идеалисты попытались на основании этого факта дематериализовать электрон, приписать электрону чисто энергетическую природу.

Известно, с какой страстностью обрушился В. И. Ленин на все попытки дематериализовать электрон. Он доказал, что электрон является одним из видов материи, что нельзя «...смешивать вопрос о новых свойствах новых видов материи (например, электронов)...»[1] с вопросом о существовании электрона как объективной реальности.

Огромный путь проделала наука об электроне с начала века до наших дней. Свое фундаментальное слово об электроне сказала квантовая механика, раскрывшая дуалистическую сущность электрона, единство его корпускулярных и волновых качеств. Открытие волновых свойств электрона вызвало во второй четверти XX века бурную идеологическую борьбу. Несводимость свойств электрона к классической модели, существование кванта действия в явлениях микромира и связанное с этим соотношение неопределенностей для координат и импульса электрона, были истолкованы рядом ведущих физиков, основоположников квантовой механики, в духе субъективного идеализма и позитивизма

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 116.

Наиболее реакционные идеалистические взгляды высказывались такими физиками, как Н. Бор, В. Гейзенберг, Е. Шредингер, М. Борн, Ф. Иордан.

В «Материализме и эмпириокритицизме» В. И. Ленин показал, что отказ от материализма неизбежно приводит к субъективному идеализму. На примере квантовой механики и развития понятия об электроне мы видим, как легко физики-идеалисты перескочили с почвы энергетизма к субъективному идеализму.

Выдвижение на первый план и абсолютизирование значения энергетических уровней, отказ от пространственно-временного описания атома привели затем к полному забвению объективной реальности, которую описывают формулы, материальности атома, электрона и к переносу физических явлений на почву «ощущений». Таким образом, прогноз В. И. Ленина о развитии идеалистических концепций также полностью оправдался. Не случайно В. И. Ленин указывал, что бедой физиков начала XX века было незнание ими диалектического материализма. «Новая физика свихнулась в идеализм, главным образом, именно потому, что физики не знали диалектики»[1].

Физика XX века на всех трудных этапах своего развития неизбежно сталкивалась с острой и направляющей мыслью В. И. Ленина. Во время дискуссий по таким важнейшим вопросам современной физики, как трактовка квантовой механики, теории относительности, свойства пространства, времени и т. п. ленинские идеи помогали вскрывать бесперспективность идеалистических концепций. Именно в философских работах В. И. Ленина нашли физики-материалисты и, в первую очередь, советские физики могущественные аргументы для борьбы за материалистическое понятие об электроне, как о виде материи со сложными и объективно реальными свойствами, как объективно реального объекта, доступного нашему познанию.

Многократно подчеркивает В. И. Ленин в своих трудах опасность спутать материю с ее движением. «Идеалист и не подумает отрицать того, что мир есть движение, именно: движение моих мыслей, представлений, ощущений. Вопрос о том, **что** движется, идеалист

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 248—249.

отвергнет и сочтет нелепым: происходит смена моих ощущений, исчезают и появляются представления и только. Вне меня ничего нет. «Движется» и баста»[1].

Критикуя Оствальда за отрыв материи от движения, Ленин говорит, что «на деле устранение материи как подлежащего из природы означает молчаливое допущение мысли как подлежащего в философию. Устраняется то не подлежащее, а объективный источник ощущения и подлежащим становится ощущение»[2].

Вооруженные этими мыслями В. И. Ленина, советские физики и философы вели атаки против идеалистических принципов дополнительности, «неопределенности», «принципиальной наблюдаемости» и других порождений позитивизма и добились значительного успеха. Все больше становится физиков не только в нашей стране, но и за рубежом, которые не могут мыслить энергию без материального носителя и видеть в атоме только комплекс «ощущений».

Под влиянием ленинских идей даже наиболее ярые сторонники позитивизма постепенно в той или иной степени признают ошибочность своих позиций.

Луи-де-Бройль, четверть века разделявший позитивистские концепции в трактовке квантовой механики, открыто порвал с ними, провозгласил новый этап в борьбе за материалистическую трактовку квантовой механики. Н. Бор, Е. Шредингер, которые еще недавно ставили во главу угла квантовой механики субъективные ощущения, теперь вынуждены признать, что предметом изучения квантовой механики является объективно реальный микромир и что он принципиально познаваем.

Даже В. Гейзенберг, позиция которого остается еще идеалистической, в последние годы отмежевывается от позитивизма. «Квантовая теория в ее современном истолковании ни в коем случае не рассматривает чувственные восприятия в качестве первичного данного, как это делает позитивизм»[3]. Это более чем знаменательное заявление Гейзенберга свидетельствует о крушении позитивизма под влиянием ударов, которые были нанесены ему физиками и философами-материалистами именно с ленинских позиций.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 250.
[2] Там же, стр. 253.
[3] В. Гейзенберг. Вопросы философии, 1958, № 11, стр. 65

Правда, отказавшись от позитивизма, Гейзенберг не порывает с идеализмом вообще. Его философия делает крен в объективно идеалистическую сторону. В указанной выше статье он говорит о том, что «развитие (науки. — **Ц. Р.**) последних лет... совершает очень отчетливо — если провести сравнение с античной философией — поворот от Демокрита к Платону»[1]. Развивая теорию элементарных частиц, В. Гейзенберг выступает как стихийный материалист, философия же его цепко держится за идеализм. «Одновременно, — утверждает он, — мы узнаем, что элементарные частицы сделаны, так сказать, из одного материала, если угодно, из энергии».

Но физики, вооруженные диалектическим материализмом, а их число растет во всех странах мира, не могут принять этот по-новому причесанный, а по существу старый энергетизм.

Идеалистическим концепциям становится все более тесно в науке, и величайшая заслуга здесь принадлежит философским трудам В. И. Ленина. Рассмотрим ниже влияние философских трудов В. И. Ленина на развитие некоторых важных физических понятий.

Вещество и поле. Понятие о виде материи

Говоря о существовании разных видов материи, В. И. Ленин дал в руки физикам замечательное оружие для анализа вновь открываемых явлений природы. Вслед за электронами были открыты другие виды материи и теперь физика свободно оперирует этим термином и понятием, введенным впервые В. И. Лениным. Хотя В. И. Ленин не дает определения понятия «вид материи», последнее находит у него вполне ясное толкование.

Плодотворность понятия «вид материи» можно проиллюстрировать рядом важнейших для физики примеров. В частности, это понятие помогло физикам разобраться в природе света.

Материальная природа света предстоит перед нами в скрытой форме. Более явно, чем у вещества, выступает энергетическая характеристика света. Отсутствие у световых частиц массы покоя, их «неуловимость» послужи-

[1] В. Гейзенберг. Вопросы философии, 1958, № 11, стр. 65.

ли причиной того, что свет в течение ряда лет трактовался как особый вид энергии, а именно лучистой энергии.

Опыты П. Н. Лебедева, показавшие, что свет имеет импульс и массу, убедительно доказали материальность света. А. Эйнштейн ввел наименование «фотон» для частиц света, являющихся материальными носителями квантов энергии. И все же путаница в понимании света царила в физике много лет. С. И. Вавилов, опираясь на философские труды В. И. Ленина, выступил в защиту материальности света. Вслед за тем вопрос этот поднимался другими советскими физиками в научных и методических журналах. Сейчас материальность света можно считать общепризнанной. Концепция материальности света и других видов излучений последовательно проводится в современной научной и учебной литературе. Вопрос можно считать выясненным и разносторонне обсужденным, и важнейшая роль в правильном его решении принадлежит философским трудам В. И. Ленина.

Поскольку свет представляет собой электромагнитное поле, то положение о материальности света распространилось не только на все разновидности электромагнитного поля (радиоволны, лучи рентгена, гаммалучи), но и на другие поля, например, на ядерное поле и поле тяготения.

Еще сравнительно недавно (см., например, С. И. Вавилов. Глаз и Солнце, 1950 г.) предполагалось, что основными физическими видами материи являются вещество и поле. При этом для вещества считалось характерным наличие массы покоя, дозволенность всевозможных скоростей в интервале от нуля до скорости света в вакууме. У полевой материи нет массы покоя, а движение возможно только со скоростью света. Деление материи на два вида — вещественную и полевую остается в первом приближении верным и на сегодняшний день, поскольку они выступают перед нами сугубо различными в своих проявлениях. Казалось-бы, никто не спутает материю вещественную (скажем, стол, кусок мела и т. п.) с такой «бестелесной» — и «неуловимой» материей, какой является световой луч или радиоволны. Кажется, на первый взгляд, весьма характерным и такое важное различие между этими двумя видами физической материи. Вещество — непроницаемо. Пространство, занятое каким-нибудь вещественным телом, не может быть

занято другим телом. Указанное свойство вещества распространяется и на такие запутанные явления, как диффузия или даже растворение одних веществ в других. Ведь и в растворе центры соседних ионов не совпадают пространственно. Два атома или два иона не могут занимать полностью одно и то же пространство. Между тем для материи полевой возможна пространственная совместимость. В одной и той же точке пространства могут скрещиваться световые лучи и вообще электромагнитные волны самых разнообразных направлений, частот, интенсивности.

Философские труды В. И. Ленина учат нас, что понятия развиваются. «Человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливают одно в другое, без этого они не отражают живой жизни»[1], — писал В. И. Ленин. Он неоднократно подчеркивал всестороннюю универсальную гибкость понятий, доходящую до тождества противоположностей.

Развитие науки доказало необходимость рассмотрения понятий «вещество» и «поле» не закостенелыми в их раз навсегда определившихся границах, а в их развитии, в их гибкости, которая действительно доходит до тождества противоположностей.

При более тщательном рассмотрении с позиций современной физики становится ясно, что резкая, очевидная, на первый взгляд, грань между понятием «вещество» и «поле» становится не столь резкой. В самом деле, ведь частицы вещества обладают не только корпускулярными, но и волновыми качествами. Следовательно, им свойственна, наряду с локализованностью в пространстве, и некоторая «размытость».

Еще более сближает между собой понятие «вещество» и «поле» тот факт, что некоторые из известных современной физике элементарных частиц не могут быть строго отнесены либо к веществу, либо к полю. Такими частицами являются, например, пи-мезоны, которые обнаруживаются в составе космических лучей и здесь проявляют свойства, характерные для вещества. В то же время пи-мезоны внутри ядер атомов носят полевой характер и слу-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 249.

жат здесь как бы квантами ядерного поля. Они не входят в состав ядра, подобно тому, как кванты электромагнитного поля не входят в состав атомной оболочки. Последние являются продуктом движущихся электронов. Так же точно пи-мезоны являются продуктом взаимодействия и движения нуклонов, входящих в состав ядер атомов. Таким образом, пи-мезоны должны быть выделены как особый вид материи, не охватываемый одним из двух понятий «вещество» и «поле». Характерной особенностью, которая роднит эти частицы с веществом, является наличие у них массы покоя. Масса положительного и отрицательного пи-мезона равна 273,2 электронной массы. А нейтральный пи-мезон имеет массу в 264,2 раза превышающую массу электрона. Но частички, которые относятся к вещественному виду материи, отличаются не только наличием у них массы покоя. Их еще отличает спин, равный 1/2. Таким полуцелым спином обладают все нуклоны (протоны, нейтроны и их античастицы) с массой покоя = 1838 масс электрона, гипероны (кси, сигма, ламбда частицы и их античастицы) с массой покоя свыше 2000 электронных масс, а также электрон и его античастица — позитрон, и мю-мезон, масса покоя которого равна 206,7 массы электрона. Все эти частицы подчиняются статистике Ферми и называются поэтому фермионами. А пи-мезон имеет целочисленный спин ($S=0$) и поэтому подчиняется статистике Бозе-Эйнштейна и относится поэтому к бозонам.

К бозонам относится также фотон — частица света, у которого масса покоя равна нулю, а спин целочисленный ($S=1$).

В современной физике намечается тенденция ввести разделение известных элементарных частиц на фермионы и бозоны. Может показаться, что все частицы вещества фермионы, а поля — бозоны, но все же между пи-мезоном и фотоном имеется существенная разница, хотя они и принадлежат оба к бозонам. Различие, как подчеркивалось выше, заключается в массе покоя, которая у фотона равна нулю, а для пи-мезона = 270 электронных масс, и в спине, хотя и в обоих случаях целочисленном, но все же различном для пи-мезона $S=0$, для фотона $S=1$. Следовательно, пи-мезоны, действительно, представляют особый вид материи.

Так же точно не может быть отнесена к веществу либо полю в старом содержании этих понятий частица нейтрино. Она подобно фотону имеет массу покоя равную нулю и могла бы по старой квалификации быть отнесенной к полевым частицам. Но спин нейтрино равен 1/2. Это значит, что оно относится к фермионам, как все вещественные частицы.

Если рассмотреть те частицы, которые по всем своим признакам (наличие массы покоя, полуцелый спин и т. д.) принадлежат к веществу и могут быть отнесены к фермионам, то ведь между ними тоже имеются существенные различия. Они отличаются друг от друга массой покоя, которая меняется от единицы, за которую принята масса электрона, до 2585 массы кси-частицы. Не исключена возможность открытия частиц с еще большей массой.

Фермионы отличаются временем жизни или степенью стабильности. Протон и электрон — стабильны. Это значит, что время их существования неограниченно. Стабильны также фотон и нейтрино. Это указывает, кстати, что стабильность не может быть фактом, разграничивающим вещественные частицы от полевых. Наряду со стабильными существуют фермионы со временем жизни в 10^{-10} сек. (кси, сигма, ламбда-частицы).

Наличие электрического заряда также не является обязательным для фермиона. Различаются положительно заряженные и отрицательно заряженные фермионы, образующие пары частиц и античастиц (позитрон и электрон, протон и антипротон, сигмагиперон и антисигмагиперон и т. п. и т. д.). Существуют фермионы и без электрических зарядов. Они тоже образуют пары частиц и античастиц, например, нейтрон и антинейтрон, отличающиеся относительным направлением спина и магнитного момента. Мы приходим к выводу, что наличие коренных различий между отдельными фермионами заставляет видеть в каждом из них особый вид материи, характеризуемый особыми свойствами.

Как показано было выше, еще более существенны различия между отдельными видами бозонов или частиц, принадлежащих по первому приближенному делению к полевой материи. Попросту говоря, имеются разные

виды полей. Из них наиболее глубоко изучено электромагнитное поле, теория которого стала складываться в середине XIX века. Почти триста лет тому назад Ньютон заложил основы теории поля тяготения. Большой вклад в развитие теории тяготения внесла общая теория относительности Эйнштейна, но попытки создать единую теорию поля долго не увенчивались успехом. Это говорит о существовании глубокого различия между явлениями электромагнетизма и гравитации. Существенно отличается от этих двух видов полей ядерное поле.

Частицы электромагнитного поля и ядерного поля являются бозонами. Это значит, что они имеют целочисленный спин. Но у фотона $S = 1$, а пи-мезона $S = 0$. Масса покоя у фотона равна нулю, а у пи-мезона, как уже указывалось выше, масса покоя примерно в 273 раза превосходит массу покоя электрона. Следовательно, фотоны и пи-мезоны, а также К-мезоны, имеющие спин, равный нулю, представляют собой разные виды материи.

Мы приходим к выводу, что каждый вид известных ныне элементарных частиц представляет собой особый вид материи. Соединения элементарных частиц образуют сложные виды материи, весь бесконечно-сложный материальный мир. Нет сомнения в том, что могут быть и будут открыты еще новые виды материи, так как наряду с проникновением в глубь природы материи, наука охватывает и вширь все больше разновидностей материи. И вглубь и вширь материя неисчерпаема.

Многообразие видов материи не противоречит идее единства материального мира. Проявление этого единства не только в общих или сходных свойствах многих видов элементарных частиц, но в первую очередь в их взаимной превращаемости, в том, что почти все (а предположительно все) виды материи образуют единую цепь превращений друг в друга.

Философские труды В. И. Ленина, подчеркивая единство материального мира, указывают науке пути дальнейших исследований в глубь материи, направленных к изучению структуры элементарных частиц и вширь — к поискам новых, ныне неизвестных видов материи. Одновременно философские труды В. И. Ленина указывают на то, что в результате какой угодно цепи превращений

одних видов материи в другие виды, не может быть получена одна «голая» энергия, то есть энергия без материального носителя. Ни в начале цепи превращений, ни в конце ее не может стоять энергия. Таким образом, создается уверенность, что попытка В. Гейзенберга свести все богатство природы материи к одной праматерии, а ее к энергии заранее обречена на неудачу. В этом направлении незачем идти. Оно бесплодно.

Мы видим, что понятие вида материи, введенное В. И. Лениным, дает возможность изучать материю во всем многообразии ее проявлений. Основными признаками, которыми отличается один вид материи от другого, являются заряд, масса, механический и магнитный моменты, время существования, характер взаимодействия. Все виды материи наделены массой и энергией, которые могут проявляться по-разному у разных видов.

Под влиянием теории относительности было много попыток поставить знак равенства между массой и энергией. Но здесь опять-таки с ленинских позиций было доказано, что эти попытки имеют целью дематериализацию объективно реального мира. Формулу $E = mc^2$ физики-идеалисты трактовали под лозунгом «материя исчезает», против которого была направлена острая ленинская критика. В борьбе за материалистическое понимание закона взаимосвязи между массой и энергией философские труды В. И. Ленина играли и продолжают играть решающую роль. Теперь все больше физиков приходят к выводу, что масса и энергия — это неразрывно связанные между собой, но не сводимые друг к другу понятия, характеризующие совместно материю более полно, чем каждое из этих понятий в отдельности. Если масса представляет собой меру количества материи (а не меру количества вещества, так как вещество лишь один из видов материи) и одновременно меру инертности материальных объектов, поскольку инертность одно из свойств материи, то энергия это количественная мера движения материальных объектов. Каждому виду материи свойственны свои специфические проявления массы и энергии, но неразрывная связь массы и энергии проявляется у всех видов материи как свидетельство неразрывности материи и ее движения.

Законы сохранения и превращения энергии и массы

наряду с другими законами сохранения (количества движения, момента количества движения) непосредственно связаны со свойствами пространства и времени, поэтому мы вернемся к ним в следующем разделе.

Пространство и время

Развивая вслед за Ф. Энгельсом понятия о пространстве и времени, В. И. Ленин говорит: «В мире нет ничего, кроме движущейся материи, и движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и во времени»[1]. Он утверждает далее, что нельзя путать вопрос об изменениях понятия пространства и времени с вопросом о реальности пространства и времени. «Реальны или идеальны пространство или время? суть ли наши относительные представления о пространстве и времени *приближения* к объективно-реальным формам бытия? Или это только продукты развивающейся, организующейся, гармонизующейся и т. п. человеческой мысли? В этом и только в этом состоит основной гносеологический вопрос»[2].

Ленин предостерег нас от основной опасности — идеализма, который признает развитие понятий пространства и времени, но будет считать, что эти понятия приближаются к абсолютной идее, а не к объективной реальности. Такую опасность Ленин видел в утверждениях Пуанкаре: «не природа дает (или навязывает, impose) нам их» (эти понятия), «а мы даем их природе, ибо мы находим их удобными» и Пирсона: «Пространство и время суть не реальности мира явлений (phenomenal world), а способы (модусы, modes), которыми мы воспринимаем вещи. Они не являются ни бесконечными, ни бесконечно делимыми, будучи по существу своему (essentially) ограничены содержанием наших восприятий»[3].

В. И. Ленин подверг резкой критике глубоко идеалистические по своей сущности попытки оторвать пространство и время от материи, для которой они являются коренными условиями бытия. «Если в *относительном,* релятивном понятии времени и пространства нет ничего,

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 162.
[2] Там же, стр. 163.
[3] Там же, стр. 170.

кроме относительности, если нет объективной (= ни от человека, ни от человечества не зависящей) реальности, отражаемой этими относительными понятиями, то почему бы человечеству ...не иметь права на понятие о существах вне времени и пространства?»[1].

Базаров, указывает В. И. Ленин, как и все махисты, сбился на том, что смешал изменяемость человеческих понятий о времени и пространстве, их относительный характер с неизменностью того факта, что человек и природа существуют только во времени и пространстве.

Говоря о новых видах материи, в том числе об электроне, В. И. Ленин указывает на то, что электроны необходимо представлять себе в пространстве с тремя измерениями. Критикуя Маха за утверждение, что вовсе не обязательно представлять себе атомы пространственно, Ленин говорит: «Естествознание и в 1872 и в 1906 г. искало, ищет и находит — по крайней мере, *нащупывает* — атом электричества, электрон, в пространстве с тремя измерениями»[2].

Взгляды В. И. Ленина на пространство и время включают следующие основные положения: пространство и время — объективная реальность, коренные условия материального бытия, неразрывно связанные с материей и ее движением; наши понятия о пространстве и времени относительны, но они развиваются и все больше приближаются к абсолютной истине о пространстве и времени.

Считая единственно реальным пространством трехмерное пространство, В. И. Ленин видел необходимость рассмотрения n-мерных пространств и в частности четырехмерного пространства как аналогии трехмерного.

«...Число и протяженность, несмотря на их отвлеченность, вытекают из природы реального», — подчеркивает В. И. Ленин в книге А. Рея «Современная философия»[3]. И далее: «Научную абстракцию часто считали синонимом нереальности. Думали, что рост абстракции означает безостановочное движение за пределы реального, все большее и большее удаление от него. Верно ли это? Математика, постепенно удаляясь от пространств, доступных чувственному восприятию и возвышаясь до про-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 169.
[2] Там же, стр. 168.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 416.

странства геометрического, не удаляется, однако, от реального пространства, т. е. от истинных отношений между вещами. Она скорее приближается к ним»[1].

Геометрическое пространство является реальным пространством, говорит В. И. Ленин, но геометрические представления недостаточны. В «Замечаниях» на книге Рея мы читаем: «...пространство геометра недостаточно; нужно еще подвижное и разнородное пространство физика»[2].

Все эти положения подтверждались вполне развитием теории относительности, вскрывшей физически ту самую связь пространства и времени с материей и ее движением, которую философски обосновал В. И. Ленин.

Давно прошло то время, когда в мире только несколько человек понимало содержание теории относительности А. Эйнштейна. Изменения пространства-времени, вызванные движением материи, учитываются в современной технике, в расчетах ядерных и термоядерных реакций, ускорителей элементарных частиц. Сокращения линейных размеров тел в направлении их движения, зависимость массы тел от скорости их движения, изменении темпа времени в движущихся системах координат являются научно доказанными, экспериментально проверенными фактами. Теория относительности составит основу техники будущего — космических полетов на фотонных ракетах со скоростью, близкой к скорости света. Удается предсказать возможность полета не только в пределах солнечной системы, но и в весьма отдаленные районы звездного неба, именно, исходя из тех свойств, которые приобретают пространство и время для движений с большими скоростями.

Сейчас никто не может серьезно спорить с тем, что пространство и время нельзя представлять себе как «пустые ящики», бесстрастные вместилища событий или вещей. Физика пришла к тому, что пространство и время связаны неразрывно и рассматривать их в отдельности можно только при очень небольших скоростях движения.

Теория пространства и времени оперирует понятием четырехмерного пространства, т. е. такого n-мерного пространства, у которого $n=3+1$. У четырехмерного прост-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 417.
[2] Там же, стр. 412.

ранства три координаты пространственные описывают реальное трехмерное пространство. Четвертая координата временная, но по ней откладывается величина ict, где t — время, c — скорость света, а $i = \sqrt{-1}$ — мнимая единица. Последняя координата есть только математическое понятие, основанное на аналогии с координатами пространства. Реальным физическим пространством остается трехмерное пространство, как и указывал В. И. Ленин. Теория относительности, будучи «снимком с гигантски быстрых реальных движений», вскрыла, однако, относительность пространства как одной грани целого, каким является пространство-время.

Теория относительности показала, что всякому процессу соответствует определенный пространственно-временной интервал. Два события разделяются пространственно-временным интервалом и промежуток времени между этими событиями, так же, как пространственные промежутки, разделяющие их, являются только относительными сторонами интервала. Этим объясняется, что они имеют разную величину в разных системах отсчета.

Между тем, 4-мерный пространственно-временный интервал от выбора системы не зависит. Таким образом, относительное представляется гранью абсолютного. Говорить не приходится о том, что относительное, например, интервал времени как грань пространственно-временного интервала, так же объективно реально, как абсолютное. Наиболее важным в теории относительности является по существу не относительность отдельных граней (времени и пространства, взятых в отдельности), но безотносительность, абсолютность единства пространства и времени.

Как указывалось в докладе А. Д. Александрова на Всесоюзном совещании по философским вопросам естествознания[1], причиной, порождающей идеалистические концепции в трактовке теории относительности, является то, что основным в ней оказывается понятие инерциальной системы отсчета, а исходной — точка зрения относительности, а не абсолютная структура (геометрия) пространства времени, не реальность «сама по себе», а реальность в ее относительном проявлении.

---

[1] Вопросы философии, № 1, 1959 г.

Само понятие относительности использовано для многих идеалистических построений. Положение, что пространство и время не абсолютны физически (т. е., что они зависят от материи и ее движения) идеалисты пытаются истолковать как относительность философскую в том смысле, что они зависят полностью от нашего сознания.

Идея четырехмерного пространства послужила также поводом для разных загробных построений, связанных с «потусторонней» мнимой величиной.

В борьбе за объективность относительности, за материалистическое понимание четырехмерного пространства идеи В. И. Ленина играли и играют важнейшую роль. Именно они направляют усилия многих физиков на поиски глубоких закономерностей пространства-времени, на изучение структуры пространства-времени и зависимости этой структуры от видов материи и ее движения.

Сейчас в физике широко обсуждается вопрос о структуре пространства-времени как проявлении причинно-следственной структуры. Определив пространственно-временной интервал между событиями А и Б, можно решить вопрос о причинно-следственной связи между событиями А и Б, или вопрос о том, какое из этих событий предшествует другому.

Считая, что теория А. Эйнштейна правильно отражает объективно реальные свойства пространства-времени, А. Д. Александров в указанном выше докладе ставит вопрос о необходимости перестройки теории относительности с таким расчетом, чтобы в ее основу было положено абсолютное пространство - время, а не понятие инерциальной системы отсчета и связанная с ней относительность физических величин.

Вопрос о зависимости структуры пространства-времени от материи и ее движения является также важнейшей проблемой, хотя он и не нов для физики.

Предсказанное теорией относительности и практически измеренное искривление световых лучей, проходящих вблизи солнечного диска, т. е. в сильном поле солнечного тяготения, показало возможность существования искривленного пространства, которое описывается не геометрией Эвклида, а геометрией Лобачевского.

Неэвклидовым является, очевидно, и пространство микромира, что приводит к появлению особой причинно-

следственной структуры, или причинно-следственных связей, вскрытых квантовой механикой.

Наши знания о пространстве и времени приближаются к абсолютной истине, учит нас В. И. Ленин, но науке предстоит решить ряд важнейших вопросов в этом направлении. На переднем фронте науки проблемы бесконечности пространства и времени, их однородности и изотропности, симметрия, т. е. опять-таки проблемы структуры пространства-времени. Уже в самом ходе решения всех этих проблем современной физикой можно проследить благотворное влияние ленинских идей.

Вопрос о бесконечности пространства, естественно, связан с проблемой бесконечности Вселенной, которая обсуждается, в частности, в связи с явлением «красного смещения» в спектрах Галактик. По эффекту Допплера-Физо, «красное смещение» следует рассматривать как результат «разбегания» или взаимного удаления Галактик друг от друга. Среди многих попыток объяснить явление привлекают внимание высказанные на конференции по гравитации (США, 1958 год) предположения о возможности взаимодействия между массами обратного ньютоновскому тяготению. Это предположение связывается с последними работами Дирака и Гейзенберга, из которых следует возможность существования отрицательных масс. Может быть, на огромных космических расстояниях действует закон отталкивания между массами, который внутри ограниченных областей превращается в свою противоположность, т. е. в известный закон всемирного тяготения И. Ньютона.

Эта постановка вопроса интересна своеобразным диалектическим подходом к понятию о бесконечности. Бесконечно отдаленное от нас пространство Вселенной не повторяет свойства близкого к нам пространства. Но, может быть, здесь речь идет только об очень отдаленных, а не бесконечно отдаленных от нас областей космоса? В 1958 году советский астроном А. Л. Зельманов показал, что для неизотропной модели Вселенной с учетом общей теории относительности пространственная конечность или бесконечность относительна. По отношению к одним системам Вселенная конечна, по отношению к другим бесконечна, так что наши представления о конечности и бесконечности неприемлемы к Вселенной в целом.

С эффектом красного смещения связан целый ряд идеалистических концепций. Одна из них утверждает происхождение Вселенной из одного атома. Но это утверждение аналогично тому, что материя может происходить из ничего и это нисколько не лучше идеи дематериализации атома и материи в целом, с которой так решительно боролся В. И. Ленин.

В последнее время внимание физиков привлечено связью между изотропностью и однородностью пространства и времени и законами сохранения. Пространство однородно (все его точки равноценны по отношению к физическому объекту) и изотропно (все направления в нем равноправны). Время только однородно, но не изотропно, так как направление оси времени идет только от предыдущих событий к последующим, образно говоря, от сегодняшнего дня к завтрашнему, но никогда в обратном направлении.

Как было показано Нётер в 1919 году, из однородности времени следует закон сохранения энергии. Однородность пространства имеет своим следствием закон сохранения импульса, а изотропность пространства — закон сохранения момента количества движения.

С симметрией пространства относительно зеркального отображения связывался закон сохранения четности, который до недавнего времени считался таким же незыблемым, как и другие законы сохранения.

Оказалось, однако, что для так называемых слабых взаимодействий, например, для распада τ и Θ мезонов, а также для β распада ядер закон сохранения четности не выполняется.

Опыты Ву Хьен-Сьюн с радиоактивным кобальтом (Co_{60}) показали, что в направлении спина ядер вылетает больше электронов, чем в противоположном направлении. Китайские ученые Ли Цзун-дао и Янг Чжень-нин и советский физик Л. Д. Ландау разработали теорию явления. Среди других представляет интерес гипотеза, что в микроскопических областях порядка 10^{-16} см пространство неоднородно и неизотропно, в нем невозможно зеркальное отражение, нет разницы между «левым» и «правым».

Л. Д. Ландау развил теорию комбинированной инверсии, согласно которой зеркальное отражение для частиц сопровождается зарядовым сопряжением, т. е. за-

меной частиц на античастицы. Существование античастиц у большинства элементарных частиц свидетельствует о том, что симметрия пространства при зеркальном отражении объективно-реальная характеристика.

Что касается времени, то анизотропность этой составляющей четырехмерного пространства использована Н. А. Козыревым для построения так называемой причинной механики, в которой доказывается возможность превращения хода времени в энергию.

Ход времени по Н. А. Козыреву — это величина, имеющая размерность скорости, положительная в левой система координат, равная для всего мира одной и той же величине 700 км/сек. Ход времени является псевдовектором, т. е. величиной, меняющей свой знак при зеркальном отражении. Она может быть обнаружена экспериментально при вращении тел и в частности создает особые силы, деформирующие вращающиеся тела, придающие им форму кардиоид.

Основной вывод теории — возможность возникновения энергии за счет хода времени вызывает сомнения в частности философского характера. Поиски в ходе времени того ключа, которым производится «завод» Вселенной, не выдерживают критики. Привлекают попытки Козырева по-новому связать структуру пространства-времени с причинно-следственной структурой. В этом рациональное зерно теории, которое требует дальнейшей разработки.

Развитие теории пространства и времени связано с идеей единой теории поля. Попытка построить единую теорию поля на чисто электромагнитной основе не увенчалась успехом. Не привела к желаемой цели и попытка А. Эйнштейна построить геометризированную единую теорию поля, объединяющую электромагнитное поле и поле тяжести. Доказав, что гравитацию можно объяснить искривлением пространства, А. Эйнштейн аналогичным образом пытался объяснить электромагнитные силы, что, как известно, ему не удалось. Между тем, все более ясно, что тяготением и электромагнитными силами не исчерпываются многообразные свойства материи. Следовательно, единая теория поля не может ограничиться тяготением и электромагнитным полем.

Усилиями ряда ученых (Де-Бройль, Д. Д. Иваненко, В. Гейзенберг, Дирак) создается новая нелинейная спи-

норная единая теория поля, призванная охватить все те многообразные фактические данные о свойствах материи, которыми располагает современная физика. Достигнуты первые успехи в построении этой теории.

Фундаментальным является введение новой мировой константы — универсальной длины $l = 10^{-13}$ см. Вместе с уже известными мировыми постоянными h — постоянной Планка и C — скоростью света эта постоянная создает естественную систему мер, продиктованную самими свойствами объективно-реального мира, чем она выгодно отличается от всех других систем, введенных человеком произвольно, и навязанных таким образом природе.

Составные элементы новой системы мер отражают сами по себе важнейшие законы природы. Такими является закон конечности скорости света (C), лежащий в основе теории относительности, закон квантованности действия (h), на котором построена квантовая механика, и не совсем еще точно сформулированный закон о коренных изменениях микроструктуры пространства, наступающих в областях порядка 10^{-13} см (1). Естественно, что такая система, действительно, полнее отражает реальные свойства материи, а также пространства и времени, которые являются основными формами, коренными условиями бытия.

Мы видим, что наука о пространстве и времени приблизилась вплотную к подъему еще на одну важную ступень. В целом физика стоит накануне новых больших событий. Создается единая теория поля — единая физическая теория материи, глубже постигаются пространство и время — коренные условия бытия материи. Сама постановка этих вопросов говорит о торжестве ленинских идей. И на данном этапе философские труды В. И. Ленина способствуют дальнейшему развитию диалектико-материалистического понимания законов природы, предостерегают от возможных ошибок, указывают правильный путь. В этом их непроходящая сила.

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА
ТОМ XVII ВЫПУСК II

А. С. КАРМИН
Кандидат философских наук

ЛЕНИНСКОЕ ПОНИМАНИЕ БЕСКОНЕЧНОСТИ МАТЕРИИ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Проблема бесконечности — чрезвычайно важная философская проблема. Поэтому неудивительно, что такой выдающийся философ-марксист, каким был В. И. Ленин, не прошел мимо нее.

Касаясь проблемы бесконечности, В. И. Ленин сформулировал ряд положений, имеющих непреходящую научную ценность. Он глубоко раскрыл диалектический характер реальной бесконечности природы, показав при этом значение диалектико-материалистического понимания бесконечности для науки и дав блестящий образец того, как нужно применять диалектику при рассмотрении конкретных естественнонаучных вопросов.

Задача настоящей работы состоит в том, чтобы осветить некоторые положения В. И. Ленина, раскрывающие суть диалектико-материалистического понимания бесконечности, и показать их методологическое значение.

I. Бесконечность есть процесс

Исходным пунктом диалектико-материалистического, ленинского понимания бесконечности является положение о ее объективном характере. Бесконечность, бесконечное — это нечто существующее объективно, нечто присущее самой материальной действительности. Понятие бесконечности является отражением в человеческом сознании объективно существующей реальной бесконечности материального мира.

«Сознание человека, наука («понятие») отражает сущность, субстанцию природы», — указывает Ленин. — «В природе» они, понятия, имеют «плоть и кровь...»[1]. Эти высказывания В. И. Ленина целиком и полностью относятся к понятию бесконечности. Понятие бесконечности, таким образом, не есть «чистое» создание человеческого разума. Оно имеет объективное содержание, отражая собою в обобщенном виде реальную бесконечность природы.

Рассматривая содержание понятия бесконечности, В. И. Ленин отмечает, что бесконечность есть **процесс.** Приведя в «Философских тетрадях» мысль Гегеля: «Природа самого конечного состоит в том, чтобы превосходить себя, отрицать свое отрицание и становиться бесконечным», — Ленин пишет: «Диалектика самих вещей, самой природы, самого хода событий»[2]. Диалектика объективного мира такова, что бесконечность образуется и существует в постоянном самоотрицании конечного. Но самоотрицание конечного — это и есть изменение, движение. Таким образом, бесконечность обнаруживается в движении и может быть понята только в нем. Движущееся, изменяющееся конечное, которое вследствие самоотрицания не имеет конца своему движению, — это и есть бесконечность.

Бесконечное, взятое вне движения, перестает быть бесконечным. Если представить себе бесконечность неизменной, застывшей, то она тем самым уже окажется **ограниченной** в своем состоянии, «оконеченной». Бесконечное, рассматриваемое статично, вне движения, превращается в некое налично полностью данное «законченное целое». Такое «оконеченное», «завершенное» бесконечное, по сути дела, не отличается от конечного. Следовательно, только динамическое понимание бесконечности как **бесконечного процесса** в состоянии отразить ее действительную природу. Реальная бесконечность есть процесс, и ее нельзя понять, если рассматривать ее как какое-то актуально данное, завершенное целое.

Развитие науки подтверждает необходимость пони-

---

[1] В. И. Ленин. Философские тетради, 1947, стр. 162, 266.
[2] Там же, стр. 85.

мания бесконечности как процесса. Достаточно вспомнить, например, историю возникновения и развития математического анализа. Когда в первой половине XVII века Кеплер и Кавальери ввели в научное употребление понятие бесконечно малой величины, то она представлялась им как актуальная бесконечно малая величина, постоянная и неизменная, как результат **завершения** процесса бесконечного деления конечной величины. Однако представление об актуальных бесконечно малых было непригодно для математического анализа как математического аппарата для выражения движения. Рисуя бесконечно малые как величины постоянные и неизменные, оно порождало массу противоречий и путаницы. Поэтому математический анализ получил в глазах математиков ясность только тогда, когда трудами Коши, Абеля, Гаусса в начале XIX века на основе теории пределов было выработано новое понимание бесконечно малых как переменных величин, как потенциально бесконечных. Бесконечность стала пониматься как процесс, и это позволило преодолеть необъяснимые с позиций актуальной бесконечности трудности и противоречия и развеять тот мистический туман, который затемнял сущность исчисления бесконечно малых.

Вероятно, такой же процесс вытеснения статических представлений об актуальной бесконечности динамическими представлениями о потенциальной бесконечности как процессе идет на наших глазах сейчас в области оснований математики, в теории множеств. Являясь одним из важнейших разделов современной математики, теория множеств дает строгое логическое обоснование целому ряду математических теорий и понятий. Однако эта строгость в большой степени связана с омертвленным, лишенным движения, статическим пониманием бесконечности.

Уже вскоре после возникновения теории множеств было обнаружено, что она приводит к антиномиям, к противоречиям, которые не могут быть решены на основе представлений об актуальной бесконечности. Если на первых порах такое статическое понимание бесконечности все же было чрезвычайно плодотворным, то затем оно все более становится тупиком, в который упираются попытки углубить логическое обоснование математики. С течением времени это ощущается все сильнее.

Абстракция актуальной бесконечности и в этой области постепенно перестает удовлетворять математиков.

И не случайно за последнее время **конструктивное направление** в математике, исходящее из отказа от абстракции актуальной бесконечности и признания только потенциальной бесконечности, приобретает все большую популярность среди математиков. Вполне возможно, что оно — поскольку в нем учитывается то, что бесконечность есть процесс, — сыграет большую роль в деле дальнейшего развития оснований математики.

II. Ленин о единстве конечного и бесконечного и о бесконечности материи вглубь

Большое внимание В. И. Ленин уделяет вопросу о единстве конечного и бесконечного. Он указывает, что как конечное, так и бесконечное могут быть поняты только в неразрывной связи друг с другом. В «Философских тетрадях» Ленин пишет: «На деле же они суть (конечное и бесконечное) **нераздельны.** Они — **едино суть»**[1].

Учет единства конечного и бесконечного — необходимое условие научного познания. Метафизический разрыв их друг от друга ведет к ошибкам и заблуждениям.

Непонимание единства конечного и бесконечного составляет, например, гносеологический фундамент различного рода спекулятивных попыток «научным» путем обосновать конечность мира, — попыток, которые то и дело предпринимаются отдельными зарубежными учеными. Эти попытки обречены на провал, ибо они необходимо связаны с метафизическим отделением конечного от бесконечного. В самом деле, если материальный мир объявляется конечным, то откуда же тогда в нашем сознании берется идея бесконечности? Очевидно, только из самого сознания, из духа. Бесконечность в результате отделяется от материального мира и приписывается духу, т. е., в конечном счете, богу. Таким образом, единство конечного и бесконечного разрушается, причем идея бесконечности отрывается от материальной действительности и оказывается характеристикой духа, бога.

Не случайно «гипотезы» о конечности мира пользу-

---

[1] В. И. Ленин. Философские тетради, 1947, стр. 86.

ются особым покровительством церкви. Английский философ Т. Макферсон, раскрывая секрет этого покровительства, справедливо пишет: «Неверующий, глядя на мир, видит только **мир**; ему это может казаться совершенно достаточным. Если же он видит не мир, а конечность мира, то он перестает быть неверующим и превращается в верующего... Убеждение, что мир конечен, реально ничем не отличается от убеждения, что бог существует»[1].

Следует отметить, что метафизический отрыв бесконечного от конечного вообще составляет одну из характерных черт всякого идеализма — как объективного, так и субъективного.

Примером того, как извращенно решается вопрос о соотношении конечного и бесконечного объективно-идеалистической философией, может служить неотомизм, являющийся открытым прислужником поповщины. Неотомисты говорят о конечности материального мира и бесконечности бога. Следовательно, конечным объявляется одно, а бесконечным — нечто совершѐнно другое. Божественная бесконечность, по их мнению, обладает бытием прежде всего конечного и отдельно от него, а объективный мир оказывается некоей отделившейся от бога эманацией, которая конечна и ограничена по своей природе. В результате становится совершенно неясным и необъяснимым, что же такое конечность и что такое бесконечность. Бесконечность бога провозглашается непознаваемой, непостижимой. Непознаваемыми и непостижимыми остаются и домыслы о конечности мира. И это неудивительно, так как нельзя понять ни конечности, ни бесконечности в отрыве друг от друга.

Для субъективного идеализма также характерным является разрыв конечного и бесконечного. Субъективные идеалисты сводят материю к ощущениям, к «опыту», а затем, заявляя, что опыт человека конечен, рассуждают о конечности материального мира. Бесконечность же они считают лишь идеей, присущей самому нашему мышлению, но не соответствующей действительности. В итоге конечное и бесконечное оказывается оторванными друг от друга.

---

[1] T. Mc Ferson, Finite and infinite. «Mind», 1957, v LXVI, pp. 380—381.

Действительно, наш опыт ограничен, конечен; и наши ощущения не могут сами по себе дать нам знание о бесконечном. Но в опыте, в ощущениях нам дана материальная действительность, существующая независимо от нас, и анализ данных опыта при помощи абстрактного мышления дает нам убеждение в бесконечности материального мира. Таким образом, пользуясь данными опыта, наше познание в конечном вскрывает бесконечное. Бесконечность — это не просто идея, существующая в отрыве от реальности. Это — идея, отражающая определенное «свойство» объективной реальности, определенную сторону явлений материального мира. Отрывая бесконечное от конечного и объявляя бесконечность идеей, лишенной опытного обоснования, субъективный идеализм извращает действительное положение вещей.

Итак, мы видим, что нельзя рассматривать конечное и бесконечное в обособленности друг от друга, что всякие попытки такого, метафизического по своей сущности, рассмотрения их неизбежно связаны с путаницей, с заблуждениями, с неправильным, извращенным отражением действительности.

Единство конечного и бесконечного проявляется двояко: во-первых, в том, что бесконечное слагается из конечного (в результате чего получается так называемая **бесконечность вширь**); во-вторых, в том, что все конечное содержит в себе бесконечное (в результате чего мы сталкиваемся с так называемой **бесконечностью вглубь**).

Если Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» и «Диалектике природы» рассматривает, главным образом, первую сторону дела — вопрос о бесконечности материи вширь, то В. И. Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» и «Философских тетрадях» касается, в основном, второй стороны — вопроса о бесконечности материи вглубь. И это не случайно: Ленин обращается к вопросу о бесконечности материи вглубь потому, что этот вопрос встал на повестку дня перед физикой начала XX века, и необходимо было разъяснить диалектико-материалистический подход к его решению.

С точки зрения диалектического материализма, в мире нет и не может быть никаких абсолютно простых вещей. Все, что существует, имеет сложную внутреннюю структуру. А так как это верно по отношению к любому материальному образованию, к любой форме и любому

состоянию материи, какими бы простыми и «элементарными» они нам ни казались, то материя оказывается бесконечно сложной, неисчерпаемой.

Физика XIX века не знала этого. В ней считалось, что атом представляет собой абсолютно простую, неразложимую частицу материи, являясь, следовательно, таким конечным объектом, который уже не содержит в себе никакой бесконечности. XX век разрушил это представление. В результате исследований Беккереля, Кюри и др. было обнаружено, что атом имеет чрезвычайно сложную природу, является чрезвычайно сложным материальным образованием.

Это был сокрушительный удар по метафизическому мышлению. Так и не оправившись после него, оно, однако, продолжало искать неизменную абсолютно простую основу материи. Были попытки объявить «элементарные» частицы абсолютно простыми, неделимыми, неразложимыми конечными элементами, из которых состоит материя.

Хотя в начале XX века еще не было известно в естествознании никаких фактических данных, которые свидетельствовали бы о неправомерности таких попыток, тем не менее В. И. Ленин решительно выступил против них. Исходя из диалектического понимания природы, даваемого философией диалектического материализма, Ленин несколько раз обращает внимание на необходимость учитывать бесконечность, неисчерпаемость любого материального образования. Об этом он говорит в «Материализме и эмпириокритицизме», в конспекте книги Гегеля «Наука логики», в пометках на книге И. Дицгена «Мелкие философские работы», экземпляр которой хранится в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма[1].

В «Философских тетрадях» В. И. Ленин, выписав слова Гегеля о единстве конечного и бесконечного, на полях отмечает: «Применить к атомам versus электроны. Вообще бесконечность материи вглубь»[2]... В соответствии с диалектическим положением о единстве конечного и бесконечного, о бесконечности материи вглубь, об от-

---

[1] О пометках Ленина на книге Дицгена см. сообщение Н. П. Коликова в «Вопросах философии» за 1960 г., № 4.

[2] В. И. Ленин. Философские тетради, 1947, стр. 86.

сутствии каких бы то ни было абсолютно простых элементов материи, Ленин еще в 1908 г. выражал твердую уверенность в бесконечной сложности «элементарных» частиц, в их неисчерпаемости. «Электрон так же неисчерпаем, как и атом, природа бесконечна...», — писал он в «Материализме и эмпириокритицизме»[1]. Сходные мысли высказывает он и в пометках на книге Дицгена.

Дальнейшее развитие физики XX века блестяще оправдало научное предвидение В. И. Ленина, основанное на творческом применении диалектического метода к материалу конкретной науки. Электрон, так же как и другие «элементарные» частицы, оказался поистине неисчерпаемым. Как известно, многочисленные научные исследования обнаружили необычайное богатство изменений и превращений «элементарных» частиц, многообразие их свойств, причем поток данных, говорящих об этом, не иссякает и до сих пор. В связи с этим сам термин «элементарные» в применении к электрону, протону, нейтрону и др. частицам следует считать не совсем удачным, на что справедливо указывалось в нашей философской литературе[2].

III. Бесконечность надо понимать диалектически

Говоря о бесконечности материи, В. И. Ленин, так же как и Ф. Энгельс, решительно выступает против навязывания природе так называемой «дурной» бесконечности. Образцом «дурной» бесконечности может служить бесконечный ряд: $1+1+1+ \ldots$ Такое однообразное чисто количественное изменение возможно только в абстракции, но не в реальной действительности.

В реальном мире нет и не может быть таких количественных изменений, которые не приводили бы рано или поздно к коренным качественным изменениям. Как указывал В. И. Ленин, в объективной действительности «все *в меру* и *на известных* условиях»[3]. Принцип меры имеет всеобщее значение. Он справедлив по отношению к любому конкретному материальному явлению. Все в объек-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 249.

[2] См., например, «Основы марксистской философии», 1958, стр. 123.

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 305.

тивной действительности обладает своей мерой, в ней нет ничего лишенного меры. Поэтому в реальной действительности не может быть бесконечного количественного повторения одного и того же. Наличие меры всегда кладет предел всякому количественному увеличению или уменьшению.

Приписать какому-либо материальному процессу или какому-либо состоянию материи «дурную» бесконечность — это значит считать этот процесс или это состояние вечным, всеобщим, неизменным, **абсолютным.** Но диалектический материализм утверждает **относительность** всех процессов, всех форм и состояний материи. В. И. Ленин указывает на то, что нельзя абсолютизировать никакие конкретные виды или формы материи. Однако именно такую абсолютизацию и совершают сторонники «дурной» бесконечности.

«Для диалектической философии нет ничего раз навсегда данного, безусловного, святого. На всем и во всем видит она печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед ней, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему. Она сама является лишь простым отражением этого процесса в мыслящем мозгу», — писал Ф. Энгельс[1]. Из этих слов Энгельса видно, что не в метафизическом сведении абсолютного к отдельному определенному конкретному качеству или свойству материи, а в непрерывной и безостановочной смене всех конкретных качеств и свойств материи, в абсолютном процессе их движения, изменения и превращения видит диалектика реальную бесконечность природы. Проявляясь в относительном, абсолютное никогда не может быть сведено к нему. В этом как раз и заложено противоречие, рождающее бесконечность. Она выступает, таким образом, как специфическая форма проявления абсолютного в относительном. Поэтому диалектический материализм, отвергая метафизическое представление о «дурной» бесконечности, состоящей в абсолютизации и обесконечивании относительных и конечных на самом деле форм и состояний материи, утверждает, что бесконечность природы выражается лишь в неисчерпаемом многообра-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произв., т. II, 1955, стр. 344.

зии различных форм, качеств, свойств, состояний движущейся материи. Иными словами, диалектико-материалистическое понимание бесконечности отражает тот факт, что **реальная бесконечность природы есть проявление абсолютного характера материи и ее движения через неисчерпаемое многообразие относительных, конечных явлений и процессов**, тогда как «дурная» бесконечность основывается на неправомерном возведении в абсолют отдельных относительных конкретных явлений и процессов действительности.

Попытки навязать природе «дурную» бесконечность противоречат духу диалектического материализма и являются по самому своему существу метафизическими. Понятие «дурной» бесконечности неприменимо к реальному миру. Диалектический материализм требует признания того, что **любое явление, любой процесс являются конечными.** Бесконечность состоит не в возможности бесконечного продолжения данного явления или процесса, **а в выходе за границу всякого конечного**, в изменениях и превращениях всех конечных форм и состояний материи.

Утверждение диалектико-материалистической философии, что метафизическое представление о существовании «дурной» бесконечности в природе неприменимо к реальному миру, находит себе обоснование и подтверждение во множестве фактов, накопленных человеческим познанием. Опыт людей неопровержимо свидетельствует, что любое количественное изменение рано или поздно кончается качественным преобразованием, меняющим весь ход процесса. Чем больше становится объем знаний человечества, тем меньше остается места для абстрактных предположений о возможности каких-либо количественных изменений, идущих по образцу «дурной» бесконечности.

Известно, что в прошлом ученые очень часто считали бесконечными такие процессы, которые в действительности конечны. Рассуждали, например, о возможности бесконечного деления вещества, о возможности бесконечного возрастания скорости и т. д. и т. п. Прогресс науки все в большей степени кладет конец рассуждениям подобного рода. Наука открывает пределы количественных изменений в явлениях действительности, устанавливая их меру. Так, теория химического строения вещества

говорит о невозможности бесконечного количественного уменьшения размеров тела путем его простого механического деления, ибо этот процесс на определенной ступени ведет к качественному изменению самой природы тела. Современная микрофизика показывает, что само понятие механического дробления материи имеет смысл только до определенной меры; в отношении элементарных частиц, например, оно уже совершенно непригодно. О невозможности процессов, идущих по образцу «дурной» бесконечности и предполагающих осуществимость бесконечного количественного увеличения или уменьшения тех или иных качественно определенных свойств и характеристик материи, свидетельствует наличие минимальных «порций» энергии, обусловленных существованием элементарного кванта действия h ($6{,}6 \cdot 10^{-27}$ эрг. сек.), наличие минимального количества электричества — электрического заряда е ($4{,}8 \cdot 10^{-10}$ эл. — стат. ед.), наличие максимального предела возрастания скорости — скорости света С (300 000 км в сек.), наличие нижнего предела при уменьшении температуры — абсолютного нуля (—273,2° по Цельсию) и т. д.

Таким образом, диалектико-материалистическое положение о невозможности «дурной» бесконечности в реальном мире соответствует данным человеческого познания. Иначе и не может быть, ибо оно является, собственно говоря, не чем иным, как их обобщением.

Однако нередко можно видеть, как некоторые наши философы и естествоиспытатели, забывая неоднократные указания классиков марксизма-ленинизма, отходят от диалектико-материалистического, ленинского понимания реальной бесконечности и сбиваются на ложную, метафизическую концепцию «дурной» бесконечности.

Правда, в общей своей форме мысль о том, что «дурной» бесконечности в реальном мире не существует, обычно не встречает возражений. С ней в принципе согласны все. Но это согласие нередко носит лишь внешний, поверхностный характер. Многие признают невозможность «дурной» бесконечности в реальном мире лишь на словах, говорят о ее непригодности лишь при общей постановке вопроса, в общих рассуждениях; а когда дело касается конкретных случаев, то они оказываются не в силах отбросить идею «дурной» бесконечности и в более или менее завуалированной форме проводят ее.

Подобная непоследовательность, когда понятие «дурной» бесконечности на словах отвергается, а на деле при рассмотрении отдельных конкретных случаев используется часто как вполне правомерное, стало чуть ли не традицией. В литературе — как в популярной, так и в сугубо научной — можно сплошь и рядом встретить утверждения о бесконечности числа звезд в космосе, о бесконечном количестве электронов в окружающей нас вселенной, о бесконечной протяженности гравитационного или электромагнитного поля в пространстве. Сплошь и рядом говорится, как о само собой разумеющемся, о том, что бесконечность пространства состоит в возможности бесконечного количественного накопления кубических метров, а бесконечность времени — в возможности бесконечного прибавления часов как в направлении к прошлому, так и в направлении к будущему. Утверждается, что не может иметь конца процесс количественного уменьшения пространственных или временных интервалов и т. д. и т. п. А ведь во всех этих случаях, по существу, бесконечность понимается именно в смысле «дурной» бесконечности.

Возьмем, например, вышедшую в 1958 г. книгу С. Т. Мелюхина «Проблема конечного и бесконечного»[1]. Она пестрит утверждениями вроде вышеприведенных, хотя на словах автор и высказывается против «дурной» бесконечности.

Так, на стр. 139 в ней говорится, что поле, порождаемое телом, способно простираться в пространстве **«до бесконечности».** Иными словами, допускается, что количественное увеличение пространственных размеров поля никогда в принципе не перейдет в коренное качественное изменение его, — изменение, которое превратит его в нечто иное. Хочет того автор или нет, но если поле — конкретная, относительная форма материи — объясняется бесконечным, то бесконечность тут понимается в смысле «дурной» бесконечности, в смысле бесконечного повторения одного и того же, что совершенно не соответствует духу материалистической диалектики. Нельзя не добавить, что, утверждая бесконечную протяженность

---

[1] С. Т. Мелюхин. Проблема конечного и бесконечного. Госполитиздат, 1958. Об освещении в ней проблемы бесконечности подробнее см. рецензию в «Вопросах философии», 1960, № 2.

гравитационного поля, С. Т. Мелюхин не учитывает также того, что имеются и некоторые физические доводы, заставляющие подвергнуть сомнению это положение. Исходя из них, американский ученый Ф. Цвикки, например, недавно на основании ряда подсчетов пришел к выводу, что на расстояниях около 5 млн. световых лет гравитационные связи теряются, т. е. действие гравитационного поля прекращается.

На стр. 170 своей книги С. Т. Мелюхин пишет: «За ее (Галактики. — **А. К.**) пределами существует **бесконечное множество** других звезд и туманностей». Но такое заявление есть опять проведение «дурной» бесконечности. Говорить о бесчисленности множества звезд и туманностей, о безграничности их числа и т. п. возможно в обиходной речи и вообще в тех случаях, когда не требуется научной строгости. Но при научном рассмотрении вопроса это недопустимо, тем более, что представление о «дурной» бесконечности звезд и Галактик во Вселенной ведет к неразрешимым теоретическим трудностям, о которых, в частности, наглядно свидетельствуют космологические парадоксы, фотометрический и гравитационный.

С попыткой провести идею «дурной» бесконечности по отношению к вопросу о бесконечности вглубь мы встречаемся в статье В. Г. Афанасьева «В. И. Ленин о неисчерпаемости электрона и понятие элементарности»[1]. Исходя из положения Ленина о неисчерпаемости электрона, В. Г. Афанасьев совершает, однако, отступление от последовательно диалектического понимания этого положения. В. Г. Афанасьев пишет: «Принципы диалектического материализма, а равно и сама внутренняя логика развития современной физики с необходимостью приводит к выводу о возможности существования еще более элементарных частиц, чем ныне известные элементарные образования» (стр. 38). Он, таким образом, пытается изобразить бесконечность материи вглубь в виде некоего постоянного бесконечного повторения одного и того же принципа: тело состоит из молекул, молекула — из атомов, атом — из элементарных частиц, элементарная частица — из еще более элементарных частиц, и т. д. до бесконечности. Бесконечность материи вглубь представляется В. Г. Афанасьеву, по-видимому, чем-то наподобие

---

[1] «Философские науки», 1959, № 2.

деревянных матрешек, внутри которых находятся другие деревянные матрешки. Это — знакомая картина «дурной» бесконечности.

Для подтверждения своей схемы В. Г. Афанасьев ссылается на Ленина. Он заявляет: «Утверждение Лениным, что электрон так же неисчерпаем, как и атом, означает, что неисчерпаемость электрона понимается им в том же самом смысле, что и неисчерпаемость атома» (стр. 35). Однако это есть искажение ленинской мысли. Ленин, говоря, что электрон так же неисчерпаем, как и атом, вовсе не имеет еще при этом в виду, что характер этой неисчерпаемости, тип, вид ее —такой же, как и у атома, вследствие чего и электрон должен, подобно атому, разлагаться на еще более мелкие и легкие частицы. Мысль Ленина вполне может быть согласована и с тем, что неисчерпаемость электрона носит совершенно иной, не такой, как у атома, вид и характер.

Принципы диалектического материализма и логика развития современной физики приводят к выводу о том, что элементарные частицы не являются последними «кирпичиками» материи, что они сложны, обладают внутренней структурой и содержат в себе еще более глубокие уровни материи, природа которых пока неизвестна. Но ни принципы диалектического материализма, ни логика развития современной физики, ни имеющийся в нашем распоряжении экспериментальный и теоретический материал не дают, по-видимому, никаких оснований для того, чтобы полагать, будто эти более глубокие уровни материи связаны с существованием каких-то **«более элементарных частиц»**, чем известные ныне; более того, имеющиеся данные скорее говорят об отсутствии их, что вполне соответствует также принципам диалектического материализма.

Нельзя уподоблять природу деревянным матрешкам, вложенным одна в другую. Природа гораздо сложнее детских игрушек. Бесконечность материи вглубь необходимо должна быть связана не только с переходом к качественно иным элементам материи, но и с принципиальными качественными изменениями самой схемы «дробления» материи на все более мелкие и легкие части. Теоретический и экспериментальный материал физики элементарных частиц подтверждает это.

Как известно, о том, что атом состоит из более эле-

ментарных частиц, мы судим по тому, что при столкновении его с частицами достаточно высокой энергии он расщепляется, выделяя «части», более мелкие и легкие, чем он сам. Но при столкновении элементарных частиц, какими бы высокими энергиями они ни обладали, никакого дробления их на более мелкие и легкие части не получается. Элементарные частицы лишь взаимопревращаются друг в друга. Под достаточно сильным воздействием при определенных условиях элементарные частицы могут порождать из себя другие частицы, однако последние будут «не меньше» и «не легче» первоначальных. Как указывает В. Гейзенберг, «в действительности происходит не расщепление элементарных частиц, но создание новых частиц за счет энергии движения соударяющихся частиц»[1]. Следовательно, на уровне элементарных частиц мы, по всей вероятности, сталкиваемся с началом какого-то нового и очень значительно отличающегося от прежних этапа движения в бесконечную глубь материи.

Таким образом, бесконечность вглубь не есть «дурная» бесконечность, состоящая в однообразном, монотонном делении вещества на все более мелкие частицы. Это сложный, диалектический процесс движения, включающий в себя качественно различные этапы. По справедливому замечанию известного физика Д. Бома, не следует полагать ни того, что одна и та же схема вещей должна повторяться на всех уровнях, ни того, что «общая схема уровней, которая пока широко проявляется в природе, необходимо должна продолжаться без конца»[2]. «Качественная бесконечность природы, — пишет Д. Бом, — не эквивалентна представлению, которое выражается известным стихотворением:

«На спинах блох блошата есть;
Кусают блох они там.
Блошонок у блошат не счесть —
И так ad infinitum»[3].

Бесконечность материи вглубь есть процесс, в котором бесконечно изменяются не только сами вещи, но

[1] «Успехи физических наук», т. LXVI, вып. 2, 1958, стр. 171.
[2] Д. Бом. Причинность и случайность в современной физике, 1959, стр. 201—202.
[3] Там же.

и общие схемы вещей, происходит качественное изменение не только самих явлений, но и характера их изменений и взаимодействий.

Те, кто проводит идею о существовании «дурной» бесконечности в природе, ссылаются обычно на то, что в отдельных конкретных случаях естествознание не дает оснований для признания конечности того или иного процесса или состояния материи (например, процесса распространения света в пространстве или количества элементарных частиц в окружающем нас мире). Философские же соображения, по их мнению, не могут служить достаточными аргументами, если отсутствует непосредственно подкрепляющий их естественнонаучный материал.

Действительно, есть немало случаев, когда естествознание еще не установило с достаточной ясностью конечность отдельных состояний материи. Однако в таких случаях естествознание не располагает также и материалом, доказывающим «дурную» бесконечность их. Например, нет пока фактических данных, достаточно убедительно говорящих об ограниченной протяженности гравитационного поля в пространстве или об ограниченности количества звезд в окружающей нас Вселенной. Но нет и данных, доказывающих «дурную» бесконечность в этих случаях.

Следует сказать, что бесконечность материи вообще не может быть установлена и исследована средствами какой-либо конкретной естественной науки. Каждая конкретная естественная наука изучает определенные ограниченные формы и состояния материи, а потому имеет свою ограниченную область применения и не может распространять свои закономерности на всю бесконечную Вселенную. Решение проблемы бесконечности находится лишь в компетенции философии, обобщающей данные всей науки и практики человечества. И философия при этом в состоянии оказать естествоиспытателям неоценимую услугу, давая им методологическую нить для исследования вопросов, связанных с проблемой бесконечности. Вся история человеческого познания и весь дух диалектико-материалистической философии, обобщающей ее, говорит о всеобщности закона меры, об относительности всех конкретных состояний материи. И тот, кто придерживается принципов диалектического материализма,

должен быть последовательным до конца, должен отвергнуть идею о существовании «дурной» бесконечности и в тех случаях, когда наука еще не имеет конкретных фактических данных, говорящих о конечности того или иного состояния материи. В том и состоит великое методологическое значение марксистско-ленинской философии, что она указывает естествоиспытателям, в каком направлении следует искать решение вопроса в таких случаях.

Опорой идеи о существовании «дурной» бесконечности в природе является в известной степени «его величество здравый смысл». Гораздо легче и проще, в самом деле, думать, что если какое-либо явление или какой-либо процесс выходят за пределы наших наблюдений, то и за этими пределами они продолжаются и существуют в точно таком же виде. Мысль о том, что они должны уступить рано или поздно место чему-то иному, кажется «здравому смыслу» неразумной и излишней, только усложняющей картину действительности. С точки зрения «здравого смысла», например, следует думать, что и за пределами видимого нами космического пространства мир состоит из бесчисленного множества звезд и звездных систем, что и в прошлом и в будущем в нем всегда происходили и будут происходить одни и те же процессы круговорота космической материи, которые идут в наше время, что процесс делимости материи вглубь бесконечен, что пространственная и временная бесконечность представляют собою лишь процесс количественного накопления кубических метров и часов и т. д. и т. п. Но диалектическое мышление не может в таких рассуждениях признать правоту «здравого смысла».

Как указывал еще Ф. Энгельс, «здравый смысл» очень часто оказывается недостаточным тогда, когда дело касается явлений, лежащих вне обычного житейского опыта. Реальный мир далеко не всегда устроен настолько просто, насколько нам бы этого хотелось. И там, где «здравый смысл» встает в тупик, только диалектическое мышление открывает путь к более глубокому познанию действительности.

Основываясь на научном обобщении материала естествознания, материалистическая диалектика утверждает, что сведение реальной бесконечности природы к «дурной» бесконечности недопустимо. Для истинного позна-

ния природы необходимо, исходя из принципа меры, из закона перехода количественных изменений в качественные, считать конечным всякое конкретное состояние материи и отвергать во всех случаях мысль о существовании «дурной» бесконечности в природе как абсолютно неприемлемую.

Только диалектико-материалистическое понимание бесконечности, выраженное в работах В. И. Ленина, соответствует духу современного естествознания. Поэтому борьба за ленинское, диалектико-материалистическое понимание бесконечности является актуальной задачей передовой науки.

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА
ТОМ XVII ВЫПУСК II

М. Д. МИШАЕВА
Кандидат филологических наук

В. И. ЛЕНИН О ЯЗЫКЕ

У В. И. Ленина не имеется специальных языковедческих работ. Но философские труды Ленина, постановка и решение им важнейших гносеологических проблем проливают яркий свет на общетеоретические вопросы лингвистического характера. Кроме того, в работах Ленина содержатся ценные высказывания, касающиеся отдельных, частных сторон языка и его развития.

Будучи методологической дисциплиной, «теорией языка», языкознание теснейшим образом связано с философией.

Лишь опираясь на марксистскую философию, творчески применяя диалектический метод, советские языковеды смогут решить ряд важных и сложных проблем: о происхождении и связи языка и мышления, о содержании и форме в языке, о закономерностях языкового развития и т. д.

При этом следует помнить следующее указание В. И. Ленина, направленное против начетничества и догматизма в науке: «...материализм в истории никогда не претендовал на то, чтобы все объяснить, а только на то, чтобы указать «единственно научный», по выражению Маркса («Капитал»), прием объяснения истории...»[1].

Основной задачей настоящей статьи является рассмотрение положений и высказываний В. И. Ленина, связанных с философским аспектом языка, в первую очередь такой центральной проблемы, как мышление и язык.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., I, стр. 128—129.

В целях последовательности и удобства рассмотрения материал в статье располагается по рубрикам следующих узловых вопросов:

1. Происхождение языка и мышления и их отношение к реальной действительности.

2. Процесс познания человеком мира и отражение этого процесса в мышлении и языке.

3. Связь языка и мышления, их сходство (общность) и различия.

4. Сущность и специфика языка. Некоторые особенности языкового развития.

I. Разрешая основной вопрос философии, марксизм-ленинизм утверждает первичность материи, бытия и вторичность сознания. Хотя язык (звучащая речь) является фактором материального порядка, его возникновение и развитие неразрывно связано с развитием мышления.

Предпосылки для появления языка создались лишь в ходе длительного развития природы и человека, в процессе активного овладения им природой, осознания мира. Эта мысль ярко выражена в следующем высказывании классиков марксизма: «Итак: люди фактически начинают с того, что присваивают себе предметы внешнего мира как средства для удовлетворения своих потребностей и т. д. и т. д.; позднее они приходят к тому, что и словесно обозначают их как средство удовлетворения их потребностей...».[1]

В этом плане и мышление и язык, составляя в совокупности т. н. вторую сигнальную систему, присущую лишь человеку как общественному существу, являются вторичными по происхождению.

Сознание человека возникает на чувственной основе, т. е. ощущения, восприятия являются необходимой предпосылкой и начальной ступенькой познания. Однако переход к собственно мышлению совершался в виде скачка, т. е. был процессом качественного изменения. «Диалектичен не только переход от материи к сознанию, — указывает Ленин, — но и от ощущения к мысли etc»[2].

Каково же отличие чувственного восприятия от собственно мышления?

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 15, стр. 461.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 279.

Восприятие носит конкретный характер и непосредственно не связано с языком. Мышление же неразрывно связано с языком и отличается абстрактным характером. Касаясь данного вопроса, Ленин с сочувствием цитирует («bien dit») следующее высказывание из книги Фейербаха о философии Лейбница: «В чем же в таком случае заключается различие между разумом и чувством или способностью к ощущениям? Чувственное восприятие дает *предмет,* разум — *название* для него»[1]. И еще: «Чувства показывают реальность; мысль и слово — общее»[2].

II. Диалектика свойственна и самому процессу познания: «Познание есть вечное, бесконечное приближение мышления к объекту. *Отражение* природы в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», *не без движения, не без противоречий,* а в вечном *процессе* движения, возникновения противоречий и разрешения их»[3].

В силу диалектического развития самой материи, мышление в каждый конкретный момент не может охватить всех связей, существующих в реальной действительности, перспективы ее развития, — отсюда с неизбежностью вытекает известный схематизм, неполнота в познании.

Однако это не означает, что человек не способен познать мир. Критикуя агностицизм Канта и его последователей — махистов, Ленин развивает дальше марксистское учение об абсолютной и относительной истинах и дает положительный ответ на вопрос о познаваемости мира: Итак, «человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин. Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны»[4].

В приближении человека к абсолютной истине большую роль играют открываемые им закономерности, научные абстракции, которые отражают пройденный этап

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 384.
[2] Там же, стр. 269.
[3] Там же, стр. 186.
[4] Там же, стр. 122.

познания, являются его своеобразным итогом. Создание абстракций является необходимым условием и следствием акта познания: «Познание есть отражение человеком природы. Но это не простое, не непосредственное, не цельное отражение, а процесс ряда абстракций, формирования, образования понятий, законов etc...»[1].

Эти абстракции могут быть более или менее правильными и заведомо ложными. Ценность абстракций находится в прямой связи со ступенью их точности, соответствия реальной действительности.

«Гегель вполне прав *по существу* против Канта, — пишет В. И. Ленин. — Мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит—если оно *правильное* — [...] *от* истины, а подходит к ней. Абстракция *материи, закон* природы, абстракция *стоимости* и т. д., одним словом *все* научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*»[2].

Большую веру в силу человеческой мысли В. И. Ленин высказывает неоднократно. Приведем некоторые из этих высказываний: «...законы мышления отражают формы действительного существования предметов, совершенно сходствуют, а не различествуют с этими формами...»[3]. И еще: «Представление не может схватить движения *в целом,* например, не схватывает движения с быстротой 300.000 км. в 1 секунду, а *мышление* схватывает и должно схватить»[4].

Мышление и язык, являясь вторичными по происхождению, способны оказывать обратное воздействие на действительность, могут изменять ее: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его»[5].

В «Философских тетрадях» Ленин останавливается и на вопросе об источниках, причинах, нарушающих прямой процесс познания, вызывающих отход к ложному пути. Пример такого отхода Ленин дает, анализируя образование простейших понятий: «Подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка-понятия) с нее

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 173.
[2] Там же, стр. 161.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 346.
[4] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 220.
[5] Там же, стр. 204.

не есть простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, *включающий в себя* возможность отлета фантазии от жизни; мало того: возможность *превращения* (и притом незаметного, несознаваемого человеком превращения) абстрактного понятия, идеи в фантазию (в последнем счете = бога). Ибо и в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей идее («стол» вообще) *есть* известный кусочек *фантазии*».[1]

Причиной ложного, неправильного восприятия действительности может являться недостаточность наших знаний в той или иной области, а также эмоциональность восприятия мира, которая как бы накладывается на рациональное познание и перекрещивается с ним. «...без человеческих эмоций», — указывает Ленин, — никогда не бывало, нет и быть не может человеческого *искания* истины»[2].

Искажения в познании действительности могут вызываться и сознательным сокрытием истины (подробнее об этом будет сказано ниже).

Правильность путей искания истины и ее соответствие действительности гарантируется практикой.

III. В трудах классиков марксизма постоянно подчеркивается мысль о неразрывной связи языка и мышления в процессе их возникновения и развития, их диалектическое единство: «На духе с самого начала тяготеет проклятие «отягощения» его материей, которая выступает здесь в виде движущихся слоев воздуха, звуков, — словом в виде языка.

Язык так же древен, как и сознание, язык как раз и есть практическое, существующее и для других людей, и тем самым существующее также и для меня самого действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной нужды в общении с другими людьми»[3].

Аналогичную мысль о тесной связи мышления с языком высказывает и В. И. Ленин. Приводя следующие слова Гегеля: «Связь мышления с языком... — «радость

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 370.
[2] В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 237.
[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 20—21.

для мысли», Ленин делает предположение: «История мысли=истории языка?»[1].

Встает вопрос, что следует понимать под единством языка и мышления? Не укладываются ли эти отношения в рамки отношений содержания и формы?

Думается, что эти отношения значительно сложнее. В известном изречении Маркса и Энгельса: «Ни мысль, ни язык не образуют сами по себе особого царства, они суть проявления действительной *«жизни»*[2], убедительно показана связь духовного фактора с материальным. Хотя в приведенном высказывании в основном имеется в виду генетическая сторона, но в какой-то мере оно проливает свет и на поставленную проблему.

Учитывая также ленинское высказывание о содержании и форме: «Форма существенна. Сущность формирована. Так или иначе в зависимости и от сущности»[3] не представляется возможным исчерпать эти понятия, ограничиваясь языком и мышлением как таковыми.

Содержанием и для мышления и для языка является объективная действительность, но в последнем (языке) она отражается проходя, преломляясь через сознание.

Язык можно считать лишь *формой существования, средством проявления* мышления, поскольку язык служит «реальным», «практическим сознанием» (Маркс).

Единство языка и мышления базируется на общности материальных предпосылок их происхождения и развития. И мышление и язык возникают в процессе трудовой деятельности человека, овладения им природой.

Выше уже отмечались такие особенности мышления, как его обобщающий характер и связь с эмоциональной стороной. Эти признаки в равной мере присущи и языку. Собственно и выражение, оформление свое они получают в языке.

В. И. Ленин сочувственно цитирует высказывание Фейербаха об обобщающем характере языка: «Всякое слово (речь) уже *обобщает»*[4]. Приводится им и соответствующий пример Гегеля на функционирование место-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 77.
[2] Архив Маркса и Энгельса, Партиздат, IV, 1935, стр. 99.
[3] В. И. Ленин, т. 38, стр. 133.
[4] Там же, стр. 269.

имений: «Кто *это*? *Я*. Все люди я. Это есть *общее*... «Этот??» Всякий есть «Этот»[1].

И наконец следует собственное утверждение Ленина: «В языке есть только общее»[2]. (Интересные замечания об обобщающем характере предложения, синтаксических моделей имеется в общеизвестной работе Ленина «К вопросу о диалектике»).

В силу обобщающего характера слова и предложения, язык является простым, общепринятым средством общения, с которым не может сравниться никакой другой способ.

Отсюда и вытекает сочувственное цитирование Лениным высказывания Эпикура: «Каждый предмет получает благодаря впервые ему присвоенному названию свою ясность, очевидность, отчетливость»[3]. И далее из Гегеля: «Название есть нечто всеобщее, принадлежит мышлению, делает многообразное простым»[4].

Примечание. Обобщающий характер языка проявляется не только в обобщающем характере слов и структурных типов предложений, но и в наличии самой языковой системы, в которой почти все языковые факты подчинены известным закономерностям, т. е. составляют определенную общность.

Обобщающий характер языка прямо связан с его основной — коммуникативной функцией. Вследствие этой важнейшей особенности в языке невозможно да и не нужно каждому предмету и явлению давать особое наименование.

В этой связи, возражая Гегелю, Ленин отмечает: «Почему нельзя назвать отдельного? Один из предметов данного рода (столов) именно отличается от остальных тем-то»[5].

Маркс и Энгельс подчеркивают, что уже с самого начала формирования языка «...люди дают отдельные названия целым классам этих предметов, которые они уже отличают на опыте от остального внешнего мира»[6].

Несмотря на обобщающий характер языка, говорящий в каждом конкретном случае акта общения может

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 38, стр. 272.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 287.
[4] Там же.
[5] Там же, стр. 272.
[6] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 15, стр. 461.

выразить (пусть не в полной мере) свое особое, индивидуальное, свой взгляд на вещи, субъективную оценку и т. д.

Этот процесс совмещения и перекрещивания общего и отдельного также получает глубокое освещение в работах Ленина, особенно в его «Философских тетрадях».

Во-первых, Ленин обращает внимание на неразрывную связь, диалектическое единство данных категорий в действительности: «Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д. и т. д.»[1].

Как понятие включает, кроме общего, все «...богатство особенного индивидуального, отдельного...»[2], так и язык располагает возможностями выразить это особенное, индивидуальное.

К числу таких возможностей, видимо, следует отнести наличие контекста в письменной речи и конкретную ситуацию общения — в устной. Именно в этих условиях обнаруживаются различные значения и оттенки значений слов, их скрытый смысл и т. д.

Большой интерес и ценность представляют высказывания В. И. Ленина по вопросу о природе слова, о проблеме названия.

Вопрос о природе и значении слова вызвал много споров в науке о языке. Спор реалистов и номиналистов, сведение значения слова к понятию «рациональными» грамматиками, к проявлению психики индивидуума, творческому акту лица представителями психологического направления в XIX — начале XX вв. (Вундт, Штейнталь), отрицание познавательной ценности слова семантиками (истинное познание действительности, по их мнению, связано с ощущениями и представлениями) — таков далеко не полный схематический перечень точек зрения на слово и его значение в идеалистическом языкознании.

Марксистское языкознание указывает на соотнесенность слова с реальной действительностью, отражение ее

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 359.
[2] Там же, стр. 87.

в значении слова. Познавательная ценность слова не вызывает сомнения.

Решая вопрос о природе названия (в генетическом плане, в аспекте этимологии), классики марксизма отмечают произвольность названия, независимость его от содержания предмета, явления: «Название какой-либо вещи, — пишет Маркс, — не имеет ничего общего с ее пиродой»[1].

«Что же такое название? — ставит вопрос Ленин и отвечает понравившейся ему выдержкой из Фейербаха: «Отличительный знак, какой-нибудь бросающийся в глаза признак, который я делаю представителем предмета, характеризующим предмет, чтобы представить его себе в его тотальности»[2].

Таким образом, проблему названия (обозначаемого в слове) Ленин связывает с представлением о называемой вещи. В этом смысле слово является (можно считать) знаком предмета. Но будучи закреплено общественной практикой за данным предметом, наименование становится общеобязательным, нерасторжимо связанным с определенным явлением, вещью, не может быть изменено по чьему-либо произволу.

Хотя в основе названия лежит представление о предмете, какой-либо признак его, иногда чисто внешний и несущественный, ядром лексического (логико-предметного) значения большей части слов служит не представление, а понятие. Понятие отражает сущность, внутренние связи явлений. Однако понятием не исчерпывается содержание значения слова. Последнее может быть более широким по объему.

Понятия не остаются неизменными, переливаются одно в другое: «...человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливают одно в другое, без этого они не отражают живой жизни. Анализ понятий, изучение их, «искусство оперировать с ними» (Энгельс) требует всегда изучения *движения* понятий, их связи, их взаимопереходов»[3].

Изменения в области понятий влияют на содержание значений слов. Но объем последних обычно изме-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 113.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 385.
[3] Там же, стр. 249.

няется в соответствии с внутренними закономерностями развития языка.

IV. До сих пор речь шла в основном о единстве языка и мышления, о том, что у них общего.

Теперь необходимо остановиться на специфике языка как такового, обладающего своей определенной структурой и закономерностями развития.

Что же такое язык?

Марксизм-ленинизм учит, что язык есть особое общественное явление, отличное от базиса и надстроек. Чтобы выделить язык из других общественных явлений, необходимо дать ему определение, т. е. указать на его самую существенную сторону, самую главную функцию.

Известно скептическое отношение Маркса и Энгельса к «определениям», в связи с тем, что любое определение ограничено, не может претендовать на полноту, ибо «...вся человеческая практика должна войти в полное «определение предмета»[1].

Но в то же время Маркс и Энгельс признавали, что «для практического применения краткое указание наиболее общих и в то же время наиболее характерных отличительных празнаков в так называемом определении часто бывает полезно и даже необходимо, если только от него не требуют, чтобы оно давало больше, чем оно может выражать»[2].

В. И. Ленин, вслед за Марксом и Энгельсом, определяет язык по основной присущей ему функции — коммуникативной: «Язык есть важнейшее средство человеческого общения»[3].

Примечание. Современное идеалистическое языкознание всеми способами пытается подменить данную функцию языка какой-либо другой: функцией сообщения мыслей, функцией изложения (в лучшем случае) или вообще пытается отрицать за языком все названные функции (в худшем случае).

Язык, как и другие явления, с течением времени изменяется.

Развитию языка свойственна такая общая закономерность, как переход количественных изменений в качест-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 32, стр. 71—72.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, стр. 362.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 368.

венные. Но данная закономерность применительно к языку имеет свою особенность: качественные изменения в языке наступают постепенно, незаметно, без взрывов; путем накопления элементов нового и отмирания старого качества.

Для установления, понимания и оценки языковых закономерностей несомненную ценность представляют высказывания Ленина о законах, абстракциях вообще. Например, такие: «...научные абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*»[1]. И еще: «Закон берет спокойное — и потому закон, всякий закон, узок, неполон, приблизителен»[2]. «Явление *богаче* закона»[3].

Из этих указаний следует:

Что развитие любого явления, в том числе языкового, нельзя заключать всегда в рамки одного закона (с данной закономерностью будут перекрещиваться другие, так или иначе влияя на процесс, изменяя его).

Что нет правила без исключений, а закона без ограничений.

Примером могут служить фонетические закономерности, имевшие место в истории русского языка (падение редуцированных, переход «е» в «о» после мягких согласных и т. д.).

Несмотря на ограниченность действия закона в смысле полноты охвата им явлений, установление законов очень важно, позволяет лучше познать явления языка и язык в целом, привести в систему наши знания о языке: «Для объективной диалектики *в* релятивном *есть* абсолютное. Для субъективизма и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное»[4].

В последние годы много говорилось и писалось о языковых законах. Законы развития языка стали предметом горячих споров. Здесь нет надобности останавливаться на различных точках зрения по данному вопросу, но общие выводы, к которым пришло большинство ученых, думается, изложить кратко следует.

К языковым законам относятся все те регулярные изменения, которые в какой-то мере изменяют структуру

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 161.
[2] Там же, стр. 140.
[3] Там же, стр. 141.
[4] Там же, стр. 358.

языка и охватывают обычно определенный промежуток времени.

Сюда включают закономерности, имеющие место во всех языках, так называемые общие законы (например, закономерность неравномерного развития различных сторон структуры языка), и закономерности, протекающие в отдельных языках, т. е. собственно внутренние законы.

Иногда и первые и вторые законы называют внутренними, имея в виду специфику языка как особого общественного явления.

О двух типах языковых законов имеется замечание у Маркса: «...хотя наиболее развитые языки имеют законы и определения, общие с наименее развитыми, но именно отличие от этого всеобщего и общего и есть то, что составляет их развитие»[1].

В заключение необходимо остановиться на том, как конкретно применяет В. И. Ленин к языку следующее основополагающее положение марксизма: «Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически, (β) лишь в связи с другими; (Υ) лишь в связи с конкретным опытом истории»[2].

В применении к языку это требование прежде всего означает — изучать развитие, историю языка в связи с историей его носителя — народа.

Не учитывая исторического развития народа, невозможно установить основные периоды в жизни языка (становление языка народности, нации), выяснить состав языка в диалектном, социальном и стилистическом отношениях и т. д., наконец история народа, страны находит прямое отражение в словаре языка.

Исходя из конкретных исторических условий России, В. И. Ленин установил начало национального периода в нашей стране. Это начало, вопреки мнению народников, Ленин относит к концу XVII века, непосредственно связывая его с возникновением и развитием всероссийского рынка[3].

---

[1] Маркс. К критике политической экономии, Госполитиздат, 1953, стр. 195.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 35, стр. 200.

[3] См. Полемику Ленина с народником Михайловским по данному вопросу, Соч., т. 1, стр. 137.

Ленин выявляет и основные процессы, характерные для национального языка, в отличие от языка народности. В процессе формирования буржуазных наций осуществляется «государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе»[1].

В данном высказывании речь идет не о структурных отличиях языка народности и нации (коренных структурных отличий между ними не имеется, по крайней мере в начальный период становления нации), а об отличиях иного характера. Сущность их сводится к следующему: к ликвидации разрыва, пропасти между книжно-письменной и народно-разговорной формами языка, стиранию резких граней между диалектами (новые крупные диалектные различия, как правило, не образуются), обеспечению последнему (т. е. народному языку) свободного, ничем не ограниченного развития в литературе, во всех ее стилях и жанрах.

В трудах Ленина имеются высказывания и замечания более частного, конкретного характера.

Например, в общеизвестной статье «Об очистке русского языка»[2] Ленин разрешает важнейшую для 20-х годов лексическую проблему: об условиях допустимости в родной язык иностранных слов. Данное высказывание не утратило своей актуальности до сих пор.

В ряде работ Ленин останавливается на вопросе об искажении смысла слов, несоответствии их содержания реальной действительности.

Источники такого искажения весьма различны.

Примером могут служить названия для несуществующих предметов, предметов вымысла и фантазии, не проверенных практикой, т. е. всякого рода символика: «...ибо знаки или символы вполне возможны по отношению к мнимым предметам, и всякий знает примеры *таких* знаков или символов»[3].

В. И. Ленин отмечает, что к подобной символике охотно прибегают философы-идеалисты с целью сокрытия истины, затушевывания острых вопросов, спорных проблем.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 368.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 247.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 222.

Причиной искажения смысла слов может стать недостаточное знание языка, недостаточное владение различными нормами и лексическими богатствами литературного языка и т. д. Замечательный пример такого рода искажений Ленин приводит с неоправданным и неправильным употреблением иностранных слов в русском языке. «Сознаюсь, что если меня употребление иностранных слов без надобности озлобляет (ибо это затрудняет наше влияние на массу), — пишет В. И. Ленин, — то некоторые ошибки пишущих в газетах совсем уже могут вывести из себя. Например, употребляют слово «будировать» в смысле возбуждать, тормошить, будить. Но французское слово «bouder» (будэ) значит сердиться, дуться. Поэтому будировать значит на самом деле «сердиться», «дуться». Перенимать французски-нижегородское словоупотребление значит перенимать худшее от худших представителей русского помещичьего класса, который по-французски учился, но во-первых, не доучился, а во-вторых, коверкал русский язык»[1].

И, наконец, искажение смысла слов нередко является сознательным, в угоду классовым интересам пользующихся языком.

Классики марксизма видят в языке не только незаменимое средство общения, но и мощное оружие политической борьбы («в руках умелых оно может совершать чудеса»). Хотя язык нейтрален по отношению к классам, но классы не безразличны к языку.

Еще революционные демократы, а затем марксисты вели деятельную борьбу за очищение научных терминов от идеалистической шелухи, вскрывали их подлинный материалистический смысл.

Яркий образец такой борьбы дает и В. И. Ленин. Особенно показательна в этом отношении его классическая философская работа «Материализм и эмпириокритицизм». Приведу некоторые выдержки из этой работы. Анализируя манипуляции и махинации махистов со словом «опыт», Ленин пишет: «...под словом «опыт», несомненно, может скрываться и материалистическая и идеалистическая линия в философии...»[2]. И дальше: «...весь махизм, в широком смысле этого слова, есть не что

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 274.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 139.

иное, как извращение путем незаметных нюансов реального смысла слова «опыт»!»[1].

В. И. Ленин предупреждает и против такой опасности искажения истинной сущности слов и понятий, как прикрытие идеализма за марксистской фразеологией, подмены существа дела трескучей фразой.

«Чтобы стать социал-демократом, рабочий должен ясно представлять себе экономическую природу и социально-политический облик помещика и попа, сановника и крестьянина, студента и босяка, знать их сильные и слабые стороны, уметь разбираться в тех ходячих фразах и всевозможных софизмах, которыми прикрывает каждый класс и каждый слой свои эгоистические поползновения и свое настоящее «нутро», уметь разбираться в том, какие учреждения и законы отражают и как именно отражают те или другие интересы»[2].

Сам В. И. Ленин всегда непримиримо относился к любителям громких, пустых фраз, беспощадно разоблачая и остроумно высмеивая любые попытки подобного рода[3].

В свете ленинских высказываний о языке становятся очевидными недостатки работы Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

В условиях господства культа личности, диктата в теории эта работа преподносилась как выдающееся открытие, оригинальное исследование в области языкознания. Между тем работа в основном не выходит за рамки популярного изложения общеизвестных истин, комментаторства, а в отдельных случаях дает слишком прямолинейное или явно ошибочное толкование вопросов, например, вопроса о характере и результатах скрещивания языков, вопроса о курско-орловском диалекте как ведущем диалекте, легшем в основу русского национального языка.

* * *

Подводя итоги, необходимо отметить следующее.

Труды В. И. Ленина, особенно его работы философского характера, представляют огромную ценность для

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 280.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 383.
[3] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 313.
[4] См., например, о невозможности применить старые понятия («промысел») к новым условиям жизни — Ленин, Соч., т. 3, стр. 66—70.

советского языкознания. Тщательное исследование этих трудов необходимо для разрешения важнейших общетеоретических проблем языкознания, многих спорных вопросов.

Конкретные же высказывания Ленина о чистоте и точности языка с новой силой зазвучали сейчас — после XXII съезда партии, принявшего новую Программу Коммунистической партии Советского Союза. В деле коммунистического воспитания трудящихся, в борьбе за победу коммунизма партия большое значение придает культурной и идеологической работе[1]. Язык же был и остается не только важнейшим орудием общения, но и могучим орудием борьбы во всех областях жизни общества.

В период развернутого строительства коммунизма особенно возрастает роль великого и могучего русского языка, языка народа с замечательными революционными традициями и богатейшей культурой. Русский язык звучит на международных конференциях и съездах, широко изучается за рубежом и внутри нашей страны, 10 миллионов нерусских трудящихся назвали русский язык своим родным языком (данные переписи). Все более тесным становится культурное содружество различных наций в нашей стране, благородные идеи и образы русской литературы духовно обогащают национальные литературы, многие новые русские слова быстро становятся всеобщим достоянием.

Партия призывает к умножению богатств интернациональной культуры и с удовлетворением отмечает значительные успехи в этой области: «культурная сокровищница каждой нации все больше обогащается творениями, приобретающими интернациональный характер». (Программа КПСС, стр. 115). Придавая решающее значение развитию социалистического содержания культур народов СССР, партия в то же время стоит за свободное развитие их языков, за обучение и воспитание на родном языке, за равноправие языков.

Так, по-ленински решая вопрос межнационального общения и культуры, партия закладывает прочный фундамент построения будущей единой культуры коммунистического общества.

[1] См. Программа Коммунистической партии Советского Союза, проект, Госполитиздат, М., 1961, стр. 117 и 130.

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА
ТОМ XVII ВЫПУСК II

В. Ф. ПАРКИН
Кандидат философских наук

К ВОПРОСУ О СВОБОДЕ И НЕОБХОДИМОСТИ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

Проблема о необходимости и свободе имеет важное теоретическое и практическое значение. В марксистской философии она в целом активно разрабатывается. Слабее освещен вопрос о свободе и необходимости в условиях социалистического общества. Опираясь на ленинские положения, на материалы XXII съезда КПСС, автор статьи ставит перед собой задачу рассмотреть некоторые аспекты проблемы в целом и в особенности вопроса о свободе при социализме.

I. Постановка проблемы

Проблема свободы и необходимости имеет такую же длительную историю, как и сама философия. Это старый, как говорил Плеханов, но вечно новый вопрос, возникающий решительно перед всеми философами, решающими вопрос об отношении мышления к бытию. Проблема об отношении свободы к необходимости выражает суть основного вопроса философии об отношении сознания к бытию, духовного к материальному. Отчетливо она была поставлена уже в древней философии. В своей поэме «О природе вещей» материалист древнего Рима Лукреций Кар (99—55 до н. э.), выступая против фатализма, писал: «как и откуда, скажи, появилась свободная воля...». Но домарксистская философия, несмотря на имеющиеся в ней глубокие положения, этой проблемы решить не смогла. И прежде всего потому, что в ней безраздельно господствовал идеализм в понимании общественных явлений. Решить же ее можно только на

основе материалистического понимания истории и революционной практики пролетариата. В домарксистской философии эта проблема сводилась в основном к вопросу о свободе воли. Попытка Гегеля раскрыть ее гносеологическую основу и исторический характер не увенчалась успехом, поскольку она (проблема) решалась с позиций объективного идеализма.

Марксистская философия расширила эту проблему, отчетливо выделив два основных ее аспекта: **гносеологический и социальный**. Гносеологический аспект проблемы связан с основным вопросом философии, с диалектикой процесса познания, социальный — с классовой борьбой пролетариата, с революционным преобразованием общества. Ленин дальше развил эту проблему: а) раскрыл ее гносеологический и социальный характер, б) показал сущность свободы при социализме. Гносеологический аспект проблемы рассматривается Лениным главным образом в книге «Материализм и эмпириокритицизм». В этой книге Ленин развил и обогатил марксистскую гносеологию, одним из аспектов которой является проблема об отношении свободы к необходимости. Показывая гносеологический характер этой проблемы, Ленин дает глубокую критику философии махизма, субъективного идеализма в понимании вопроса о свободе и необходимости. Махизм, отрицая объективную реальность, причинность, необходимость и закономерность, в понимании вопроса об отношении свободы к необходимости скатывался на позиции волюнтаризма шопенгауэровского характера. Мах в своей работе «Познание и заблуждение» писал, что «законы природы суть правила, по которым необходимо происходят процессы в природе», они «порождаются нашей исключительной потребностью найтись среди явлений природы»[1]. Субъективный идеализм в понимании законов природы неразрывно у Маха связан с агностицизмом. В этой же работе он пишет: «Правильность позиций «детерминизма» или «индетерминизма» доказать нельзя»[2]. Отрицая объективный характер законов природы, Мах с неизбеж

---

[1] Э. Мах. Познание и заблуждения. Изд. Скирмунта, 1909, стр. 447, 452.

[2] Э. Мах. Познание и заблуждения. М., 1909, стр. 287.

ностью скатывается на позиции волюнтаризма, по существу ничем не отличающегося от шопенгауэровского.

В своей работе «Мир как воля и представление» Шопенгауэр писал, что субъект «носитель мира», его «волевой акт, из которого возникает мир, это — акт наш собственный. Он свободен, ибо закон достаточного основания, от которого всякая необходимость и получает свое значение, представляет собою не что иное, как форму его проявления»[1]. Не трудно увидеть здесь общую субъективно-идеалистическую, волюнтаристскую основу позиций Маха и Шопенгауэра в решении вопроса об отношении свободы к необходимости. Поэтому Ленин говорил, что Мах не прочь пококетничать с идеализмом в духе Шопенгауэра, о его склонности к волюнтаристическому идеализму. Известно, что русские махисты не поняли этого. Это видно, например, из статьи Луначарского «Атеизм», в которой он писал следующее: «Авенариус и Мах «уничтожили пропасть между духом и материей», но «не обратили достаточного внимания на главный вывод современного монизма: уничтожения пропасти между необходимостью и свободой...»[2]. Это положение Луначарского показывает, что русские махисты не поняли гносеологического характера проблемы об отношении свободы к необходимости, ее зависимость от основного вопроса философии.

Современная буржуазная философия не вышла за пределы старых субъективно-идеалистических, волюнтаристских идей. Несмотря на многообразие точек зрения на эту проблему в буржуазной философии, ее основные положения можно свести к следующему: свобода мыслится как освобождение от необходимости, от условий, среды; не имея своего содержания, она есть атрибут абстрактного индивидуума, существует вне времени и является абсолютной, не носит исторического характера, а определяется природой человека вообще; отождествляется с крайним индивидуализмом, произволом, культом случая; она не есть область разумного, а — иррационального[3].

---

[1] А. Шопенгауэр. Мир как воля и представление. СПБ, 1901, т. 2, стр. 180.

[2] См. Очерки по философии марксизма. СПБ, 1908, стр. 148.

[3] См. об этом подробнее кн. Роже Гароди «Марксистский гуманизм», Изд. иностранной литературы, 1959 г.

Показав несостоятельность идеализма, Ленин раскрыл гносеологическую природу проблемы об отношении свободы к необходимости. Признание объективной реальности, существующей независимо от сознания и воли человека, является исходным положением при решении вопроса о свободе и необходимости. Из признания объективной реальности, существующей независимо от сознания и воли человека, вытекает и признание объективного характера необходимости, закономерности, причинности, выражающих отношения самой действительности. Законы природы и общества существуют независимо от сознания и воли человека и являются основой его целесообразной деятельности по преобразованию природы и общества. «Законы внешнего мира, природы.., — говорит Ленин, — суть основы целесообразной деятельности человека»[1].

Успешная деятельность людей по преобразованию природы и общества может осуществляться только в соответствии с необходимостью, выражающей внутренние и существенные связи природы и общества. Вопрос об отношении свободы к необходимости предполагает познание и использование в практике законов природы и общества. Отсюда и вытекает гносеологическая и социальная природа проблемы свободы и необходимости.

Закономерность и необходимость, выражающие внутренние и существенные связи и отношения действительности, по своему содержанию тождественны, но по формам своего проявления — различны. В отличие от необходимости и сущности, имеющих свои специфические, специально им свойственные формы проявления (случайное, явление), закон не имеет такой специальной, только ему свойственной, формы проявления; она дается ему теми конкретными условиями и связями, в которых данный закон действует и которые он выражает. Поэтому форма закона всегда конкретна, лишена признака **всеобщности**[2], но обладает признаком особенности и единичности. Это нашло свое отражение, в частности, в том, что закон, в отличие от необходимости и сущности, которые имеют соотносительные понятия — случайное и явление,

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 178—179.

[2] Вопрос о стихийности и сознательности как формах проявления закона будет рассмотрен ниже.

не имеет такого соотносительного понятия, то есть не является парной категорией.

Общее в законе проявляется **через** единичное. Многообразие **общих** форм проявления закона вытекает из многогранности, многосторонности его содержания; в нем **слито**, находится в единстве, органически взаимосвязано общее и существенное, необходимое и устойчивое. Законы не имеют только **своей всеобщей** формы проявления, а не **вообще** формы проявления, которую они безусловно имеют. Для практики это различие имеет очень важное значение: познается и используется тот или иной закон через конкретную форму своего проявления.

Познание законов природы и общества является **необходимой стороной** свободной деятельности человека. Господство человека над силами природы и общества возможно только на основе познанной необходимости. В этом смысле свобода выступает как форма прогресса в развитии знаний, культуры, науки и использование их в практике.

Обнаружение необходимости, закономерности, внутренней причинности есть сложный процесс диалектического познания человеком действительности. Отражая объективную реальность, мышление человека не в состоянии схватить сразу, полностью, окончательно все многообразие связей действительности. Диалектика абсолютного и относительного в познании истины действует в отношении свободы к необходимости и выражается **в познанной** и «слепой», непознанной, но **познаваемой** необходимости.

Но одного познания необходимости для свободной деятельности недостаточно. Это одна из существенных сторон свободной деятельности людей. Необходимость превращается в свободу в процессе практической деятельности. Ленин писал, что господство над природой, проявляющее себя в практике человечества, есть результат объективно-верного отражения в голове человека явлений и процессов природы...[1]. Использование необходимости в практике есть вторая существенная сторона свободной деятельности людей. Единство этих сторон есть **коренное** условие превращения необходимости в свободу.

Процесс познания необходимости и ее использование в практике зависят от уровня развития производитель-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 177.

ных сил и соответствующих им производственных отношений. Из этого вытекает общественная, социальная природа свободной деятельности людей, ее исторический характер. Эту сторону проблемы об отношении свободы к необходимости Ленин рассматривает уже в своих ранних произведениях; она ставится в полную зависимость от соотношения классовых сил в России, революционной борьбы пролетариата, создания партии нового типа, роли личности в истории. В работе «Что такое «друзья» народа и как они воюют против социал-демократов?» и других работах этого периода Ленин подвергает резкой критике субъективно-идеалистическую социологию либеральных народников и «легальных марксистов». В связи с этим рассматривается вопрос о свободе воли.

Народники и «легальные марксисты» проповедовали идею абсолютной свободы воли. По мнению «легального марксиста» П. Струве, свобода беззаконна, другого философского смысла, кроме отрицания необходимости или закономерности, это слово не имеет[1]. Представитель либерального народничества Михайловский под свободой понимает независимость человека от других людей, от необходимости[2]. По мнению сторонников субъективной социологии, детерминизм несовместим со свободной волей. Признание причинной обусловленности действий человека, по их мнению, приводит к отрицанию роли личности в истории, ставит человека в фатальную зависимость от условий, среды. С этой стороны они подвергали критике материалистическое понимание истории, обвиняя его в фатализме. Михайловский писал, что якобы исторический материализм, признавая объективную необходимость, причинность, отрицает случайность, роль личности, великих людей. С точки зрения исторического материализма, по его мнению, люди — это «марионетки, подергиваемые из таинственного подполья имманентными законами исторической необходимости»[3]. Для субъективного идеализма и волюнтаризма детерминизм несовместим со свободой воли: или свободная воля или причинность, необходимость, закономерность. Непонимание

---

[1] П. Струве. Свобода и историческая необходимость. «Вопросы философии и психологии», М., 1897, стр. 132.

[2] Н. К. Михайловский. Что такое прогресс? Петроград, изд. «Колос», 1922, стр. 94.

[3] См. журнал «Русское Богатство», № 1, С.-П., 1894, стр. 113.

диалектики в отношении свободы к необходимости есть общая характерная черта субъективного идеализма и волюнтаризма[1]. Ленин доказал, что детерминизм, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Напротив, только при детерминистическом понимании этого вопроса возможна строгая и правильная оценка поведения человека, а не сваливание чего угодно на свободную волю[2]. Не ведет это также и к отрицанию роли личности в истории, к фатализму. «Детерминизм не только не предполагает фатализма,—говорит Ленин,—а, напротив, именно и дает почву для разумного действования»[3].

Известно, что под свободой воли марксизм понимает **способность принимать решения со знанием дела.** В этом определении выражена суть вопроса о свободе воли. Вопрос о свободе воли является одной из сторон общего вопроса об отношении свободы к необходимости. **Знание дела** выражает его гносеологическую природу: основой действий, поступков, поведения людей является объективная причинность, необходимость, закономерность. Воля человека **отражает** объективную необходимость,

---

[1] См. Шопенгауэр. Свобода роли и основы морали. С.-П., 1886 г. «Свободное... ни в каком отношении не подлежащее необходимости... «свободная воля есть такая, которая не определяется основаниями...» (стр. 7—8); Н. Я. Грот. О свободе воли. Труды Московского психологического общества, выпуск 3, М., 1889 г. «Наша воля, как деятель, свободна, т. е. зависит от самой себя», свобода деятеля «от других деятелей», «воля... есть освободившийся элемент всеединой «вселенской «воли», (стр. 19, 21, 92); Л. М. Лопатин. Вопрос о свободе воли. Труды Московского психологического общества, вып. 3, 1889, «В основе необходимости лежит творчески-свободная духовная мощь», «воля есть то, что действует в человеке свободно», «творческая свобода составляет даже самую суть человеческой личности», «свобода творчества есть везде, где реализуется духовная причинность», (стр. 172, 147, 157, 162); Ф. Ферстер. Свобода воли и нравственная ответственность, М., 1905, «Относительную независимость человека от чувственного мира и зависимость от мира его мыслей,.. мы и называем нравственной свободой», (стр. 42); Сартр, свобода — это «внутреннее расположение и внутреннее отрицание данного», совершающее «выбор из самого себя», чтобы выступить против случайности, т. е. внешнего мира (см. кн. Г. Менде, Очерки о философии экзистенциализма, изд. ин. лит., М., 1958, стр. 15).

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 142.

[3] Там же, стр. 400.

закономерность, причинность. В этом смысле она **вторична, производна**. Диалектика познания необходимости действует и здесь. Но эта общая диалектика процесса познания **модифицируется** через индивидуальное **сознание, чувства, переживания,** нравственные принципы и т. д.

Выражением свободной воли является действие[1], основанное на познанной необходимости. Свободное действие есть диалектическое единство субъективного и объективного; в нем объективное выступает в субъективной форме, снимается и становится желательным, целевым. Это одна сторона взаимодействия. Другая состоит в том, что субъективное, целевое, желаемое, взаимодействуя с объективным, в свою очередь снимается объективным, растворяется в нем, воплощается в форме результата целевых действий. Переход объективного в субъективное и наоборот выражает диалектику превращения необходимости в свободу и свободы в необходимость. Субъективное, целевое, воздействуя на объективное, преобразуя его, становится его причиной. Причинная обусловленность таким образом охватывает и объективное и субъективное. Но первичное, определяющее остается за объективным. «На деле цели человека, говорит Ленин, — порождены объективным миром и предполагают его»[2]... Однако свободная воля проявляется в причинной зависимости объективного от субъективного, а не наоборот. Субъективное **осваивает,** в известном смысле **творит,** определяет объективное, **освобождает** себя от власти, господства со стороны объективного, и только таким образом оно становится свободным. Свобода действия выражает **господство** субъективного над объективным, подчинение, определение объективного. Поэтому детерминизм не только не предполагает фатализма, но является прямым его отрицанием. Прежняя философия[3] не видела **диалектического** взаимодействия субъективного и объективного. Материализм видел зависимость субъективного от объективного. Не понимая

---

[1] За пределами действия вопрос о свободе воли теряет всякий смысл. Воля становится предметом рассмотрения психологии, а не философии.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 180.

[3] У Гегеля диалектика субъективного и объективного мистифицирована, извращена. Объективное у Гегеля есть саморазвитие всемирного духа, субъективное — сознание, воля и действие людей. Субъективное есть проявление объективного, и, наоборот: они «переходят друг в друга...» (Гегель, Соч., т. VII, стр. 52).

обратной зависимости, он скатывался на позиции фатализма. Идеализм, наоборот, отрицая зависимость субъективного от объективного, абсолютизируя его, становился на позиции волютаризма, произвола. Волютаризм не устраняет фатализма. Быть марионеткой случая нисколько не лучше, чем быть марионеткой закона[1]. Ревизионизм в этом вопросе следует за буржуазной философией. В свое время Э. Бернштейн писал, что у Маркса «сознание» и «бытие» противопоставляются так резко, что недалеко до вывода, что люди рассматриваются только как живые агенты исторической силы, дело которых исполнять ее веления против своей воли и сознания[2]. По Каутскому, в царстве свободы лежат только те цели, которые еще не намечены, о которых мы еще ровно ничего не знаем[3]. Необходимость и свобода различаются как прошлое (необходимость) и как будущее (свобода). И Бернштейн, и Каутский не видят диалектики во взаимосвязи свободы и необходимости. Не видят ее и современные ревизионисты. Джолитти задачу пролетариата усматривает в том, чтобы «осознать свою роль производительной силы и в качестве таковой отождествиться с техническим прогрессом»[4]. Для ревизионизма старого и нового характерен фатализм, культ стихийного.

Диалектика свободы и необходимости была раскрыта только марксистской философией. Свобода есть господство человека над необходимостью природы, общества, над самим собой, основанное на познании и использовании законов природы и общества.

Это новое понимание свободы. В нем определена материальная основа свободы человека и указана действительная возможность свободы для всех, а ее достижение неразрывно связывается с положительной, созидательной деятельностью всего общества в целом[5].

---

[1] Б. Бьярнасон. Старые и новые проблемы. Изд. ин. лит., 1960, стр. 138.

[2] Э. Бернштейн. Исторический материализм, С.-П., 1901, стр. 10.

[3] К. Каутский. Этика и материалистическое понимание истории, М., 1906, стр. 58.

[4] Цит. по кн. Луиджи Лонго. Ревизионизм новый и старый, изд. ин. лит., М., 1958, стр. 10.

[5] Л. В. Скворцов. Развитие В. И. Лениным марксистского понимания свободы в борьбе против апологии капиталистического рабства. Вестник МГУ. № 2, 1960, стр. 37.

2. Сознательное творчество новых форм жизни как выражение свободной деятельности людей при социализме

В работах Ленина послеоктябрьского периода раскрывается сущность подлинной свободы при социализме[1]. Решение вопроса о свободе при социализме Ленин связывает с особенностями социалистической революции. Социалистическая революция существенным образом отличается от всех прошлых революций тем, что она совершается при отсутствии сложившихся, готовых форм социалистического хозяйства. Создание этих **новых** форм хозяйства является важнейшей задачей самой революции. В связи с этим коренным образом изменяется роль трудящихся классов: в прежних революциях эти классы выполняли в основном разрушительные задачи, в социалистической революции — главным образом созидательные, творческие[2]. Ленин неоднократно говорил, что социализм, живой, творческий есть создание самих народных масс. Глубокое отличие социалистической революции от всех революций Ленин видел в том, что она «подняла через советскую власть к активному участию в государственном строительстве десятки миллионов тех, которые раньше оставались незаинтересованными в этом строительстве»[3]. С этим связано изменение роли всей политической организации общества: она превращается в мощное средство по созданию совершенно новых экономических отношений, форм организации и управления всеми сторонами общественной жизни. Происходит глубокое изменение также и в соотношении общественного и личного — общественные и личные интересы начинают в основном совпадать. Общественный интерес впервые становится **формой** проявления необхо-

---

[1] В статье будут рассмотрены только некоторые из существенных сторон проблемы об отношении свободы к необходимости при социализме.

[2] Социалистическая революция «может быть успешно осуществлена только при самостоятельном историческом творчестве большинства населения, прежде всего большинства трудящихся» (В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 213).

[3] В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 467.

димости прогрессивного развития **всех** сторон общественной жизни.

Мы видим здесь совершенно новый аспект проблемы об отношении свободы к необходимости, новую диалектику их взаимосвязи, новые закономерности превращения свободы в необходимость и необходимости в свободу. Сознательное участие миллионных масс в создании, творчестве совершенно новых общественных отношений, форм жизни заставляет нас по-новому ставить и решать проблему об отношении свободы к необходимости в условиях социалистического общества. Прежде всего следует конкретизировать само понятие свободы применительно к социалистическому обществу. Эта конкретизация должна исходить из ленинского положения о том, что социалистическая революция... «выводит трудящихся на дорогу *самостоятельного* творчества»[1] новой жизни. Это ленинское положение выражает главное, существенное в рассматриваемой проблеме: дает возможность определить свободу при социализме как **сознательную, творческую деятельность людей по овладению природной и общественной необходимостью и созданию новых общественных отношений и форм их организации.** Сознательно творить новые общественные отношения люди могут только на основе глубокого знания закономерностей общественного развития. Сознательные действия людей при социализме становятся формой проявления общественной необходимости. Уже при социализме эта форма проявления необходимости постепенно приобретает черты общности. В условиях коммунистического общества она превратится в единственную форму проявления законов общества и нравственных отношений. Это будет скачок из царства необходимости в царство свободы.

Важнейшим результатом сознательного творчества народных масс явилось установление общественной собственности на средства производства, устранившее существовавший в досоциалистических формациях разрыв между производителями и продуктом общественного производства. Люди становятся **господами** производственного процесса и произведенного ими продукта производства, тем самым устраняется основа для действий

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 370.

чуждых человеку сил. Возникает объективная основа для сознательного использования законов общественного развития.

«С победой социализма произошли колоссальные изменения в характере общественного развития. Тысячи лет люди страдали от стихийного действия общественных законов, были их жалкой игрушкой. При социализме люди не только познают объективные законы, но и овладевают ими»[1].

Коренным образом изменилась классовая структура общества и отношения между классами. Это в свою очередь устранило классовое препятствие на пути познания и использования законов общественного развития. Благодаря чему все сферы общественной жизни становятся ареной свободной деятельности людей; сфера производства, экономические отношения, политика, искусство, нравственность, наука и т. д.

Общественная собственность на средства производства и отношения взаимопомощи вызвали к жизни новые законы и обусловили своеобразие их действий. Начинают действовать совершенно новые экономические законы.

Основной экономический закон социализма выражает объективную тенденцию социалистического производства — наиболее полно удовлетворять постоянно растущие материальные и культурные запросы членов социалистического общества на основе ускоренного развития производительных сил и повышения производительности общественного труда. **Заинтересованность** в техническом прогрессе непосредственного производителя становится общей формой проявления свободной деятельности людей при социализме.

Закон планомерного (пропорционального) развития, выражающий объективную тенденцию пропорционального развития **всех** отраслей народного хозяйства, требует сознательной, планирующей деятельности, планового ведения хозяйства со стороны общества. Плановое ведение народного хозяйства становится общей формой проявления свободной деятельности людей при социализме.

---

[1] Н. С. Хрущев. О Программе КПСС, сб. Материалы XXII съезда КПСС, Госполитиздат, 1961, стр. 127.

Оно приобретает черты **необходимости.** Здесь мы видим яркий пример того, как необходимость, познанная людьми, становится свободной, а свобода — необходимой. Особенность диалектики перехода необходимости в свободу при социализме состоит в том, что субъективное становится необходимым и существенным и начинает преобладать над объективным необходимым и существенным. Плановое ведение хозяйства, отражая объективное необходимое и существенное, в свою очередь само есть необходимое, существенное, коренное свойство всякого социалистического общества. Причинная зависимость в объективном и субъективном в одинаковой мере принимает необходимый, существенный характер.

Преобладание субъективного (сознательной деятельности) над объективным (необходимым), — это специфика их взаимосвязи при социализме, на которую указывал еще Маркс. В третьем томе «Капитала» он писал, что пропорциональность производства здесь устанавливается **«как закон, который, будучи постигнут их коллективным разумом и потому подвластен ему, подчиняет процесс производства их общему контролю»**[1] (подчеркнуто мною, — **В. П.**). Эта же мысль выражена и в словах Ленина о том, что с победой социалистической революции люди получили довольно редкий в истории случай устанавливать сроки, необходимые для производства коренных социальных изменений[2].

В подвластности, покорности[3] объективных законов коллективному разуму людей, познавших их и овладевших ими, состоит **преобладание** субъективного над объективным. В досоциалистических формациях действует другая тенденция: объективное преобладает над субъективным. Это проявлялось в том, что частная собственность на средства производства ставила непреодолимые препятствия использованию законов в интересах общества, не позволяла сознательно направлять развитие общества в целом. В предшествующих формациях «неконтролируемые силы гораздо могущественнее, чем силы, приводимые в движение планомерно»[4], поэтому здесь

---

[1] См. «Капитал», т. 3, Госполитиздат, 1950, стр. 267.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 441—442.

[3] См. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1952, стр. 263.

[4] См. Энгельс. Диалектика природы, Госполитиздат, 1949, стр. 15.

объективные законы господствовали над людьми[1]. Только социальная революция временно изменяет соотношение субъективного и объективного: устанавливает преобладание субъективного над объективным. Можно сказать, что **всякая**, а не только социалистическая, **социальная революция** есть результат действия и сознательного использования прогрессивными классами прежде всего трудящимися классами общесоциологического закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил[2]. Напротив, при социализме субъективное постоянно преобладает (как тенденция) над объективным, поскольку социализм снимает социальные ограничения в использовании общественной необходимости в интересах всего общества и каждого его члена. Здесь люди становятся господами своих общественных отношений и регулирующих их законов.

Роль субъективного в связи с этим громадным образом возрастает как по линии все более **глубокого** познания и использования законов, так и по линии втягивания в этот процесс все большего и большего числа людей. Следовательно, при социализме впервые в истории свобода как тенденция общественного развития начинает преобладать над природной и общественной необходимостью. В этом состоит одна из закономерностей развития социалистического общества, выражающая скачек из царства необходимости в царство свободы.

Законы социализма, как и законы прежних формаций, действуют в виде тенденции. Это общая черта всякого закона. Но при социализме закономерное по своей **природе** качественно иное, чем в досоциалистических формациях, основанных на эксплуатации человека человеком. Положение о том, что законы при социализме проявляются в ясно выраженной, прозрачной форме[3], является совершенно неправильным. Объективный общественный закон прокладывает себе дорогу всегда во взаимодействии с другими законами. Взаимодействие законов при социализме характеризуется **взаимодополнением,**

---

[1] См. кн. Основы марксизма-ленинизма, Госполитиздат, 1959, стр. 142.

[2] В статье Бутенко «Война и революция», «Коммунист», № 4, 1961, стр. 52, это положение относится к социалистической революции.

[3] Ж. Туленов. Закон как философская категория, Казахское гос. изд., 1959, стр. 153.

своеобразным союзом, согласованностью[1]. И при социализме разные законы выражают различные, но не взаимоисключающие тенденции.

Сложнее обстоит дело с вопросом о формах проявления законов при социализме. Наша точка зрения на этот вопрос состоит в том, что и при социализме **каждый** закон имеет свою, специфическую форму своего проявления. Но наряду со специфическими формами проявления законов в условиях социализма возникает и развивается общая форма—сознательная деятельность людей.

Общественная собственность и отношения взаимопомощи порождают единство интересов, целей, стремлений у людей социалистического общества. Единое, общее идеальное (интересы, цели, стремления) начинает адекватно отражать единое, общее материальное (общественную собственность, отношения взаимопомощи и законы, возникшие на этой основе). Сознательное в действиях людей при социализме, объективируясь в общем, едином, целенаправленном, становится общей формой проявления законов социалистического общества. В данном случае признаком объективности обладает не только материальное, но и идеальное, получившее черты общего, необходимого, существенного. Признаком **объективности** обладает, например, **планирование народного хозяйства** в социалистическом обществе, а не только закон планомерного (пропорционального) развития всех отраслей народного хозяйства. Можно утверждать, что именно плановое ведение хозяйства является **общей формой проявления законов при социализме.**

Здесь объективация идеального имеет гносеологическую природу, познавательный характер; оно не становится реальным, не материализуется. Другой характер носит объективация в том случае, когда идеальное, плановое, целенаправленное объективируется через преобразование, изменение материального, объективных экономических условий и отношений. Взаимосвязь этих двух сторон в процессе объективации идеального находит свое выражение в единстве теории и практики. Превращение идеального в реальное, теории в практику есть выражение важнейшего момента диалектики объектив-

---

[1] О закономерностях возникновения и развития социалистического общества. Изд. Академии наук СССР, М., 1960, стр. 29.

ного и субъективного[1], свободы и необходимости: субъективное превращается в объективное, преобразуя его в соответствии с намеченным планом и поставленной целью. Свобода действий есть процесс превращения субъективного в объективное, в котором (процессе) активное, творческое начало принадлежит субъективному. От субъективного исходит действие, преобразующее объективное. В этом состоит его свобода. В условиях социализма субъективное-индивидуальное концентрируется в субъективном общем, необходимом и существенном. Поэтому его роль в преобразовании объективного, его активное и творческое начало колоссально возрастает. Это особенно отчетливо проявляется в возрастании роли партии в познании и использовании законов общественного развития в условиях развернутого строительства коммунизма[2].

В условиях социализма иное соотношение сознательного и стихийного. В нашей философской литературе сознательное и стихийное определяется следующим образом: под сознательным мы понимаем то, пишет Глезерман, что осуществляется людьми в соответствии с заранее поставленной целью, преднамеренно. Под стихийным понимается то, что осуществляется или происходит непреднамеренно, что не контролируется людьми, не подчиняется их воле, а, напротив, господствует над ними[3]. По отношению к законам, объективному «стихийность есть лишь одна из форм проявления объективного»[4], стихийность в то же время «противостоит сознательности и планомерности; а стихийное действие экономических законов — их сознательному применению, их планомерному использованию»[5]. При стихийном осуществлении законов «общий результат действий людей складывается непреднамеренно и не соответствует заранее

---

[1] М. В. Федяев. В. И. Ленин о роли субъективного фактора в общественном развитии. Омск, 1961, стр. 22.

[2] См. сб. Материалы XXII съезда КПСС, Госполитиздат, 1961, стр. 424.

[3] См. «Вопросы философии», № 1, 1956, стр. 214.

[4] См. кн. О закономерностях возникновения и развития социалистического общества. Изд. Академии наук СССР, М., 1960, стр. 65—66.

[5] Л. И. Любошиц. Общие и специфические экономические законы, Госполитиздат, М., 1959, стр. 21.

поставленной цели»[1]. При сознательном же — «общий результат действий людей соответствует заранее поставленной цели»[2]. События, вытекающие из требований законов, но не соответствующие заранее поставленным целям, носят стихийный характер[3]. В философской литературе также совершенно правильно указывается, что нельзя смешивать объективное со стихийным. Объективность процесса состоит в его независимости от субъекта, от его воли и сознания. Стихийность связана с непреднамеренным осуществлением объективного, закономерного, необходимого[4]. Все эти положения являются правильными. Однако они не раскрывают источник и природу стихийности и сознательности. На наш взгляд, природа стихийного двойственна: стихийное содержится в функционировании законов капитализма; оно выражает характер взаимосвязи, взаимодействия противоположных тенденций самой закономерности, а также характер взаимосвязи между различными законами. В данном случае стихийное является формой объективного и само в себе содержит признак объективности. Законы капитализма, как известно, действуют стихийно независимо от воли и сознания людей. Маркс писал, что при капиталистическом производстве пропорциональность отдельных отраслей производства выступает из диспропорциональности как постоянный процесс, так как здесь взаимная связь производства как целого навязывается лицам, действующим в производстве, как слепой закон[5]...

Другой источник стихийности содержится в характере взаимосвязи субъективного с объективным. Оно является результатом осуществления объективного, закономерного. Для социализма характерным является именно этот источник: стихийное здесь не выражает характер взаимосвязи различных тенденций объективного, закономерного, а возникает в результате нарушения их требований. При социализме сознательное (плановое),

---

[1] Л. И. Любошиц. Общие и специфические экономические законы. Госполитиздат. 1959, стр. 21.

[2] Там же.

[3] Ж. Туленов. Закон как философская категория. Казах., изд. 1959, стр. 142.

[4] Л. И. Любошиц. Общие и специфические экономические законы. Госполитиздат, 1959, стр. 21.

[5] К. Маркс. «Капитал», т. 3, Госполитиздат, 1950, стр. 267.

а не стихийное, является формой взаимосвязи различных (не взаимоисключающих) тенденций объективного, закономерного, необходимого. В этом плане важна мысль Энгельса о том, что в экономических законах находят выражения те побуждения, которые приводят в движение большие массы людей[1]. В связи с этим можно указать также и на тот спор, который происходил в нашей экономической литературе по вопросу об объективном характере цели общественного производства. Одна точка зрения на этот вопрос состоит в том, что непосредственная **цель** социалистического производства — это **объективная** экономическая категория, определяемая общественной формой собственности на средства производства и выражающая основное производственное отношение социализма[2]. Другая — состоит в следующем: тот факт, что **цели** людей порождаются объективной действительностью, еще не дает нам права признать **цель** основополагающим моментом объективного экономического закона[3]. На наш взгляд, вторая точка зрения на вопрос об объективности **цели** общественного производства является неправильной. Она не учитывает того, что экономические законы действуют в отношениях между людьми, что они проявляют себя через их действия и что субъективное и объективное содержится в действиях людей и выступает в единстве, переходят друг в друга. **Цель** общественного производства, выраженная в основном законе социализма, **объективирована:** сознательное (плановое, целевое) здесь объективируется (вплетается)[4], через общее, необходимое, существенное в производственные отношения и процесс его объективации выражает характер их взаимосвязи. Объективированное сознательное (целевое, плановое) выражает **цель** (требование) основного

---

[1] Маркс, Энгельс. Избранные произведения, т. 2, 1955, стр. 373.

[2] См. статью М. И. Бурлакова «Основной экономический закон социализма и рост благосостояния трудящихся», в сборнике «Экономические законы социализма и их использование». Соцэкгиз, М., 1960, стр. 53.

[3] См. статью Ширяева в журн. «Экономические науки», № 3, 1958, стр. 61.

[4] «Общественные идеи вплетаются в закономерный ход исторического развития», см. кн. «Основы марксизма-ленинизма», Госполитиздат, 1959, стр. 142.

закона социализма—наиболее полно удовлетворять материальные и культурные потребности членов общества.

В досоциалистических формациях стихийность является **общей** формой объективного, закономерного; оно **господствует** над сознательным, планомерным, целенаправленным. Поэтому общий результат действий людей складывается непреднамеренно и не соответствует заранее поставленной цели. В условиях социализма, напротив, **общей** формой объективного, закономерного является сознательность, плановость; здесь плановое, сознательное **господствует** над стихийным, непреднамеренным. Поэтому общий результат действий людей соответствует заранее поставленной цели.

В досоциалистических формациях планомерное, целенаправленное, сознательное не могло приобрести черты, признаки **общего**, существенного, закономерного, необходимого, поскольку частная собственность и антагонизм в отношениях между людьми порождали противоположные цели, планы, стремления, интересы. В этих условиях сознательное, плановое не могло объективироваться, превратиться в форму проявления объективного; общей формой его проявления здесь является стихийность, непреднамеренность. Общественная собственность и отношения взаимопомощи порождают у людей социалистического общества общий **интерес и общие цели,** которые, объективируясь, становятся общей формой проявления закономерного, существенного, необходимого.

Итак, стихийность не является постоянной формой объективного, закономерного; это зависит от природы самого объективного и от соотношения, взаимосвязи субъективного и объективного. Природа стихийного двойственна: оно общая форма объективного и результат взаимодействия субъективного и объективного. Оказывается правильным положение о том, что стихийное и объективное не одно и то же: стихийное, как форма объективного, исчезает, а объективное (иное) остается, приобретая новую форму, — сознательность, плановость. Такова диалектика стихийного, объективного, сознательного, непреднамеренного и преднамеренного.

Элементы стихийного имеются и в условиях социалистического общества. Но они здесь не являются господствующей тенденцией исторического процесса. Стихийное при социализме по своим источникам и по своему значе-

нию не одинаково. Наличие элементов стихийности при социализме, прежде всего, связано с еще сохраняющимися пережитками старого как в сознании людей, так и в экономических отношениях, а также с существованием капиталистического мира и с влиянием стихийных сил природы[1]. Кроме того, стихийность может явиться результатом игнорирования объективных закономерностей, субъективизма. По мере все более глубокого познания законов сфера действия этой стихийности будет неуклонно сужаться. Стихийность может также возникнуть, явиться результатом творческого почина народных масс, «самопроизвольного рождения нового»[2]. Возникнув самопроизвольно, в форме нового почина масс, стихийное затем включается в планомерные отношения социалистического общества, приобретает сознательный характер, сливается с общей формой проявления существенного и необходимого объективного — сознательностью, плановостью, преднамеренностью.

Переход субъективного — единичного и особенного в субъективное — необходимое, существенное, **общее** является непременным условием свободной деятельности людей в условиях социалистического общества. Он возможен только на основе общественной собственности и отношений взаимопомощи и является выражением специфики познания и использования законов при социализме. Процесс познания необходимости в условиях социалистического общества совершается по законам диалектической логики. И при социализме законы действуют объективно, т. е. независимо от сознания и воли людей, и не проявляются в чистой, прозрачной форме.

Объективность законов состоит в том, что они выражают существенные, необходимые связи и отношения материальных процессов, в преемственности этих процессов, в определяющей их роли по отношению к идеальным процессам и отношениям, в отставании идеального от материального и необходимости его приспособления к материальному, в противоречии отдельного идеального с общим результатом в развитии материального, а также в том, что содержание идеальному дает материальное,

---

[1] См. кн. О закономерностях возникновения и развития социалистического общества, изд. Академии наук СССР, 1960, стр. 91, 14.

[2] Там же, стр. 100.

а само оно есть форма активного отражения материального. В результате взаимодействия различных тенденций возникает несущественное, случайное.

В нашей философской литературе высказывается мнение о том, что при социализме происходит сужение поля действия случайностей общественного развития. Например, в статье Ожегова «Соотношение необходимости и случайности в развитии социалистического общества» говорится, что планомерный переход к коммунизму, политическое, экономическое, научно-техническое, культурное, нравственное развитие советского общества ведет ко все более глубокому познанию и умелому использованию необходимых процессов природы и общества и тем самым обусловливает не только дальнейшее ограничение воздействия случайностей природы на общественную жизнь, но и сужение поля действия случайностей общественного развития. Практика убедительно показывает, что сужение сферы действия случайностей и сокращение их роли— новая объективная закономерность, вытекающая из внутренней природы коммунистической формации[1]. Аргументация автора в пользу положения о сужении сферы действия случайностей при социализме состоит в том, что с всесторонним развитием общества будет происходить **более глубокое познание и умелое использование необходимых процессов**. Почему более глубокое познание и умелое использование необходимости должно привести к сужению сферы действия случайностей при социализме? Ведь сфера действия необходимости и случайности не зависит от того, как мы их познали и как они используются. Как необходимые, так и случайные связи и отношения действуют объективно и не зависят от того, насколько глубоко мы познали эти связи и как умело их используем. От глубины знания и умелого использования необходимости и случайности зависит та роль, какую они играют в практической деятельности людей по овладению природными и общественными процессами. В этом плане положение автора о том, что с переходом общества от социализма к коммунизму происходит дальнейшее ограничение воздействия случайностей на общественную жизнь, является

---

[1] См. сб. Диалектика развития социалистического общества. М., 1961, стр. 157.

безусловно правильным. При социализме действительно случайность перестает господствовать в общественных отношениях.

Но все это не означает, что в условиях социалистического общества объективная необходимость начинает действовать, как правильно указывает сам автор, в каком-то «очищенном» от случайностей виде. Необходимые и случайные связи и отношения присущи самой действительности, находятся в единстве и переходят друг в друга. Поэтому говорить о сужении или расширении сферы деятельности необходимости или случайности в зависимости от глубины познания и умелого их использования будет совершенно неправильно. Нельзя также согласиться с утверждением о том, что якобы воля и творчество масс и даже личные качества отдельных людей, включающейся в определение исторической необходимости, служат мощным источником случайностей в развитии общества[1]. Сами по себе воля и личные качества людей не являются источником случайностей. Необходимое и случайное содержится в действиях людей и их отношениях. Но это такие действия и отношения, которые не входят в субъективный фактор; они складываются независимо от воли и личных качеств людей. От того, что воля и личные качества людей вплетаются в историческую необходимость, положение не изменяется: источником необходимых и случайных связей является объективная действительность. Воля и личные качества людей, включаясь в определение исторической необходимости через практику, объективируются, теряют свои субъективные качества, растворяются в объективном, материализуются. Только в этом случае они могут стать источником случайностей. И при социализме случайное является формой проявления и дополнением необходимости, действует объективно, переходит в необходимое. Особенность здесь состоит в том, что в условиях социализма люди господствуют над необходимостью и тем самым они господствуют и над случайностью. С ростом господства над необходимостью будет возрастать и господство лю-

---

[1] А. М. Гендин. В. И. Ленин о соотношении необходимости и случайности, необходимости и свободы в общественно-историческом процессе. Ученые записки, т. 18, Красноярский пединститут, Красноярск, 1960, стр. 104.

дей над случайными связями и отношениями. В этом состоит одна из закономерностей общественного развития коммунистической формации.

Поэтому и процесс познания законов при социализме носит противоречивый характер, идет от незнания к знанию, от менее полного к более полному, от относительного знания к абсолютному, от сущности первого порядка к сущности второго порядка и т. д. Особенность здесь состоит в том, что в условиях социализма нет объективной основы для мистифицированного понимания законов, отсутствуют антагонизмы в самой сущности закона и в классовых отношениях, устранены классовые препятствия для познания и использования законов общественного развития. Это серьезно облегчает и ускоряет процесс познания необходимости.

Диалектика превращения необходимости в свободу при социализме имеет ряд существенных особенностей. Сначала назревают события, возникают явления, процессы независимо от воли и сознания человека. На этой стадии необходимость выступает в виде новой возможности и проявляет себя в форме стихийности. Затем она отражается в сознании наиболее передовых людей социалистического общества. На этом этапе необходимость еще не осознается, не становится основой для практической деятельности большинства людей общества. В решениях и резолюциях съездов и Пленумов ЦК КПСС, постановлениях Советского государства эти новые явления и процессы обобщаются, формулируются в виде законов, теорий, предположений. В процессах и явлениях, происходящих объективно, выделяется глубокое, внутреннее, необходимое, закономерное. На этом не заканчивается процесс познания и овладения необходимостью: для этого еще нужно, чтобы ею овладели большинство людей социалистического общества. Это осуществляется через огромную разъяснительную, воспитательную и организаторскую деятельность партийных и советских организаций среди широких масс населения. Необходимое и существенное доводится до масс в конкретных, доступных, понятных формах — политических задачах, целях, в развитии интереса и т. д. Переход от единоличного хозяйства к коллективному стал возможен только после того, как основная масса крестьянства осознала эту необходимость. В сфере материального производства

подтверждением этого положения служит развитие социалистического соревнования. Все формы социалистического соревнования возникали на определенном этапе развития социалистического общества в виде нового почина новаторов производства. На этом этапе они носили стихийный характер. Партия и Советское государство этот почин новаторов производства несли уже в массы, поднимая их до сознания его необходимости, закономерности. И только таким путем новая необходимость превращалась в познанную и становилась основой свободной деятельности масс.

Замечательным подтверждением этого положения является также всестороннее раскрытие процессов постепенного перерастания социализма в коммунизм в Программе КПСС. Из опыта активной, сознательной, творческой деятельности миллионов людей выделено наиболее общее, существенное, закономерное, необходимое, обусловливающее основные направления, тенденции в развитии сложного, многогранного, противоречивого процесса развернутого строительста коммунистического общества. Глубоко вскрыты закономерности развития производительных сил и производственных, политических, идеологических, нравственных отношений. Вместе с тем в Программе КПСС определены конкретные пути и средства достижения величественных планов построения коммунизма — светлого будущего всего человечества.

Одна из особенностей познания и использования необходимости состоит в том, что с развитием культурного уровня людей растет массовость непосредственно участвующих в познании и использовании новой общественной необходимости. Это проявляется, в частности, в том, что в обсуждении важнейших мероприятий партии принимают непосредственное участие миллионы советских людей, и количество их все время возрастает. Это очень глубокое явление, показывающее, что вместе с партией в познании необходимости начинают принимать непосредственное участие миллионные массы; высокий уровень, на котором находится свободная деятельность людей социалистического общества, неограниченные возможности для свободного развития всех членов общества. Здесь мы видим одну из закономерностей превращения необходимости в свободу в условиях социализма.

Итак, процесс познания и превращения необходимости в свободу начинается с познания и овладения новыми явлениями отдельными передовыми членами общества и идет через раскрытие партией его необходимого характера к познанию и овладению им (через партию) основной массой людей социалистического общества. На этой ступени сознательная деятельность людей приобретает черты общности, необходимости, существенности, а через общее, необходимое, существенное становится общей формой проявления объективного. Такова общая закономерность превращения необходимости в свободу в условиях социализма. В период развернутого строительства коммунистического общества в развитии свободы начинают действовать новые тенденции. О них следует сказать несколько подробнее.

3. Основные тенденции в развитии свободы в период развернутого строительства коммунизма

XXII съезд КПСС всесторонне разработал вопрос о закономерностях перерастания социализма в коммунизм. Советское общество вступило в новый этап своего развития — в полосу развернутого строительства коммунистического общества. В связи с этим стали действовать некоторые новые закономерности в развитии социалистического общества, а также во взаимосвязи свободы и необходимости. Общая тенденция в развитии свободы состоит в том, что она постепенно с переходом общества к коммунизму превратится в общую и обязательную форму деятельности каждого члена общества, то есть она будет иметь характер необходимости. Общественная и личная свобода будут в основном совпадать. Эта общая тенденция в развитии свободы действует в области материального производства, в производственных отношениях, в политической организации общества, в нравственных отношениях.

В период развернутого строительства коммунизма создается его материально-техническая база. Создание материально-технической базы коммунизма предполагает широкое внедрение новой техники в производство, комплексную механизацию и автоматизацию, глубокую специализацию и кооперирование во всех отраслях на-

родного хозяйства, полную электрификацию, использование атомной энергии в мирных целях, развитие электроники и т. д[1].

Такие перемены в характере производства не могут не вызвать глубокие социальные изменения во всех сферах жизни общества. Прежде всего совершенно изменится характер труда. Исчезнет старое разделение труда между производителями, появится потребность контролировать не отдельные процессы производства, а целый комплекс производственных процессов, неразрывно связанных между собой. Чтобы управлять такими сложными процессами производства и совершенствовать его технологию, нужно знать производство в целом, а не отдельные его операции, иметь инженерно-техническое образование, то есть сам характер общественного производства поднимет производителя до уровня инженерно-технического работника. Исчезнет существенное различие между трудом физическим и умственным, произойдет органическое соединение умственного и физического труда в производственной деятельности людей[2]. Сам характер труда в этих условиях заставит человека действовать свободно, в соответствии с необходимостью. Свободная деятельность станет **общей и обязательной** для каждого члена общества.

Изменение характера производства приведет к существенному изменению в производственных отношениях. Постепенное слияние двух форм социалистической собственности в единую коммунистическую собственность приведет к тому, что труд в сельском хозяйстве по существу ничем не будет отличаться от труда в промышленности, исчезнет существенное различие между городом и деревней. Те стихийные силы природы, которые в настоящее время общество не в состоянии контролировать, с развитием комплексной механизации, автоматизации и полной электрификации, с помощью атомной энергии и использования других видов энергии человек сможет поставить под свой контроль и регулировать ими в зависимости от своих потребностей. Господство людей над природой поднимется на огромную высоту.

Определяя основную тенденцию в развитии сельского

---

[1] См. сб. Материалы XXII съезда КПСС, Госполитиздат, 1961, стр. 369.

[2] Там же, стр. 366—367.

хозяйства, в Программе КПСС указывается, что оно будет приближаться к уровню промышленности по технической вооруженности и организации производства; сельскохозяйственный труд превратится в разновидность промышленного труда; зависимость сельского хозяйства от природной стихии значительно уменьшится, а затем и сведется к минимуму[1]. В сельскохозяйственном производстве люди будут действовать так же свободно, как и в других сферах общественного производства и общественных отношениях. Произойдет и другое существенное изменение в развитии свободы — она потеряет окончательно классовый характер.

Переход к коммунистическому принципу распределения связан с развитием у людей внутренней потребности к труду. В развитии внутренней потребности трудиться бесплатно на общество огромную роль будут играть наряду с материальными стимулами к труду, духовные и моральные. Эта тенденция действует уже теперь: движение коммунистических бригад показывает, что духовные и моральные стимулы к труду начинают приобретать все более значительное влияние. Это будет труд, как говорил Ленин, по привычке трудиться на общую пользу и по сознательному (перешедшему в привычку) отношению к необходимости труда на общую пользу[2]. С развитием движения за коммунистический труд постепенно материальные стимулы погаснут, в то время как стимулы духовные и моральные превратятся в основные и решающие. И когда это произойдет, то общество сможет перейти (при наличии, разумеется, изобилия материальных благ) к распределению продуктов производства по потребности. Труд станет внутренней потребностью каждого члена общества, превратится в подлинное творчество, источник радости[3], а свободная деятельность — в моральный принцип и основное моральное правило жизни и деятельности людей коммунистического общества. И сами нравственные принципы морального кодекса строителя коммунизма станут общей формой проявления нравственной свободы **всех** членов коммунистического труда.

---

[1] Материалы XXII съезда КПСС, Госполитиздат, 1961, стр. 377.

[2] В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 482.

[3] Материалы XXII съезда КПСС, Госполитиздат, 1961, стр. 367.

В сфере политических отношений действует та же общая тенденция, что и в сфере материального производства и в производственных отношениях: развитие социалистической государственности в коммунистическое самоуправление предполагает полное развитие демократии, вовлечение всех граждан в управление всеми делами общества. Управлять такой сложной организацией, какую из себя будет представлять коммунистическое общество, смогут только люди высокообразованные, высококвалифицированные. Как указывается в Программе КПСС, коммунизм — это высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников, в котором утвердится общественное самоуправление, труд на благо общества станет для всех первой жизненной потребностью, осознанной необходимостью, способности каждого будут применяться с наибольшей пользой для народа[1]. Эта тенденция действует в настоящее время; уже теперь большинство населения нашей страны участвует в управлении обществом.

Например, число депутатов в Советах увеличено до миллиона восьмисот с лишним тысяч человек, в постоянных комиссиях Советов активно работает свыше трех миллионов трехсот тысяч человек, общественными контролерами и инспекторами труда, страховыми делегатами, культорганизаторами — свыше 7 миллионов профсоюзного актива, в действующих производственных совещаниях — более 7 миллионов человек, в обществе рационализаторов и изобретателей — более миллиона человек, в научно-технических обществах — более 800 тысяч[2] и т. д. Серьезно активизировалась работа всех массовых государственных и общественных организаций—Советов, профсоюзов, комсомола, колхозов; происходит процесс постепенной передачи функций государства общественным организациям; создаются новые формы участия людей в общественном управлении; растет политическая активность трудящихся масс, их сознательность. В свое время Ленин говорил, что социалистическое государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда

[1] Материалы XXII съезда КПСС, Госполитиздат, 1961, стр. 366.
[2] См. об этом статью Б. С. Маньковского «Повышение роли общественных организаций», «Вопросы философии», № 4, 1961.

массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно[1].

Как указывается в Программе КПСС, Советское государство, возникшее как государство диктатуры пролетариата, превратилось на новом, современном этапе в общенародное государство, в орган выражения интересов и воли **всего** народа; оно призвано организовать создание материально-технической базы коммунизма, преобразование социалистических отношений в коммунистическое, построить коммунистическое общество. В этих условиях творческая, сознательная деятельность людей в управлении обществом становится общей формой проявлений свободы в условиях социализма.

По мере движения общества к коммунизму эта тенденция будет усиливаться: каждый член общества будет нести определенную функцию по управлению страной. Участие в управлении обществом станет общим и обязательным для каждого члена коммунистического общества и постепенно превратится в обычное моральное правило, в привычку, нравственный принцип.

Произойдут существенные изменения и в развитии науки, народного образования, культуры. Основная тенденция здесь состоит в том, что с развитием науки, культуры, образования **применение научных** знаний в практике, во всех сферах жизни и деятельности людей станет общим и обязательным делом всех и каждого члена коммунистического общества. Наука станет в полной мере непосредственной производительной силой[2]. Существенно изменится в связи с этим соотношение эмпирических и рациональных, научных знаний — основой деятельности каждого члена общества будут научные знания.

Обязательность в данном случае не выступает в качестве внешнего принуждения, так же, как, например, сознательная дисциплина не только не устраняет, а, напротив, предполагает творческое, активное отношение человека к действительности. Обязательность свободного действия станет внутренней потребностью, желанием, стремлением каждого члена коммунистического общества. В выработке внутренней потребности, привычки действовать свободно решающую роль несомненно сыграет

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 224.

[2] Материалы XXII съезда КПСС, Госполитиздат, 1961, стр. 375.

глубокое освоение всеми членами общества марксизма-ленинизма. В постановлении ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» указывается, что в современных условиях **овладение идеями марксизма-ленинизма, глубокое понимание политики партии и борьба за ее осуществление является жизненной потребностью не только коммунистов, но и всех трудящихся**[1].

Дальнейшее обоснование этого положения дано в Программе КПСС. Как указывается в Программе КПСС, в условиях социализма и строительства коммунистического общества, когда стихийное экономическое развитие уступило место сознательной организации производства и всей общественной жизни, когда **теория повседневно претворяется в практику, первостепенное значение приобретает формирование научного мировоззрения у всех тружеников общества на основе марксизма-ленинизма, как цельной и стройной системы философских, экономических и социально-политических взглядов**[2].

Итак, переход от социализма к коммунизму приведет к тому, что свободная деятельность приобретет черты необходимости, превратится в **общую, обязательную форму** деятельности каждого члена общества. Общество и личность в одинаковой степени будут действовать свободно. Наступит подлинное царство свободы, о котором мечтали самые глубокие умы всего человечества.

* * *

В статье были рассмотрены только некоторые вопросы из диалектики свободы в условиях социалистического общества. Главный вывод состоит в том, что и в социалистическом обществе необходимое, закономерное, существенное действует объективно, независимо от сознания и воли людей и является основой их свободной деятельности. Но это объективное по своему характеру и формам своего проявления коренным образом отличается от объективного в досоциалистических формациях. Специфика объективной диалектики обусловливается господством общественной собственности и отношениями това-

---

[1] См. журнал «Коммунист», № 1, 1960, стр. 16.

[2] Материалы XXII съезда КПСС, Госполитиздат, 1961, стр. 409.

рищеской взаимопомощи свободных от эксплуатации людей. Специфика объективной диалектики обусловливает специфику субъективной — общество получает возможность сознательно регулировать, направлять необходимые, закономерные процессы исторического развития, планомерно овладевать природными и общественными силами. Общество начинает господствовать над необходимостью. В связи с этим гигантски ускоряется процесс общественного развития, движения к коммунизму — бесклассовому общественному строю с единой общественной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе с всесторонним развитием людей вырастут и производительные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники, все источники общественного богатства польются полным потоком и осуществится великий принцип «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям», где утвердится Мир, Труд, Свобода, Равенство, Счастье для всех народов.

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА
ТОМ XVII ВЫПУСК II

Я. В. БОЛЬШУНОВ
Кандидат педагогических наук
В. Г. САФРОШКИН
Кандидат философских наук

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО И ПСИХИЧЕСКОГО В КНИГЕ ЛЕНИНА «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ»

Проблема соотношения материи и психики всегда стояла и стоит в центре философской мысли. Принципиальное решение этого вопроса дано в трудах классиков марксизма-ленинизма. Однако конкретная разработка основного философского вопроса в естественнонаучном плане, в аспекте соотношения физиологического и психического вызывает значительные трудности. Особое значение имеет этот вопрос для психологии, так как понимание предмета и методов психологической науки, понимание любого психического явления всецело определяется тем, как конкретно решается проблема соотношения физиологического и психического.

Известно, что среди советских философов, психологов, физиологов нет единства в естественнонаучной характеристике психики и сознания. В статьях и монографиях последних лет некоторые авторы настойчиво защищают ошибочную точку зрения, согласно которой психика материальна, является особой формой движения материи, и обвиняют тех, кто рассматривает психические явления как идеальные, в отходе от материализма к идеализму или в уступках идеализму.

В марте 1961 года при Московском государственном университете проводился семинар преподавателей диалектического материализма вузов РСФСР по философским вопросам современного естествознания. В ходе семинара состоялся симпозиум по теме «О природе и сущности психического». На симпозиуме разгорелась острая дискуссия. Философы Кальсин Ф. Ф. и Медве-

дев Н. В. настойчиво отстаивали свою, по мнению большинства участников симпозиума, ошибочную точку зрения о материальности психики.

Эта точка зрения не раз критиковалась как в печати, так и на различных научных конференциях. Если бы эту позицию поддерживали несколько человек, то тогда можно было бы не возвращаться к ее публичной критике. Однако дело в том, что такое понимание вопроса имеет своих сторонников среди определенной части ученых, врачей, инженеров, учителей и т. д.

Особое значение для широкого распространения вульгаризаторских взглядов на психику имеет то обстоятельство, что эти взгляды проникают на страницы массовых журналов и книг научно-популярного содержания. Широкие круги читателей, не имея специальной философской, психологической, естественнонаучной подготовки, разумеется, не могут достаточно критически подойти к утверждениям вульгарно-материалистического толка, подкупающим к тому же своей мнимой определенностью и простотой.

В журнале «Октябрь» (№ 1, 1961 г.) напечатана статья — очерк кандидата медицинских наук Е. Лобковой «Хирург оперирует мозг». В этой статье приводится случай с водянкой мозга у одного больного, вызвавшей серьезные расстройства психической деятельности (утрата сложившихся в прошлом опыте ассоциативных связей, норм поведения и т. п.). С искусственным удалением скопившейся в желудочке мозга жидкости психика больного нормализовалась. Из этого факта автор статьи сделал следующий категорический вывод: «Вот, кстати, еще одно из тысяч доказательств материальности мышления» (12, 180). Этот скороспелый вывод обнаруживает поверхностное понимание автором указанной статьи диалектического материализма. В чем философский смысл примера с водянкой мозга? Психика человека находится в зависимости от своего материального субстрата — нервной системы, является свойством мозга. Если нарушается нормальная работа головного мозга, то это определенным образом сказывается и на психике как его свойстве. Но отсюда никак не следует вывод о материальности психики, мышления.

В журнале «Техника молодежи» в последнее время широко обсуждался вопрос о возможности передачи

мыслей на расстояние. Некоторые участники этого обсуждения утверждают, что поскольку мозг человека можно рассматривать как «станцию отправления» и «станцию приема» электромагнитных волн, постольку передача мыслей на расстояние существует. Выражение «передача мыслей на расстояние» требует разъяснения. Когда говорят о передаче определенных материальных волн от одного мозга к другому мозгу, то здесь имеются в виду физические или биологические процессы. Мышление же — это явление социально-исторического порядка, а не биологического. В общественной жизни исторически вырабатываются определенные системы сигналов (звуковой язык, различные знаковые системы в науках, например, в химии, математике). Через посредство выработанных в обществе систем сигналов передаются мысли на расстояние от одних людей другим людям (например, через посредство радио). Но в данном случае речь идет о передаче мыслей через посредство выработанных в обществе определенных материальных носителей мыслей. Такое понимание выражения «передача мыслей на расстояние» избавляет нас от опасности биологизации в трактовке данного вопроса.

Если даже наука со временем и докажет, что волны, излучаемые мозгом одного человека, уходят в пространство и принимаются нервной системой, мозгом другого человека, то это еще ни в какой мере не может служить основанием для утверждения о передаче мыслей на расстояние. В этом случае уходящие в пространство мозговые излучения можно будет рассматривать как особый вид раздражителей, способных действовать на мозг других людей каким-то особым образом, а не через посредство известных органов чувств.

Все приведенные факты и соображения служат достаточным основанием для того, чтобы подвергнуть самой тщательной критике ошибочную точку зрения на психические явления, которая имеет известное распространение в нашей печати.

Авторы данной статьи поставили перед собой задачу показать решение проблемы о соотношении материального и психического В. И. Лениным, главным образом в его книге «Материализм и эмпириокритицизм». Это имеет большое значение и потому, что Ф. Ф. Кальсин, Н. В. Медведев и другие сторонники материальности

психики усиленно ссылаются на высказывания В. И. Ленина, истолковывая их в духе своей концепции.

Хорошо известно, что проблема соотношения материального и психического проходит красной нитью через всю книгу «Материализм и эмпириокритицизм». Исключительно ценный материал по данному вопросу содержится в высказываниях В. И. Ленина об ощущениях. В. И. Ленин уделил особое внимание раскрытию содержания категории ощущения и связей ощущения с материальным миром. Исключительное внимание со стороны В. И. Ленина к рассмотрению вопроса об ощущениях вполне понятно. Его книга была направлена своим острием против махизма, который абсолютизировал ощущения, оторвал их от материального мира и свел этот мир к ощущениям.

Будучи сравнительно простым психическим процессом, на основе которого возникают более сложные формы отражательной деятельности, ощущения выражают непосредственную связь сознания с внешним миром, непосредственно характеризуют собой диалектический переход от материи к сознанию. Поэтому вопрос о сущности процесса ощущения неразрывно связан с проблемой о природе психического вообще.

Рассмотрим некоторые классические характеристики процесса ощущения, данные в работе «Материализм и эмпириокритицизм».

«Ощущение есть результат воздействия объективно, вне нас существующей вещи в себе на наши органы чувств... Ощущение есть субъективный образ объективного мира» (2, 106).

«Ощущение есть образ движущейся материи. Иначе, как через ощущения, мы ни о каких формах вещества и ни о каких формах движения ничего узнать не можем; ощущения вызываются действием движущейся материи на наши органы чувств. Так смотрит естествознание» (2, 288).

Мы специально берем в контексте ленинские характеристики процесса ощущения. Нередко в научных работах и учебных пособиях высказывания В. И. Ленина об ощущениях берутся вне контекста и связи с другими определениями. Например, часто в отдельности приводятся и рассматриваются такие ленинские формулировки, как: «...ощущения суть функция центральной нервной

системы человека» (2, 78), «...ощущения суть образы внешнего мира» (2, 91) и т. д. Конечно, это возможно, когда вопрос разбирается в каком-то одном аспекте. Однако взятые вне контекста и связи между собой эти формулировки не выражают всей глубины, многогранности ленинской трактовки процесса ощущения. Если внимательно разобраться в высказываниях В. И. Ленина об ощущениях, взяв в контексте каждое отдельное определение или характеристику, то обнаружится, что во всех случаях, когда В. И. Ленин берет ощущения в качестве объекта специального рассмотрения, он характеризует их одновременно и как отражение материального мира и как свойство, функцию особым образом организованной материи. В каком бы аспекте ни рассматривал В. И. Ленин ощущения, если только он специально останавливается на них, то раскрывает одновременно и в единстве связь ощущения с особым образом организованной материей и связь ощущения с отображаемой объективной реальностью. Зависимости: отображаемый объект и ощущение, нервная система и ощущение В. И. Ленин дает не изолированно, а в диалектическом единстве. Ощущение как образ предмета или явления существуют в нас, является функцией, свойством нервной системы, и, наоборот, ощущение как свойство, функция нервной системы представляет собой образ предмета или явления.

В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм» специально подчеркивает положение о внутреннем единстве и недопустимости изолированного рассмотрения связей: объект и ощущение как его образ, нервная система и ощущение как ее свойство, функция.

Разоблачая авенариусовские домыслы об «интроекции», В. И. Ленин указывает: «...нелепое отрицание того, что зрительный образ дерева есть функция моей сетчатки, нервов и мозга, понадобилось Авенариусу для подкрепления теории о «неразрывной» связи «полного» опыта, включающего и наше «Я», и дерево, т. е. среду.

Учение об интроекции есть путаница, протаскивающая идеалистический вздор и противоречащая естествознанию, которое непреклонно стоит на том, что мысль есть функция мозга, что ощущения, *т. е. образы внешнего мира,* существуют *в нас,* порождаемые действием вещей на наши органы чувств... дух не существует незави-

симо от тела..., дух есть вторичное, функция мозга, отражение внешнего мира» (2, 78).

В этом глубочайшем по смыслу высказывании В. И. Ленина утверждается положение о внутреннем единстве, о невозможности разрыва зависимостей: объект и ощущение, нервная система и ощущение. Отрыв ощущения от нервной системы нужен идеалистам для отрицания объективного существования материального мира, для отрицания того, что ощущение является образом предмета, явления, действующего на органы чувств человека. Авенариус отрывает ощущения, вообще психическое от нервной системы для того, чтобы объявить ощущения элементами мира.

Единство связей: отражаемый объект и психическое явление, нервная система и психическое явление с замечательной глубиной и лаконичностью выражено в ленинских формулировках: «...зрительный образ дерева есть функция моей сетчатки, нервов и мозга»; «...ощущения, т. е. образы внешнего мира, существуют в нас, порождаемые действием вещей на наши органы чувств»; «...дух есть вторичное, функция мозга, отражение внешнего мира».

Давая общую оценку взглядам русских махистов, В. И. Ленин еще раз специально подчеркивает положение о недопустимости разрыва связей: объект и ощущение, человек с его нервной системой и ощущение. Неправильное понимание одной из этих зависимостей ведет к ошибочному толкованию другой.

«Коготок увяз — всей птичке пропасть. А наши махисты все увязли в идеализме, т. е. ослабленном, утонченном фидеизме, увязли с того самого момента, как взяли «ощущение» не в качестве образа внешнего мира, а в качестве особого «элемента». Ничье ощущение, ничья психика, ничей дух, ничья воля, — к этому неизбежно скатиться, если не признавать материалистической теории *отражения* сознанием человека объективно-реального внешнего мира» (2, 331).

Другими словами, отрицание того, что психика является отражением объективной реальности неизбежно ведет к отрыву психики от человека с его органами чувств, нервной системой, поскольку психические явления как образы внешнего мира возникают именно в результате воздействия объектов на органы чувств, нервную

систему человека, в результате сложной внутринервной работы.

Ленинские характеристики процесса ощущения чрезвычайно важны для правильного понимания такого дискуссионного до сих пор вопроса, как соотношение физиологического и психического. Именно неспособностью понять единство психики как отражения материального мира и как свойства особым образом организованной материи объясняются ошибки некоторых наших философов, психологов и физиологов при трактовке вопроса о природе психики, о единстве физиологического и психического.

В статье Б. В. Беляева «Об основном законе психологии» чрезмерно абсолютизируется, обособляется связь: объект и психическое явление как его субъективный образ. В результате автор приходит к идеалистическому выводу о том, что субъективные образы «невозможно... полагать находящимися в мозгу» (7, 55).

Б. В. Беляев в своих рассуждениях заходит в логический тупик. С одной стороны, он рассматривает психику как свойство нервной системы, мозга; с другой стороны, он отрывает психику от мозга, утверждая, что субъективное отражение объективного мира нельзя рассматривать как отражение, осуществляемое мозгом.

Конечно, свойство предмета или явления не может отождествляться с самим предметом или явлением, но вместе с тем свойство нельзя изолировать, отрывать от объекта, свойством которого оно является. Поскольку психика является только особым свойством, особой функцией нервной системы, постольку она не может отождествляться с самой нервной системой, с ее физиологическими функциями. Вместе с тем именно потому, что психика — свойство, функция нервной системы, она не может рассматриваться в отрыве от нервной системы, от мозговых процессов.

Ошибки вульгарно-материалистического толка содержатся в статьях А. М. Авраменко (4), В. М. Архипова (6), Н. В. Медведева (14), в монографиях Ф. Ф. Кальсина (9 и 10), Н. С. Мансурова (13) и др. Указанные авторы абсолютизируют связь между психикой и нервной системой. В итоге они скатываются на позицию отождествления физиологического и психического, объявляют

психику материальной, особой формой движения материи и т. д.

Например, А. М. Авраменко заявляет: «Материалистическое мировоззрение требует, чтобы и психические процессы мы рассматривали как материальные, подобно тому, как мы рассматриваем все остальные явления в природе»... (4, 71).

В. М. Архипов пишет: «...психика — явление чувственное, которое можно взять в руки. Такова точка зрения диалектического материализма и, в частности, Энгельса, который в выражениях, не допускающих кривотолков, утверждает, что психика есть форма движения материи» (6, 67).

Н. В. Медведев считает, что «психическое, рассматриваемое в естественнонаучном плане, есть особая форма движения материи мозга» (14, 133).

Ф. Ф. Кальсин исходит из того, что сознание, вообще идеальное является «в то же время материальным свойством мозга или определенной формой движения материи» (9, 10).

Н. С. Мансуров, характеризуя взгляды вульгарных материалистов, указывает: «Бюхнер был прав, когда говорил что мышление является одной из форм движения материи» (13, 154).

С подобными утверждениями нельзя согласиться.

Известно, что формы движения материи не подвергаются уничтожению, но только переходят друг в друга. Если считать сознание формой движения материи, то следует сделать вывод, что со смертью человека его сознание не уничтожается, а преобразуется в какую-то другую форму движения материи. Однако, как справедливо пишут Г. Курсанов и В. Колбановский, «не существует никаких средств для доказательства» такого превращения сознания во что-то иное (11, 114). Таких доказательств и быть не может, так как сознание, будучи свойством нормально функционирующего человеческого мозга, а не формой движения мозгового вещества, вместе со смертью человека действительно уничтожается, исчезает.

Н. В. Медведев считает аргумент об исчезновении сознания человека с его смертью в защиту нематериальности психики ошибочным. Он пишет: «Таким путем легко прийти к утверждению об «исчезновении» после смерти

и биологической и социальной форм движения, и к отрицанию их как форм движения» (15, 111).

Приведенное возражение Н. В. Медведева является несостоятельным. Если исчезает биологическая форма, то при этом живая материя превращается в мертвую, неживую. Если исчезает социальная форма движения материи, то опять-таки она исчезает не бесследно. По остаткам материальной культуры человека, особенно по орудиям труда, можно восстановить в более или менее точном виде характер экономических отношений и общественного строя живших когда-то людей. А сознание со смертью данного человека действительно исчезает, а не превращается в какую-либо другую форму бытия. Этот аргумент как раз и является наиболее убедительным в защиту отстаиваемого авторами данной статьи положения об идеальности психики, сознания.

Если признать мышление, сознание материальным, особой формой движения материи, то тогда следует сделать вывод и о том, что нет противоположности между материей и мышлением. Такое понимание основного вопроса философии, по существу, представляет собой возрождение принципа тождества бытия и мышления, которым руководствовались идеалисты. Разница только в том, что у Гегеля, например, природа рассматривается как «инобытие духа», абсолютной идеи, а сторонники материальности мышления приходят к тождеству путем сведения мышления к материи. Так, Ф. Ф. Кальсин считает неправильным качественное различение материи и сознания (9, 231). Н. В. Медведев настаивает на том, что в естественнонаучном плане качественное отличие психики от материи заключается только в том, что психика как особая форма движения материи качественно отличается от других форм ее движения (14, 134). Он пишет: «Соотношение между физиологическим и психическим нервными процессами сходно с соотношением между химической и биологической формами движения» (14, 137). Из этих слов видно, что Н. В. Медведев рассматривает психический процесс как тождественный какому-то особому нервному процессу, отличающемуся от физиологической нервной деятельности.

И. М. Сеченов и И. П. Павлов рассматривали нервные процессы как физиологические процессы. И. П. Павлов считал свое учение о высшей нервной деятельности

физиологическим учением. Физиологические процессы могут быть различными по степени сложности. Психические же явления — это результат наиболее сложно оргасвязи с другими, а иногда вырванные из контекста, вычленить из нервных процессов особые психические нервные процессы, якобы качественно отличающиеся от физиологических нервных процессов, не соответствует данным павловской физиологии.

В. М. Архипов, Ф. Ф. Кальсин и другие сторонники отождествления психики с нервной деятельностью, выдвигая тезис о том, что психика — это форма движения материи, пытаются опереться на отдельные, взятые вне связи с другими, а иногда вырванные из контекста, высказывания классиков марксизма-ленинизма.

В частности, Ф. Ф. Кальсин, Н. В. Медведев цитируют слова И. Дицгена: «Мышление есть телесная работа», одобренные В. И. Лениным (2, 231), и отсюда заключают: следовательно, мышление материально. Особенно вольно обращается с данным высказыванием И. Дицгена Н. В. Медведев. Он приписывает эти слова В. И. Ленину и, кроме того, прибавляет к цитированному В. И. Лениным высказыванию И. Дицгена слово «мозга». Н. В. Медведев пишет: «Вспомним указание В. И. Ленина о том, что мышление есть телесная работа мозга» (14, 137). Вырвав высказывание из контекста, «поправив» его и приписав его В. И. Ленину, Н. В. Медведев делает вывод: значит «отражательный мозговой процесс и формируемый им образ — едино суть» (14, 137).

Ф. Ф. Кальсин и Н. В. Медведев не принимают во внимание весь контекст ленинской характеристики точки зрения И. Дицгена по интересующему нас вопросу.

И. Дицген гносеологически четко разграничивает предмет мысли и отражение этого предмета в мыслях. Он пишет: «Мой письменный стол, как содержание моей мысли, совпадает с этой мыслью, не отличается от нее. Но этот письменный стол, вне моей головы, есть ее предмет, совершенно отличный от нее». Приведя это высказывание И. Дицгена, В. И. Ленин характеризует его как «вполне ясные материалистические положения». (2, 231). В данном случае И. Дицген различает предмет как то, что является чувственным, доступным органам чувств, и мышление как то, что является отражением предмета,

что не содержит в себе материи предмета и, значит, не является чувственным, как сам предмет мысли.

Однако далее И. Дицген указывает: «Но и не чувственное представление чувственно, материально, то есть действительно. Дух не больше отличается от стола, света, от звука, чем эти вещи отличаются друг от друга». В. И. Ленин называет это положение И. Дицгена «явной неверностью» (2, 231). В чем дело? И. Дицген допускает в этом случае две ошибки. Во-первых, он неправильно понимает материю, считая, что материальным является все действительное, в смысле существующее. Во-вторых, он совершает ту же самую ошибку, на какой настаивают сейчас В. М. Архипов, Ф. Ф. Кальсин и их сторонники. Он объявляет «...и не чувственное представление чувственным». В. М. Архипов почти повторяет эти слова: «...психика — явление чувственное» (6, 67).

Другими словами, в совокупности утверждения И. Дицгена можно понять таким образом: психика не чувственна, не материальна, когда она рассматривается в связи с отражаемым материальным миром, поскольку в представлениях и мыслях не содержится материи отражаемых предметов, и чувственна, материальна, когда она рассматривается онтологически, в плане своего существования.

В. И. Ленин критикует отмеченные ошибки И. Дицгена. Он подчеркивает: «Что и мысль и материя «действительны», т. е. существуют, это верно. Но назвать мысль материальной — значит сделать ошибочный шаг к смешению материализма с идеализмом». (2, 231).

Далее В. И. Ленин отмечает, что ошибочное высказывание И. Дицгена является «скорее неточностью выражения» и приводит другие слова И. Дицгена, которые характеризует как правильные (2, 231): «Дух и материя имеют, по крайней мере, то общее, что они существуют... Мышление есть телесная работа... Для мышления я нуждаюсь в веществе, о котором можно мыслить. Это вещество дано нам в явлениях природы и жизни... Материя есть граница духа; он не может выйти за пределы материи. Дух есть продукт материи, но материя есть большее, чем продукт духа...»

Из этого одобренного В. И. Лениным высказывания И. Дицгена и всей совокупности ленинских оценок его точки зрения со всей очевидностью вытекает, что, по Ле-

нину, общее между духом и материей состоит не в материальности, а в том, что и дух и материя существуют. Поскольку для мышления необходимы материальные предметы и явления, о которых можно мыслить; поскольку мышление неразрывно связано с движущейся материей, является ее продуктом, совершается в ней, постольку мышление можно назвать телесной работой. Только в этом контексте В. И. Ленин и соглашается с формулировкой И. Дицгена о том, что «мышление есть телесная работа». В данном случае речь идет о связи мышления, духа с движущейся материей вообще, а не только с материей мозга. Слова: «мозг», «нервная система» ни разу не упоминаются в приведенной В. И. Лениным цитате из И. Дицгена. Попытка отождествить мышление с телесной работой мозга, делаемая со ссылкой на В. И. Ленина, является искажением ленинской оценки точки зрения И. Дицгена.

Ф. Ф. Кальсин в подтверждение своей мысли о том, что психический процесс — это материальный процесс, ссылается на следующие слова В. И. Ленина из книги «Материализм и эмпириокритицизм» «...ощущение... есть превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания» (2, 39). Эта формулировка, вырванная из контекста, может быть понята таким образом, что ощущение якобы есть материальный процесс. Во избежание ложного толкования возьмем весь ход рассуждений В. И. Ленина. Он критикует субъективный идеализм Маха и Авенариуса с их утверждением о том, что бесспорно существуют только ощущения, составляющие сущность мира, что мысль существует без мозга. Как известно, Богданов подхватил эту «безмозглую философию» (В. И. Ленин) и стал активным сторонником субъективного идеализма. В. И. Ленин напоминает читателям, что Богданов «В давно-давно прошедшие времена, целых девять лет тому назад» (2, 39) в своей книге «Основные элементы исторического взгляда на природу» был сторонником, хотя и непоследовательным, материалистической теории познания. В этой книге Богданов писал, что в процессе ощущения совершается переход энергии внешнего раздражения в факт сознания, что ощущения представляют собой основу жизни сознания, непосредственную связь его с внешним миром. В. И. Ленин выразил согласие с этим положением и сделал следующее

заключение: «...ощущение есть действительно непосредственная связь сознания с внешним миром, есть превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания. Это превращение каждый человек миллионы раз наблюдал и наблюдает действительно на каждом шагу. Софизм идеалистической философии состоит в том, что ощущение принимается не за связь сознания с внешним миром, а за перегородку, стену, отделяющую сознание от внешнего мира, — не за образ соответствующего ощущению внешнего явления, а за «единственно сущее». Авенариус придал лишь чуточку измененную форму этому старому софизму, истрепанному еще епископом Беркли. Так как мы еще не знаем всех условий ежеминутно наблюдаемой нами связи ощущения с определенным образом организованной материей, — то поэтому признаем существующим одно только ощущение, — вот к чему сводится софизм Авенариуса» (2, 39—40).

Если брать рассуждение В. И. Ленина в целом, то выражение «...ощущение... есть превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания» говорит о том, что по отношению к материальному миру ощущение, сознание является вторичным. Внешний мир должен сперва существовать и воздействовать на нервную систему, мозг и только затем возникают ощущения и более сложные психические явления. Ощущение — это не «единственно сущее», а образ внешнего предмета, воздействующего на определенным образом организованную материю. Как мы видим, и в этой характеристике процесса ощущения В. И. Ленин рассматривает в единстве связь ощущения с отображаемыми объектами и связь ощущения с нервной системой. Но никак нельзя из данного ленинского определения ощущения сделать вывод о том, что якобы смысл этого определения означает признание психического процесса материальным.

Излюбленным доводом сторонников признания психики особой формой движения материи является ссылка на следующее известное положение Ф. Энгельса: «Движение, рассматриваемое в самом общем смысле слова, т. е. понимаемое, как форма бытия материи, как внутренне присущий материи атрибут, обнимает собою все происходящие во вселенной изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением» (1, 44). Правильное понимание этого высказывания Ф. Энгельса

состоит в том, что мышление как процесс, как движение мыслей нельзя рассматривать в отрыве от движущейся материи, вне ее, так как мышление является свойством движущейся материи и отражает движущуюся материю.

В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм» отстаивает положение Ф. Энгельса и И. Дицгена о том, что движение немыслимо без материи, что отрыв движения от материи стоит рядом с отрывом мышления от мозга (2, 253). Далее В. И. Ленин указывает, что движение присуще и психике, сознанию. Однако он не рассматривает психические явления как какое-то движение материи. В. И. Ленин пишет: «Основное отличие материалиста от сторонника идеалистической философии состоит в том, что ощущение, восприятие, представление и вообще сознание человека принимается за образ объективной реальности. Мир есть движение этой объективной реальности, отражаемой нашим сознанием. Движению представлений, восприятий и т. д. соответствует движение материи вне меня. Понятие материи ничего иного, кроме объективной реальности, данной нам в ощущении, не выражает. Поэтому оторвать движение от материи равносильно тому, чтобы оторвать мышление от объективной реальности, оторвать мои ощущения от внешнего мира» (2, 254).

Таким образом, хотя психике, сознанию и присуще движение, но психические явления — это не какая-то особая форма движения материи, а отражение движущейся объективной реальности, движения материи. В другом месте В. И. Ленин подчеркивает: «Ощущение есть образ движущейся материи. Иначе, как через ощущения, мы... ни о каких формах... движения ничего узнать не можем; ощущения вызываются действием движущейся материи на наши органы чувств» (2, 288).

Поскольку восприятия, представления, мысли отражают движущуюся материю и являются свойством движущейся материи, постольку движение психики, сознания нельзя рассматривать в отрыве или вне движения материального мира. Именно в этом смысле и следует понимать высказывание Ф. Энгельса о том, что движение, как форма бытия материи, как внутренне присущий материи атрибут, обнимает собою все происходящие

во вселенной изменения и процессы, в том числе и мышление.

Попытка истолковать данное высказывание Ф. Энгельса в пользу тезиса о психике как особой форме движения материи не соответствует ленинской характеристике точки зрения Ф. Энгельса на психику. В. И. Ленин иначе оценивал взгляды Ф. Энгельса на психические явления, в частности ощущения. Он указывал: «...мы уже на примере Дидро видели настоящие взгляды материалистов. Не в том состоят эти взгляды, чтобы выводить ощущение из движения материи или сводить к движению материи, а в том, что ощущение признается одним из свойств движущейся материи. Энгельс в этом вопросе стоял на точке зрения Дидро» (2, 35).

Авторы, считающие психику человека материальным свойством, или особой формой движения материи, допускают логическую ошибку, запутывая этим вопрос о специфике и сущности психики и сознания. Так, Н. В. Медведев заявляет: «Движение в любой форме существует неразрывно с материей, имеет материального носителя, и в этом смысле оно материально» (15, 109). В чем тут состоит логическая ошибка? Ф. Энгельс определил движение как всякое изменение, как изменение вообще. Исходя из этого определения следует сказать, что движение присуще и материи, и сознанию; хотя движение сознания является только относительно самостоятельным, отражая в голове человека движение материи. Никто из материалистов не может отрицать того, что существование сознания неразрывно связано с материей и имеет своего материального носителя. Но этих признаков недостаточно для того, чтобы считать психическое, сознание материальным движением. Мы, следуя за В. И. Лениным, понимаем под материальным все то, что обладает признаком объективной реальности. В этом смысле В. И. Ленин, например, считает и пространство, время материальными, т. е. объективно-реальными формами бытия материи (2, 164).

Н. В. Медведев формулирует другое понимание материальности: материально все то, что неразрывно связано с материей и имеет своего материального носителя. Такое понимание неизбежно ведет к отождествлению духа с материей, так как сознание, его движение действительно неразрывно связано с материей. Однако

одно дело говорить о внутренней связи сознания с материей и другое дело называть сознание материальным, следовательно, отождествлять сознание и материю. Из первого не вытекает второе. В жизни на каждом шагу мы встречаемся с явлениями, неразрывно связанными между собой, которые, однако, не являются тождественными друг другу.

В качестве одного из доводов в подтверждение мысли о материальности психики В. М. Архипов приводит следующее соображение: «...изучая деятельность мозга, наука не обнаруживает в нем процессов иных, чем нервные, и поэтому отвергает утверждение, что, помимо нервных процессов, в мозге еще имеются дополнительные «психические», «идеальные», «субъективные образы», в виде «стороны», «продукта», «процесса» и т. д. как бы эти сверхнервные явления ни назывались» (6, 71).

В. М. Архипов не замечает того, что эта аргументация по вытекающим из нее выводам приводит к абсурду все его рассуждения, оборачивается именно против тезиса о материальности психики. Отождествляя психические явления с физиологической деятельностью мозга, он указывает вместе с тем, что, кроме нервных процессов, наука не обнаруживает в мозгу никаких субъективных образов, психических процессов и т. д. Исходя из такого понимания, можно сделать только один вывод, что психические явления (мысли, представления, чувства, стремления) вообще не существуют. Следовательно, не существуют и те мысли, которые развивает сам В. М. Архипов. Неужели В. М. Архипов отрицает реальное существование своих мыслей?

Совершенно справедливо следующее высказывание Н. П. Антонова: «Действительно, в мозгу человека, кроме объективных физиологических процессов, нельзя обнаружить субъективный, идеальный образ предмета — мысль, понятие о нем. Но это не значит, что мысль, понятие о предмете, как его отражение в мозгу человека, не существует. Никаким физико-химическим и микроскопическим анализом в мозгу человека нельзя обнаружить, скажем, понятия «социализм», но это не значит, что такое понятие, как отражение определенного общественно-экономического строя, не существует. Когда в мозгу человека возникает какая-либо мысль, понятие, в том числе и «социализм», то в это время в мозгу имеют место

определенные нейродинамические процессы, но они никогда не тождественны этому понятию. Вот почему Энгельс и говорил, что мы сведем когда-нибудь мышление к физико-химическим процессам в мозгу, но исчерпывается ли этим суть мышления? Как видим, нет, не исчерпывается» (5, 350).

В. И. Ленин всегда исходил из того, что психика, сознание — это особое свойство нервной системы, представляющее собой субъективное отражение объективной реальности; что нервная система, мозг — это особым образом организованная материя, которая способна в результате воздействия на нее материальных объектов порождать образы этих объектов, идеальные явления; что нервные процессы — это материальный субстрат, основа психических процессов, но не сами психические процессы, не сами идеальные и субъективные образы объективного мира. Данные физиологии и психологии полностью согласуются с этими положениями.

В связи с теми или иными воздействиями материального мира на органы чувств человека в клетках головного мозга возникают процессы возбуждения и торможения. Эти нервные процессы, очаги возбуждения и торможения по законам нервной деятельности распространяются по массе мозга, концентрируются в определенных участках, связываются между собой, взаимодействуют, усиливая или ослабляя друг друга и т. д. Однако сами по себе эти нервные процессы, очаги возбуждения и торможения не выступают в виде отпечатка, снимка, схемы, вообще образа предмета или явления. В нервной системе, в том числе и в высших отделах головного мозга, имеют место нервные процессы различной интенсивности и экстенсивности, различно приуроченные к структуре мозга, различно взаимодействующие между собой, но это еще не восприятие, не представление, не переживание, не стремление.

И. П. Павлов, пытаясь дать образную физиологическую характеристику сознанию человека, писал: «Если бы можно было видеть сквозь черепную крышку и если бы место больших полушарий с оптимальной возбудимостью светилось, то мы увидели бы на думающем сознательном человеке, как по его большим полушариям передвигается постоянно изменяющееся в форме и величине причудливо неправильных очертаний светлое пят-

но, окруженное на всем остальном пространстве полушарий более или менее значительной тенью (17, 248).

Как видно из приведенного высказывания, в больших полушариях создаются очаги возбуждения и торможения различной интенсивности, возникают очаги оптимального возбуждения, происходит взаимодействие процессов возбуждения и торможения («светлое пятно» и «тень»), очаги возбуждения и торможения постоянно перемещаются по массе мозга, участки мозга с оптимальной возбудимостью могут иметь различную величину и форму («причудливо неправильные очертания») и т. д. Однако, как следует из этого же высказывания И. П. Павлова, сами по себе физиологические процессы, если их даже можно было бы непосредственно видеть, ничего не говорят о внешнем виде или внутренней сущности предмета, который своим действием на органы чувств человека вызвал данные физиологические процессы. В частности, конфигурация очага оптимального возбуждения ни в какой степени не отражает действительные контуры предмета. Что же касается человеческого сознания, то наши восприятия, представления, мысли — это образы объективного мира. В наших восприятиях, представлениях, мыслях предметы и явления, действующие на органы чувств, отражаются со своими определенными свойствами, признаками, связями и противоречиями, в процессе и на основе общественной практики людей.

Сами по себе нервные процессы, их движение и взаимодействие не осознаются человеком. Субъект осознает не изменения в нервной системе, не движение и взаимодействие мозговых процессов, а свои мысли, представления, восприятия, чувства, стремления и другие психические явления, представляющие собой отражение объективного мира. На основе научного образования, теоретическим путем человек убеждается в том, что в его нервной системе совершаются определенные физиологические процессы, что все психические явления представляют собой свойство нервной системы, в первую очередь головного мозга, но непосредственно самосознанию субъекта недоступно функционирование нервной системы. Динамика нервной деятельности, физико-химические и электрические изменения в нервных клетках выступают для субъекта не как движение и взаимодействие материальных процессов, а как представление, чувство,

стремление, вообще как образы материального мира, идеальные силы. Человек создает представление именно о предмете, мыслит именно о предмете, переживает отношение именно к предмету и т. д. Человек ориентируется в жизни, действует, ничего не зная о происходящих в это время изменениях в нервной системе, не отдавая себе отчета в особенностях течения и взаимодействия нервных процессов. Но он не может целенаправленно действовать, ориентироваться в жизни, если перестает отдавать отчет в своих мыслях, стремлениях, чувствах, перестает оценивать их сходство с действительностью. В этом смысле жизненная ориентировка человека непосредственно осуществляется не на основе определенным образом организованной нервной деятельности, которая вообще недоступна самосознанию субъекта, а на основе мыслей, образов, чувств, отражающих воздействия материального мира.

Психические явления возникают при определенной интенсивности, экстенсивности, совокупности и структурной приуроченности нервных процессов. Известно, что если раздражение, следовательно, и возбужденное состояние нервных клеток, не достигает нужной силы, то не появляется и ощущение. Аффективное состояние может возникнуть только в случае достаточной распространенности процесса возбуждения по массе мозга. Внимание всегда находится в связи с функционированием очагов оптимального возбуждения, с определенным взаимодействием и структурной расчлененностью процессов возбуждения и торможения. Следовательно, психические явления возникают как свойство не любой, а определенным образом организованной нервной деятельности. Эта организация нервной деятельности, на основе которой появляются субъективные образы, вызывается воздействиями внешней и внутренней среды организма на рецепторы человека. Однако сами по себе материальные процессы в нервной системе еще не являются копиями, снимками, изображениями объектов, действующих на органы чувств. Только для субъекта, переживаясь субъектом, определенным образом организованная работа мозга выступает как копия, снимок, объективно существующего предмета или явления.

Положение о том, что психика — это своеобразное переживание субъектом особым образом организованной

нервной деятельности, давно высказывается многими физиологами, философами и психологами. А. Г. Иванов-Смоленский указывает, что внутренняя работа мозга переживается самим субъектом то в виде сознательной, активной, то в виде непроизвольной, как бы автоматически протекающей деятельности (16, 70). Н. П. Антонов подчеркивает, что психика, сознание — это субъективное переживание объективного физиологического процесса (5, 219). Л. О. Резников отмечает, что специфика психического заключается в «особом свойстве нервного процесса испытываться организмом (субъектом) в форме идеального отражения» (20, 175).

Нет смысла отказываться от таких формулировок под предлогом того, что в этом случае психика якобы начинает рассматриваться не как отражение материального мира, а как своеобразное выражение или отражение мозговых процессов. Выражение «психика — это субъективное переживание физиологического процесса» становится ошибочным только тогда, когда психика берется вне связи с отражаемым объективным миром, или когда связи психики с материальным миром и с нервной системой раскрываются изолированно, в отрыве друг от друга.

Переживание субъектом особым образом организованной нервной деятельности как раз и выступает как приближенная копия, снимок, изображение того объекта, который своим действием на органы чувств вызвал данную организацию нервных процессов. Другими словами, психические явления — это не сами материальные изменения в нервной системе, а те мысли, представления, чувства, стремления, в которых выступает для субъекта, переживается субъектом определенная организация нервной деятельности, обусловленная воздействиями материального мира на рецепторы человека. В этом и заключается психика как свойство мозга, представляющее собой субъективное отражение объективного мира.

Психика, сознание — это качественно новое явление и взаимодействие, возникающее на основе особым образом организованной нервной деятельности, но никогда не сводящееся к ней, не исчерпывающееся ею. Подчеркивая диалектический характер перехода от материи к сознанию, В. И. Ленин в «Философских тетрадях» пишет: «Сторонник диалектики, Гегель, не сумел понять

диалектического перехода от материи к движению, от материи к сознанию — второе особенно...

Чем отличается диалектический переход от недиалектического? Скачком. Противоречивостью. Перерывом постепенности. Единством (тождеством) бытия и небытия» (3, 279).

Сторонники отождествления психического с физиологическим не могут понять именно диалектики перехода от материи к сознанию, скачка, перерыва постепенности, единства материального и нематериального в этом переходе, не могут понять того, что субъективный образ объективного мира, будучи неотделимым от мозговой деятельности, возникая на основе деятельности нервной системы, вместе с тем не сводится к ее физиологическим состояниям.

Идеалистические и вульгарно - материалистические ошибки некоторых советских ученых в трактовке психики, сознания возникают в результате непонимания диалектического единства связей психики с внешним миром и с нервной системой, в результате выдвижения на первый план, абсолютизации той или иной зависимости. Непонимание диалектического единства связей психики с отображаемыми объектами и с деятельностью нервной системы выступает нередко даже в таких исследованиях, в которых делается попытка проанализировать как одинаково важные и взаимосвязанные обе эти зависимости.

Например, Н. П. Антонов в книге «Происхождение и сущность сознания», которая в целом представляет несомненный интерес, последовательно разграничивает как разные стороны психики отношение сознания к внешнему миру и отношение сознания к мозгу. Он пишет: «...по отношению к отражаемому объекту мысль, сознание выступают как его субъективное, идеальное отражение, а по отношению к мозгу как материальный, физиологический процесс» (5, 292).

Таким образом, Н. П. Антонов считает, что в одном плане психическое явление идеально, в другом плане — материально.

В этом отношении точки зрения Н. П. Антонова и Ф. Ф. Кальсина совпадают. Ф. Ф. Кальсин пишет: «Когда мы хотим акцентировать на зависимость сознания от мозга, мы подчеркиваем ту мысль, что сознание есть свойство мозга, есть форма движения материи...

Когда мы хотим подчеркнуть зависимость сознания от внешнего материального мира, мы говорим, что сознание есть идеальное отражение этого мира. Поэтому всякое идеальное есть в то же время материальное свойство мозга или определенная форма движения материи» (9, 10).

В. И. Ленин видит определенную методологическую опасность в попытке разрыва или противопоставления зависимости психики от мозга, с одной стороны, и от внешнего мира, с другой. В этом плане поучительна для нас ленинская критика махизма.

Как известно, Мах считал основой опыта «элементы мира», понимая под ними ощущения. Но для того, чтобы замаскировать идеалистическое существо своих взглядов, Мах заявлял, что эти «элементы мира» сами по себе «нейтральны» по отношению к «физическому» и «психическому». Они могут быть «физическими» или «психическими» в зависимости от того, с какой точки зрения, в каком аспекте, в каких отношениях мы их рассматриваем. Если эти «элементы» мы берем вне зависимости от человеческого организма, от нервной системы, то они являются «физическими», если же они рассматриваются в зависимости от органов чувств, мозга, то они образуют психический мир личности (2, 46—49).

В. И. Ленин называет «чистым ребячеством» идею Маха «...о том, что одни и те же элементы в одной связи составляют физическое, в другой психическое»... (2, 96).

Отвергая указанный субъективистский подход и эклектизм махистов, В. И. Ленин учит тому, что сущность явления или вещи не меняется от того, с какой точки зрения мы ее рассматриваем, или в каких связях берем. Всестороннее изучение сущности предмета или явления нельзя подменять «точкой зрения» автора, изучающего эту сущность.

Сущность психического состоит в отражении материального мира, независимо от того, будем ли мы психику рассматривать по отношению к внешнему миру или по отношению к мозгу. По отношению к внешнему миру ощущения являются копиями, образами предметов и явлений, а по отношению к мозгу ощущения являются его отражательным свойством, или отражательной функцией.

Конечно, в ходе изучения какого-то конкретного пси-

хологического вопроса исследователь может специально углубляться в тот или иной аспект проблемы. Однако, когда рассматривается вопрос о природе психического, о психике в целом, нельзя отрываться, абстрагироваться от понимания психики как отражения объективной реальности. Психическое перестает быть самим собой, как только оно начинает анализироваться в отрыве от отображаемых объектов. Поэтому даже в том случае, когда чисто условно выделяется и исследуется вопрос о связи психики с нервной системой, с мозгом, психический процесс нельзя назвать материальным процессом. Такое понимание неизбежно ведет к забвению того, что психика как свойство мозга представляет собой отражение материального мира. Сущностью того свойства мозга, которое называется психикой, как раз и является субъективное отражение объективного мира. Всякая попытка изолированного рассмотрения психики только как свойства мозга или только как отражения, всякая попытка обособить данное свойство мозга от его сущности лишает психику как отражательное свойство мозга какой-либо качественной определенности, ведет к отождествлению этого свойства мозга с самим мозгом.

С. Л. Рубинштейн пишет: «Никак не приходится обособлять и противопоставлять одно другому — отношение психического к мозгу и его отношение к внешнему миру» (21, 5). Это несомненно верное утверждение. Л. О. Резников справедливо подчеркивает, что ленинское понятие отражения синтезирует связи отражательного свойства мозга с субъектом и с отражаемым материальным миром (20, 173—174).

Связь сознания с мозгом не существует вне связи сознания с отображаемыми объектами, так же как связь сознания с внешним миром не может осуществляться иначе как через функционирование нервной системы. Величайшее завоевание научной мысли в области изучения психики — рефлекторное понимание психической деятельности — тем и ценно, что оно соединило воедино связь сознания с внешним миром и связь его с мозгом.

И. М. Сеченов, выдвинувший теорию рефлекторного происхождения психики, исходил из того, что психические явления возникают на основе рефлексов, по принципу рефлексов, но не сводятся к ним. Критикуя Кавелина, он указывает: «Кавелин... впадает в большую ошибку,

приписывая мне полное отождествление психических фактов с рефлексами. В книге моей, известной под именем «Рефлексов головного мозга», действительно выставляется гипотеза о рефлексообразном (следовательно машинообразном) способе происхождения типических форм психических процессов мысли и страсти; но о сущности психических процессов в смысле объяснения их, например, устройством нервных центров нигде нет и помину» (22, 142).

Трудно сформулировать более четко и определенно точку зрения И. М. Сеченова по вопросу связи психики с физиологической деятельностью мозга, чем сделал это он сам в данном случае. И. М. Сеченов подчеркивает, что психические явления по способу происхождения являются рефлексами, другими словами, вызываются воздействиями материального мира на органы чувств человека; он говорит о физиологических основах психики, постоянно говорит о психических явлениях как об интегральной части рефлекторных актов, как об осложнениях рефлексов, как, наконец, о психических рефлексах, но он не отождествляет психические явления с рефлексами, психическое с физиологическим.

Вслед за И. М. Сеченовым и И. П. Павлов также не отрицал реального существования субъективного мира как отражения действительности. Он указывал: «Глупо было бы отрицать субъективный мир. Само собой разумеется, он, конечно, есть. Психология, как формулировка явлений нашего субъективного мира — совершенно законная вещь, и нелепо было бы с этим спорить. На этой основе мы действуем, на этом складывается вся социальная и личная жизнь, об этом речи быть не может. ...психология, как изучение отражения действительности, как субъективный мир, известным образом заключающийся в общие формулы, — это, конечно, необходимая вещь» (18, 415—416).

И. П. Павлов не отождествлял физиологическое с психическим. Он указывал, что «психическая деятельность есть результат физиологической деятельности определенной массы головного мозга» (19, 223—224). Ф. Ф. Кальсин, наперекор общепринятому в нашей науке мнению, заявляет, что такое понимание является возвратом к точке зрения вульгарных материалистов Бюхнера, Фогта,

Молешотта (9, 57). Ведь вот до чего доводит некритическая вера в правоту своих взглядов.

Во всех высказываниях В. И. Ленина в его книге «Материализм и эмпириокритицизм» красной нитью проходит идея об отличии психики от материи, ощущений от мозга. Психическое есть результат, продукт материальной деятельности мозга — вот на чем настаивает Ленин.

В связи с этим важно подчеркнуть отличие способа существования психики, сознания от способа существования материи. Материя существует независимо от сознания, а сознание только в зависимости от материи и в том числе от мозга, как органа мышления. Психика в своем существовании зависит как от внешнего материального мира, будучи его отражением, так и от состояния и характера деятельности мозга. Но коренная детерминация психического заключается во внешнем мире. Отсюда можно сказать, что психика есть отражение внешнего мира, или отражательное свойство мозга. В этом состоит сущность психического.

Особую теоретическую важность представляет уяснение характера противоположности материи и сознания, выяснение того, как сам В. И. Ленин понимает этот вопрос.

В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм» выступает как против отождествления материального и идеального, физиологического и психического, так и против абсолютного противопоставления их друг другу. Он подверг критике ошибку И. Дицгена, который в понятие материи включал и мысль. Это ошибка вульгарного порядка, означающая, по существу, отрицание противоположности материи и духа, материализма и идеализма. Кальсин, Архипов и др., считающие психику материальным процессом, или материальным свойством мозга, по сути повторяют ошибку И. Дицгена.

В. И. Ленин учит, что противоположность материи и сознания по своему характеру очень противоречива: она и абсолютна и относительна. В пределах основного вопроса философии о том, что признать первичным и что вторичным, эта противоположность имеет абсолютное значение, а за этими пределами пишет Ленин, «от-

носительность данного противоположения несомненна» (2, 135). «За этими пределами оперировать с противоположностью материи и духа, физического и психического, как с абсолютной противоположностью, было бы громадной ошибкой» (2, 233).

Как понимать абсолютность противоположности материи и сознания в пределах основного вопроса философии? Здесь важно выделить два положения, в соответствии с двумя сторонами этого вопроса.

Во-первых, материя существует абсолютно, вечно, бесконечно, сама по себе, независимо от сознания. Она предшествует сознанию, будучи его источником, причиной, а сознание является вторичным, порождением материи. Сознание существует не вечно, а только при наличии определенного уровня и состояния в развитии материального мира.

Абсолютность противоположности состоит в том, что материальный мир порождает сознание как свое качественно иное (идеальное, нематериальное) свойство, а сознание не может породить материальный мир. В этом отношении они никак не могут поменяться местами: сознание не может быть первичным по отношению к материальному миру.

Во-вторых, абсолютность противоположности состоит в том, что сознание является отражением материи, познанием материального мира, а не наоборот. И в этом гносеологическом плане такое соотношение является постоянным, неизменным. Вот как формулирует это сам В. И. Ленин: «Неизменно, с точки зрения Энгельса, только одно: это — отражение человеческим сознанием (когда существует человеческое сознание) независимо от него существующего и развивающегося внешнего мира» (2, 249).

Указанные два теоретических положения и отделяют принципиально и абсолютно материализм от идеализма. При этом данные положения носят устойчивый характер, они-то и показывают прежде всего противоположность материализма идеализму на протяжении всей истории философии.

Но, к сожалению, оказывается, что не все наши философы согласны с таким пониманием.

Например, Ф. Ф. Кальсин заявляет: «Надо раскритиковать и отбросить метафизическое противопоставление

сознания материи как абсолютных противоположностей» (10, 7). Кальсин «согласен» признать только относительный характер этой противоположности, толкуя это в духе своей порочной концепции. Отрицание Кальсиным абсолютной противоположности материи и сознания логически исходит из его ошибочного положения о психике как материальном свойстве мозга. Он пишет: «Нельзя понять, как может свойство материи быть абсолютно противоположным самой материи. Только в рамках гносеологической постановки вопроса сознание как идеальный образ объективного мира относительно противопоставляется этому материальному миру» (10, 6). Итак, Кальсин согласен признать только относительность противоположности материи и сознания в гносеологическом отношении, в то время как у В. И. Ленина ясно говорится об абсолютной противоположности в пределах основного гносеологического вопроса (2, 134).

Если согласиться с Ф. Ф. Кальсиным, то тогда мы вынуждены будем сказать, что между материей и сознанием за пределами гносеологии вообще нет никакой противоположности. Такое же понимание данного вопроса мы находим и у Н. В. Медведева. Он говорит: «Относительность противопоставления сознания и материи за рамками гносеологии, т. е. в естественнонаучном плане, состоит не в том, что психическое можно считать материей, а в том, что психическое рассматривается как одна из форм движения материи, функция, деятельность мозга» (14, 135). При таком понимании неясным остается главное — в чем же состоит эта противоположность? По мнению Н. В. Медведева, психический процесс есть нервный процесс и физиологический — тоже нервный процесс. В чем же тут противоположность? При таком понимании вообще снимается противоположность между физиологическим и психическим в естественнонаучном плане и можно говорить только о тех или иных различиях между ними. Но, как известно, не всякое различие есть противоположность.

Как же следует понимать идею В. И. Ленина об относительности противоположности материи и сознания, физиологического и психического.

К сожалению, следует заметить, что в нашей литературе, насколько нам известно, отсутствуют специальные

исследования по этой трудной и важной проблеме. Рамки же данной статьи позволяют ответить на поставленный вопрос только в самой общей и тезисной форме.

1. В. И. Ленин пишет: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» (3, 204). Диалектико-материалистический смысл данного положения состоит в следующем. Безусловно то, что материальный мир порождает, «творит» сознание, как противоположность материи. Но сознание человека не есть пассивное отражение. Оно через посредство практической материальной деятельности общества оказывает обратное активное воздействие на материальный мир, вызывая в нем определенные изменения и преобразования. В этом смысле и сознание «творит» мир. Как видим, в абсолютном есть относительное и наоборот. Отрицание творческой роли сознания означало бы отход от диалектического материализма в сторону метафизического материализма. Не только материальное, отражаясь в чувствах и в мыслях человека, становится идеальным, но и идеальное, сознание через практическую деятельность людей «переходит» в материальное (происходит процесс материализации идей).

2. Сознание, будучи качественно особым свойством, функцией мозга, существует в зависимости от состояния и деятельности мозга. Как известно, нарушения материальной деятельности мозга (анатомические, нейродинамические) неизбежно вызывают и соответствующие нарушения в психике, в сознании. Но в свою очередь, психические состояния человека-субъекта влияют определенным образом на деятельность мозга и всего организма через посредство своих физиологических основ. Тут мы имеем яркий пример диалектического взаимодействия причинно-следственных связей, в рамках которых физиологическая деятельность выступает в качестве основы этого взаимодействия.

3. Будучи вторичным по отношению к материи, сознание в то же время обладает и относительной самостоятельностью и преемственностью в развитии. Эта относительность развития сознания обязывает науку изучать эволюцию психики животных и ее превращение в качественно новую психику — в сознание человека на основе действия уже социальных закономерностей.

4. Относительность противоположности материи

и сознания состоит в том, что сознание представляет собою единство объективного и субъективного, ибо в сознании человека отражается объективный мир в виде объективной истины. Ощущает, воспринимает, представляет, мыслит, говорит, ставит цели и т. д. всегда определенный субъект-человек. Человек, как носитель сознания, одновременно является и материальным и духовным существом. Отсюда и сама деятельность людей носит и материальный и духовный характер при определяющей роли материального по отношению к духовному.

5. Психика человека, как правило, носит осмысленный характер, начиная с ощущений. Но осмысление психических переживаний не может осуществляться вне языка или других материальных средств, как с этим дело обстоит, например, в искусстве. Данное положение говорит о том, что идеальное (психика, мышление) реально существует только в чем-то материальном (например, в мозгу) или через посредство чего-то материального (например, язык и другие материальные средства как выразители и носители идеального).

ВЫВОДЫ

1. Психику человека нельзя отождествлять с рефлекторной деятельностью мозга. Отождествление психического и физиологического является вульгаризацией и упрощенчеством и неизбежно ведет к принижению психологии как особой науки и даже ее отрицанию.

2. Сведение сознания к материальным процессам в мозгу представляет собой тенденцию к биологизации социальных явлений, к затушевыванию или отрицанию социальной природы человеческой психики. Приходится удивляться тому, что некоторые марксисты-философы становятся в наше время на путь сведения психического к физиологическим процессам, когда ненаучность такого подхода была уже ясна передовым мыслителям домарксистского периода. В связи с этим поучительно напомнить критику А. И. Герценом вульгаризаторской позиции своего сына, который стремился свести психические явления к рефлекторным процессам нервной деятельности. Отец писал своему сыну: «Ты слишком упрощенно решаешь вопрос, который выходит

за рамки физиологии. Физиология мужественно выполнила свою задачу, разложив человека на бесконечные действия и противодействия и сведя его к скрещению, вихрю рефлекторных актов. Пусть она позволит теперь социологии восстановить его цельность. Социология вырвет человека из анатомического театра и возвратит его истории» (8, 278)..

3. Вульгаризаторская тенденция в понимании психического объективно льет воду на мельницу неопозитивизма. Почему? Если согласиться с ошибочным тезисом о материальности психики, то, по сути, это означает отказ от признания противоположности материи и сознания, отрицание основного вопроса философии, который неопозитивисты считают «псевдопроблемой».

4. Психика человека по своей природе и сущности есть социально-историческое явление духовного мира людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энгельс Фридрих. **Диалектика природы**, 1955.
2. Ленин В. И. Соч., т. 14.
3. Ленин В. И. Соч., т. 38.
4. Авраменко А. М. **О рефлекторном понимании психической деятельности**, ж. «Советская педагогика», № 2, 1954.
5. Антонов Н. П. **Происхождение и сущность сознания**, «Ученые записки», т. 20, Иваново, 1959.
6. Архипов В. М. **О материальности психики и предмете психологии** ж. «Советская педагогика», № 7, 1954.
7. Беляев Б. В. **Об основном законе психологии**, ж. «Советская педагогика», № 9, 1953.
8. Герцен А. И. **Избранные философские произведения**, т. 2, 1946.
9. Кальсин Ф. Ф. **Основные вопросы теории познания**, г. Горький, 1957.
10. Кальсин Ф. Ф. **О возникновении и развитии сознания**, г. Горький, 1960.
11. Курсанов Г., Колбановский В. **Против путаницы в освещении вопросов теории познания**, ж. «Коммунист», № 17, 1959.
12. Лобкова Е. **Хирург оперирует мозг**, ж. «Октябрь», № 1, 1961.
13. Мансуров Н. С. **И. П. Павлов и борьба за материализм в естествознании**, М., 1955.
14. Медведев Н. В. **К вопросу о природе психического**, сб. «Совещание заведующих кафедрами общественных наук вузов РСФСР», 1960.
15. Медведев Н. В. **К вопросу об отражательной работе мозга**, ж. «Вопросы философии», № 6, 1960.
16. **Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения акад. И. П. Павлова, 28 июня — 4 июля 1950 г.** Стенографический отчет, М., 1950.

17. Павлов И. П. **Полное собрание соч.,** т. 3, кн. 1, 1951.
18. Павлов И. П. **Павловские среды,** т. 2, М.—Л., 1949.
19. Павлов И. П. **Избранные произведения,** 1949.
20. Резников Л. О. **О книге Ф. Ф. Кальсина «Основные вопросы теории познания»,** ж. «Философские науки», № 2, 1960.
21. Рубинштейн С. Л. **Бытие и сознание,** изд. АН СССР, М., 1957.
22. Сеченов И. М. **Избранные произведения,** т. 1, АН СССР, 1952.

УЛЬЯНОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ И. Н. УЛЬЯНОВА
ТОМ XVII ВЫПУСК II

Н. П. ЕРАСТОВ
Доцент

ТОЖДЕСТВО МЫСЛЕЙ
(постановка проблемы)

В решениях XXII съезда КПСС с новой силой подчеркивается мысль о ведущей роли марксистско-ленинской теории в деле успешного строительства коммунизма и развития научных исследований. Ни одна наука не может развиваться успешно, если она не опирается на теорию диалектического и исторического материализма.

Из всех областей знания до последних лет серьезно отставали науки о мышлении. Формальная логика почти не менялась со времен Аристотеля, и лишь ее контакт с диалектикой и математикой привел к возможности реального вклада логики в конструирование «думающих» логических машин, которые так нужны в народном хозяйстве.

Сердцевиной, фундаментом логики является теория тождества мыслей. Однако в этом фундаменте еще немало метафизических кирпичей, которые остались от старой логики, не связанной с диалектикой, и тормозят прогресс научных знаний в этой области.

В настоящей статье делается попытка рассмотрения основных элементов теории логического тождества в свете принципов диалектического материализма. Теория тождества мыслей разработана в целом недостаточно.

Отсутствие общего учения о тождестве мыслей в логике и философии приводит к теоретическим разногласиям в учениях лингвистов о синонимах и о теории перевода (особенно в той ее части, которая не связана с математическим аспектом решения проблемы машин-

ного перевода), тормозит разработку теории понимания текста и методики стилистической работы в школе.

Открытые возражения против изучения тождества мыслей в нашей литературе почти не встречаются. Так, лишь И. Чернокозов в своей статье, присланной в журнал «Советская педагогика», выражается вполне открыто.

Приведя слова Б. М. Теплова из школьного учебника по психологии о том, «что одну и ту же мысль можно выразить на разных языках. Мысль при этом остается неизменной, хотя все слова меняются. Одна и та же мысль может иметь разную речевую форму»... — И. Чернокозов пишет: «Выходит, что мысль... можно высказать на любом языке и в любой форме. Признание этого положения — грубейшая ошибка... В данном конкретном высказывании существует одна лишь мысль, и она имеет конкретную форму, в другом предложении — другая мысль, другая форма и т. д.»[1].

Точка зрения И. Чернокозова не выдерживает никакой критики, иначе нам пришлось бы отказаться от признания фактов многовекового общения народов, говорящих на разных языках, отрицать возможность переводной литературы, ликвидировать логику как науку о формах мысли, независимых от русской, турецкой или немецкой грамматики и т. п.

В большинстве же случаев возражения против фактов тождества мыслей носят замаскированный характер. Так, в стилистике, например, основное внимание уделяется анализу оттенков мысли при изменении ее грамматической формы, а вопрос о том, что это оттенки той же самой мысли, остается в стороне. Даже в логике появилась тенденция заменять термин «тождественные понятия» термином «равнозначные понятия». Между тем с тождеством мыслей постоянно имеют дело и стилистика, и теория перевода, и психология, и логика.

Разработка проблем тождества мыслей невозможна без опоры на учение диалектического материализма, в котором исследуются факты тождеста в целом.

---

[1] Е. М. Гмурман. Смелее и глубже решать коренные вопросы психологии. (Обзор статей, поступивших в редакцию). Журн. «Советская педагогика», 1953, № 7, стр. 56.

I

Наиболее развернуто марксистские взгяды на диалектический характер тождества изложены в «Диалектике природы» Ф. Энгельса и «Философских тетрадях» В. И. Ленина.

Принцип тождества в его метафизическом толковании — это цитадель метафизики, поэтому Ф. Энгельс подробно и разносторонне рассматривает проявления тождества в самых разнообразных явлениях природы и везде проводит главную мысль: по своему существу тождество диалектично, следовательно, по-новому должны освещаться уже добытые знания всех наук о природе, а получение новых знаний должно идти по пути, освещенному диалектическим взглядом на сущность явлений как тождественных в своей противоположности.

В истории науки период «стихийной диалектики» древних греков сменился периодом аналитического изучения отдельных явлений природы, что естественно привело к формированию «мертвого» принципа метафизического тождества: все считалось постоянным: солнечная система, звезды, организмы, все считалось также и абсолютно оторванным одно от другого. Основной принцип метафизического мышления стал главным тормозом на пути дальнейшего прогресса научных знаний.

Лишь возникновение материалистической диалектики позволило раскрыть истинные пути развития науки и сформулировать общие законы развития природы, общества и мышления.

Естественно, что Ф. Энгельс, излагая взгляды диалектического материализма в области природы, не мог обойти молчанием главный принцип метафизики и не сформулировать противоположные этому принципу исходные положения диалектики.

Уже в набросках общего плана своей работы Ф. Энгельс дает определение диалектики как науки о всеобщей связи[1], очевидным образом противополагая это определение метафизическому взгляду на природу как случайный конгломерат разнородных и абсолютно тождественных вещей.

[1] Ф. Энгельс. Диалектика природы, Госполитиздат, М., 1955, стр. 1.

Среди законов диалектики Ф. Энгельс выделяет закон взаимного проникновения полярных противоположностей и превращения их друг в друга, когда они доведены до крайности.

Этот закон и имеет самое непосредственное отношение к анализу принципа тождества в диалектическом отношении. В свете этого закона Ф. Энгельс рассматривает основные «полярности» разных наук и явлений природы (притяжение и отталкивание, теплота и электричество, теплота и механическое движение, теплота и свет, органический и неорганический мир в целом, положительное и отрицательное, прямое и кривое, количество и качество, причину и следствие, случайность и необходимость, индукцию и дедукцию, мышление и бытие и т. п.) и всюду находит тождество (взаимное проникновение и взаимное превращение) этих казалось бы абсолютно нетождественных явлений.

С другой стороны, то, что казалось абсолютно тождественным и неизменным, оказывается изменчивым до такой степени, что может превращаться в свою противоположность.

Можно заметить, что и сами тождественные явления тоже подчиняются этому закону. Так, тождество, отмечает Ф. Энгельс, содержит в себе свою полярную противоположность — различие, а доведенные до крайности, они превращаются друг в друга.

Именно с этих позиций Ф. Энгельс и рассматривает категорию тождества как диалектическое отношение (явлений и понятий о них). «Тождество и различие необходимость и случайность, причина и следствие вот главные противоположности, которые, если их рассматривать раздельно, превращаются друг в друга»[1].

Диалектическое понимание тождества состоит прежде всего «во включении различия в тождество»[2]. Конкретное, истинное тождество содержит в себе различие. Отсюда, конечно, не следует, что тождество и различие исчезают (так же, как необходимость и случайность), но их абсолютное противопоставление становится невозможным. Ф. Энгельс оставляет место даже для абстрактного понимания тождества, резко ограничивая его, однако

[1] Ф. Энгельс. Диалектика природы, цит. изд., стр. 170.
[2] Там же, стр. 170.

рамками «домашнего употребления». Само же истинное, конкретное тождество следует рассматривать в его единстве с различием.

Устанавливая многочисленные факты тождества (взаимопроникновения) противоположностей, Ф. Энгельс при этом подчеркивает, что при отождествлении не следует забывать о сохранении определенных различий: «Называя физику механикой молекул, химию — физикой атомов и далее биологию — химией белков, я желаю этим выразить переход одной из этих наук в другую, — следовательно, как существующую между ними связь, непрерывность, так и различие, дискретность обеих. Итти дальше этого, называть химию тоже своего рода механикой, представляется мне недопустимым»[1]. Иными словами, наряду с изменчивостью сохраняется определенность, наряду со связью — дискретность, наряду с тождеством — различие. Признание определенности вещей в процессе их изменения отличает, как известно, диалектику от релятивизма.

Взгляды Ф. Энгельса на конкретный и относительный характер категории тождества полностью совпадают со взглядами В. И. Ленина по этому вопросу, хотя В. И. Ленин и не был знаком с работой Ф. Энгельса «Диалектика природы».

В «Философских тетрадях» В. И. Ленина категория тождества также рассматривается с диалектических позиций, причем В. И. Ленин вводил понятие тождества в саму формулировку рассматриваемого закона диалектики: «...тождество противоположностей берется как сумма **примеров...**, а не как з а к о н   п о з н а н и я (и закон объективного мира)»[2].

Затем В. И. Ленин указывает ряд явлений, характеризующих этот закон (плюс и минус, дифференциал и интеграл в математике, действие и противодействие в механике, положительное и отрицательное электричество в физике, соединение и диссоциация атомов в химии, классовая борьба в общественной науке).

В. И. Ленин подчеркивает также не только наличие

---

[1] Ф. Э н г е л ь с. Диалектика природы, цит. изд., стр. 200.

[2] В. И. Л е н и н. Философские тетради, Госполитиздат, 1947, стр. 327.

тождества (единства) противоположностей, но и их борьбы как источника всякого развития.

Мысль В. И. Ленина о временном и относительном характере тождества стала основой для дальнейшего изучения диалектики тождества и различия в природе, обществе и мышлении: «Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение»[1].

II

Категория тождества исследуется в философии, логике, математике, криминалистике и некоторых других науках, причем она рассматривается в целом как отражающая «...объективное свойство вещей содержать в себе внутренние противоречия, находиться в процессе развития, изменения...»[2].

Вопросы теории тождества в общефилософском плане исследуются, как правило, в качестве частного случая проявления закона единства и борьбы противоположностей. При этом подчеркивается, что предмет не может быть абсолютно тождественным в любой момент своего развития, а всегда представляет из себя «сумму противоположностей» (В. И. Ленин). «Абсолютным, мертвым тождеством предмет никогда не может быть»[3].

Сам принцип тождества рассматривается в его онтологическом (в отношении к вещам) и логическом (в отношении к мыслям) аспектах[4].

Взгляды советских философов на категорию тождества наиболее четко формулирует М. Н. Алексеев: «Абстрактное тождество — это такое тождество, которое резко отделено от различия, не содержит его в себе. Оно никак не связано с различием. Совершенно очевидно, что тако-

---

[1] В. И. Ленин. Философские тетради, цит. изд., стр. 328.

[2] Краткий философский словарь под редакцией М. Розенталя и П. Юдина, Госполитиздат, Изд. 4, стр. 490.

[3] Основы марксистской философии, Госполитиздат. М., 1959, стр. 251.

[4] Философская энциклопедия. М., 1960, т. 1, стр. 7.

го абстрактного тождества нигде в природе не существует, оно может быть лишь в сфере мышления, представления, притом метафизического. В противоположность абстрактному тождеству тождество конкретное всегда связано с различием и, в определенном смысле, включает его в себя. О таком тождестве нельзя говорить, не апеллируя к различию. Это конкретное тождество существует как в явлениях природы и общества, так и в процессах мышления. Тот, кто признает конкретное тождество, мыслит (при выполнении прочих требований диалектики) диалектически»[1].

Лишь только в редких случаях можно встретить отрицание тождества как самостоятельной категории, и то это делается в завуалированной форме. Так, Ф. И. Георгиев пишет: «Закон единства и борьбы противоположностей непосредственно связан с категориями «единства», «различия», «противоречия», «противоположности», «конфликта»[2], исключая таким образом категорию тождества из сферы действия данного закона, но сохраняя категорию различия. О тождестве им не говорится ни при характеристике единства, ни при характеристике различия, никаких обоснований этой «новой» в марксистской литературе точке зрения не дается. К сожалению, путь, которым идет Ф. И. Георгиев, отнюдь не нов: для того, чтобы обойти трудный вопрос, легче всего его не поставить.

Но разве от этого проблема перестанет быть проблемой? Тождество содержит в себе различие. Может быть, лучше совсем отказаться от термина «тождество» и заменить его термином «различие»? Сделать так — значит не решить, а запутать вопрос. Действительно, возьмем следующую «пару» противоположностей, которые Ф. Энгельс называет вслед за категориями тождества и различия, — а именно — необходимость и случайность. Что получится, если мы станем употреблять одно вместо другого везде и всюду? Ничего, кроме конфуза. Попытки подобных «решений» сложных вопросов есть, как правило, плод односторонних взглядов на вещи.

---

[1] М. Н. Алексеев. Диалектическая логика (краткий очерк). изд. высшая школа, М., 1960, стр. 13.

[2] Ф. И. Георгиев. Категории материалистической диалектики. (материалы к лекции по курсу диалектического материализма), изд. Высшая школа, М., 1960, стр. 3.

Действительно, если тождество немыслимо без различия, то мыслимо ли различие без тождества (индукция без дедукции, плюс без минуса, северный полюс без южного и т. п.)? Ведь любые противоположности существуют только в зависимости одна от другой: черное нельзя узнать без белого, высокое — без низкого, тождество — без различия, а различие — без тождества. Если бы существовали только различные вещи, не имеющие ни одной общей (=одинаковой, тождественной) черты и если бы каждая из них никогда не сохраняла бы устойчивых (=повторяющихся, тождественных) признаков, то мир перестал бы существовать как единое целое, а человек потонул бы в безбрежном море релятивизма[1].

Эти предварительные замечания позволяют выделить две стороны при рассмотрении вопроса о соотношении тождества и различия. Конкретный характер тождества в онтологическом аспекте может выступать в двояком плане:

1) определенное отношение предмета к самому себе в процессе его изменения;

2) определенное отношение различных предметов друг к другу в процессе их взаимодействия.

Необходимость и обоснованность подобного дифференцированного подхода к различным проявлениям тождества вытекает из самого существа диалектического подхода к данной проблеме, причем в трудах основоположников марксизма-ленинизма четко намечены именно эти два аспекта.

Выступая против абстрактного, метафизического понятия тождества, Ф. Энгельс приводит массу примеров, которые показывают, что каждый отдельный предмет не есть что-то мертвое и застывшее, а подчиняется общему закону развития и изменения путем отрицания старого качества и приобретения новых свойств, которые в своей сумме и дают характеристику относительной определенности изменяющегося предмета. Из многочисленных высказываний Энгельса по данному вопросу можно сослаться лишь на одно, относящееся к характеристике ор-

---

[1] Примечание. Вопрос о соотношении категорий «единства» и «различия» мы не рассматриваем, т. к. они не являются антиподами (ср. «единство — борьба», «тождество — различие»).

ганического мира: «Растение, животное, каждая клетка в каждое мгновение своей жизни тождественны с собою и тем не менее отличаются от самих себя благодаря усвоению и выделению вещества, благодаря дыханию, образованию и отмиранию клеток, благодаря происходящему процессу циркуляции — словом, благодаря сумме непрерывных молекулярных изменений»[1].

Очевидно, что сохранение тождества, определенности предмета в процессе его изменчивости возможно лишь в известных и строго ограниченных пределах, но внутри этих пределов нельзя игнорировать предмет как тот же самый ни в теоретических исследованиях, ни в практической деятельности. Эта мысль особенно подробно обосновывается в логике при изложении закона тождества. Здесь можно лишь подчеркнуть роль практики: в жизни мы всегда находим же признаки, которые нам достаточны для узнавания данного предмета, иначе произошла бы дезорганизация всей общественной жизни и производства (рабочий не нашел бы своего завода и т. п.).

С другой стороны, забвение закона накопления количественных изменений (=различий в тождестве) в процессе развития предмета могло бы привести к не менее печальным последствиям (аварии на производстве вследствие износа оборудования и т. п.).

Правда, в нашей философской литературе обычно говорится лишь о наличии различий в тождественных явлениях, но это делается не в абсолютном смысле, а в первую очередь в связи с критикой метафизических взглядов на соотношение тождества и различия. Если же возникает необходимость противопоставления диалектики релятивизму, то на первый план выступает вопрос о сохранении определенности, тождества предмета при его изменчивости.

Итак, тождество отражает момент определенности, устойчивости в процессе развития каждого отдельного предмета.

Второй аспект диалектической характеристики тождества является не менее существенным как в теоретическом, так и практическом отношении. В каком смысле и почему можно говорить о тождестве противоположно-

---

[1] Ф. Энгельс. Диалектика природы, цит. изд., стр. 169.

стей? Ведь плюс и минус, количество и качество и другие полярности — это в целом не один и тот же предмет, а разные предметы, разные явления. В каком отношении могут быть тождественными разные (даже противоположные) предметы?

Данный аспект (степень тождественности разных предметов) не всегда выделяется в нашей философской литературе. Так, в Кратком философском словаре тождество определяется как категория, выражающая равенство, тождественность предмета, явления, только лишь самому себе, причем термин «предмет» употребляется не в логическом, а онтологическом смысле[1].

Следует прямо сказать, что такой взгляд на тождество значительно беднее, ограниченнее по сравнению с диалектическим подходом к данной проблеме в трудах основоположников марксизма-ленинизма. В работах Маркса, Энгельса, Ленина нигде нет указания на то, что тождество отражает только лишь отношение предмета к самому себе, а, наоборот, везде и всюду подчеркивается, что диалектика ищет и находит наличие тождества не только в различных, но даже противоположных предметах и явлениях. Как уже отмечалось, те полярности различных наук, которые рассматриваются Ф. Энгельсом и выделяются В. И. Лениным — это различные предметы и явления, а не один и тот же предмет. Неужели можно всерьез полагать, что мышление и бытие, причина и следствие, притяжение и отталкивание (Ф. Энгельс), плюс и минус, дифференциал и интеграл, действие и противодействие, единичное и общее (В. И. Ленин) — все это **в целом** одно и то же? Очевидно, что речь о тождестве этих разных явлений может итти не в плане их предметной отнесенности, а только в плане нахождения тождественных черт у различных предметов, и именно в этом отношении такие предметы тождественны, иначе вместо диалектики мы получим релятивизм.

Всеобщая взаимная связь предметов и явлений должна иметь свое определенное выражение, иначе нечем будет связать различные вещи. Такой связью и служат общие (т. е. одинаковые для разных) свойства у различных предметов. О характере этих общих свойств и их

---

[1] Краткий философский словарь, цит. изд., стр. 490.

роли в познании предмета говорит Ф. Энгельс: «У двух различных вещей всегда имеются известные общие свойства (по крайней мере, свойства телесности), другие качества отличаются между собой по степени, наконец, иные качества могут совершенно отсутствовать у одной из этих вещей. Если мы станем сопоставлять в отдельности друг с другом такие две до крайности различные вещи — например, какой-нибудь метеорит и какого-нибудь человека, — то тут мы откроем мало общего, в лучшем случае то, что обоим присуща тяжесть и другие общие свойства тел. Но между обеими этими вещами имеется бесконечный ряд вещей и процессов природы, позволяющих нам заполнить ряд от метеорита до человека и указать каждому члену ряда свое место в системе природы и таким образом познать их»[1].

Данное положение Ф. Энгельса имеет непосредственное отношение не только к области природы, но и к области общественных отношений.

Так, в Программе КПСС отмечается, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, однако отсюда никоим образом не следует, что такой империализм есть «почти социализм», как пытаются изобразить его правые социалисты и ревизионисты[2].

В отчетном докладе Н. С. Хрущева на XXII съезде КПСС анализируются закономерности перерастания социалистических общественных отношений в коммунистическое, но при этом подчеркивается, что для полного осуществления принципов коммунизма требуется развитие и совершенствование социалистических отношений[3].

Диалектика тождества и различия в явлениях природы и общественных отношениях весьма сложна и многообразна.

Итак, категория тождества в онтологическом аспекте отражает двоякие отношения:

1) отношение предмета к самому себе;

2) отношение различных предметов друг к другу.

В общих чертах эти отношения характерны и для логического аспекта. Так, А. В. Савинов, исследуя кате-

---

[1] Ф. Энгельс. Диалектика природы, цит. изд., стр. 185.

[2] Программа КПСС, изд. «Правда», 1961, стр. 27.

[3] Н. С. Хрущев. Отчет ЦК КПСС XXII съезду партии. Госполитиздат, 1961, стр. 98.

горию тождества в логике, выделяет даже три значения тождественности: «...Х тождественно А в одном из 3 значений тождественности: или в значении тождества предмета с собой (Х тот же предмет А), или в значении подобия нескольких предметов (Х подобно А), или в значении принадлежности предмета к классу, обнимающему собой множество однородных предметов (Х относится к роду предметов А, тождественных между собою по признаку В)»[1]. Нетрудно заметить, что второе и третье значение тождественности, выделяемые А. В. Савиновым, по существу являются частными (и как выяснится впоследствии) не единственными случаями тождества различного (предметов, явлений, мыслей). Сама же мысль о наличии тождества признаков у различных предметов для обсуждаемой проблемы является одной из исходных.

При диалектическом рассмотрении сущности вещей двойственный характер принципа тождества позволяет рассмотреть предмет в его различных связях и отношениях.

В. И. Ленин писал: «Всякая конкретная вещь, всякое конкретное нечто стоит в различных и часто противоречивых отношениях ко всему остальному, ergo, бывает самим собою и другим»[2].

Классический пример такого диалектического подхода к определению отношений данного предмета к другим дается В. И. Лениным в статье «Еще раз о профсоюзах...». В одном, наиболее устойчивом отношении, обычный стакан служит предметом для питья, но в других отношениях он может выступать в качестве орудия для ловли бабочек, может быть предметом для бросания или же выполнять функции пресс-папье и т. п. Видеть в каждой вещи только одно отношение к самой себе или к другим вещам — значит, неоправданно омертвлять, огрублять диалектику тождества и различия, хотя без некоторого огрубления реальных отношений наше мышление не обходится. Всякая вещь, по словам В. И. Ленина, имеет множество определений содержания. Выделение лишь данного, устойчивого определения (=тождества) вещи

---

[1] А. В. Савинов. Логические законы мышления. (О структуре и закономерностях логического процесса), изд. Л. Г. У, Л., 1958, стр. 94.

[2] В. И. Ленин. Философские тетради, цит. изд., стр. 112.

носит временный характер и зависит от большого числа условий, среди которых основную роль, по-видимому, играют уровень знаний об этом предмете, с одной стороны, и потребности практики — с другой.

В этом отношении представляет значительный интерес точка зрения М. М. Розенталя, который одним из аспектов «закона познания» выделяет тот факт, что «...познание движется от представления о вещах как тождественных и равных самим себе к представлению о них как о развивающихся и изменяющихся, содержащих в себе внутренние противоречия».[1]

С другой стороны, учение В. И. Ленина о тождестве и различии позволяет выделить вопрос о роли практики в процессе отождествления (раскрытия определенности, сущности предмета). Поскольку каждый предмет имеет массу связей и отношений, множество «определений содержания», то естественно возникает вопрос об отражении в сознании человека всех, или отдельных, или даже единичных определений этого содержания. Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к взглядам В. И. Ленина на абсолютную и относительную истину. Видимо, познание всех без исключения связей и отношений предметов (=всех определений его содержания) как раз и соответствует абсолютному, полному познанию сущности предмета, познанию абсолютной истины. В процессе же приближения к абсолютной истине люди имеют дело с познанием лишь некоторых определений содержания, число которых непрерывно растет (см., например, учение физики о строении атома).

Во всех ли случаях необходимо иметь в виду все известные людям определения содержания сущности предмета? Очевидно, нет. Единообразные определения научных понятий, приводимые в школьных учебниках, например, весьма односторонни, но для практики учебной работы они достаточны. Более глубокое познание сущности предмета позволяет из многих определений его содержания выбрать те, которые необходимы для данного направления работы, и временно отвлечься от других определений, имея в виду возможность их использования в других условиях, в соответствии с иными практическими

---

[1] М. М. Розенталь. Принципы диалектической логики. Соцэкгиз, 1960, стр. 49.

потребностями. Так, логика выделяет прежде всего признаки формализации мыслей, а диалектика их взаимосвязи и субординации по содержанию. Знание этих обеих сторон подхода к мышлению необходимо для познания противоречивой сущности мысли, но выделение одного из этих определений ее содержания способствует более детальному исследованию данного явления в строго определенном отношении.

И психология и физиология высшей нервной деятельности имеют общий объект исследования — поведение животных и человека, но каждая из этих наук выделяет свой аспект, «свое» определение содержания поведения (процессы возбуждения и торможения или субъективное отражение объективного мира).

Итак, в отношении тождества может быть не только один предмет, но любой ряд предметов, имеющих общие черты в определенные моменты своего существования или же превращающиеся друг в друга через посредство накопления количественных изменений и борьбы нового со старым.

При этом в процессе познания, как отмечает А. В. Савинов, «... или один и тот же предмет рассматривается как тот же самый во всех своих различных состояниях, или во многих предметах усматривается одна и та же общая черта, по которой эти различные предметы сходствуют между собой, образуя ряд однородных предметов».[1]

Доказательство В. И. Лениным тождества противоположностей единичного и всеобщего, анализ К. Марксом двойственного характера труда, диалектики цены и стоимости и других экономических категорий показывают, что основоположники марксизма-ленинизма рассматривали тождественность предметов разносторонне, имея в виду тождество предмета самому себе и тождество его связей с другими предметами не изолированно друг от друга, а в их сложном и противоречивом взаимодействии.

III

Мысль Ф. Энгельса о ряде промежуточных звеньев, через посредство которых тождество переходит в свою

---

[1] А. В. Савинов. Законы логического мышления, цит. изд., стр. 128.

противоположность, а противоположные явления становятся тождественными, позволяет поставить вопрос об установлении видов тождества (или степеней тождественности), которые находились бы на **определенных ступенях** перехода от одного к другому. За основу можно взять ряд отношений, начинающихся с равенства и заканчивающихся противоположностью, в которых тождество выступает как повторяемость одинаковых признаков.

Приведем возможный вариант переходов от тождества к противоположности (и обратно), характеризующий собою как степень изменчивости тождественного предмета, так и степень связи различных предметов.

1. **Тождество в равенстве.** Предмет сохраняет свою определенность, относительное постоянство. Различные явления тождественны, идентичны друг с другом в наиболее существенных, устойчивых отношениях (=«абстрактное» тождество). Примеры: а=а, аб=сд, равенство объемов, расстояний, равенство нарицательной стоимости денежных знаков. Тождество равенства чаще всего исследуется в математике и криминалистике.

2. **Тождество в подобии.** Предметы (или изменившийся тот же самый предмет) имеют тождество формы, образа построения при различии в количественном выражении существенных свойств. Примеры: г. Москва в 1940 г. и в 1961 г., подобные геометрические фигуры, подобие стандартной продукции.

3. **Тождество в сходстве.** Предметы (или изменившийся предмет) имеют одинаковые родовые признаки при различии видовых (часть существенных признаков перестала быть или не является одинаковой). Примеры: город Москва в 1917 и в 1961 году, колхоз и совхоз, дом и дворец.

4. **Тождество в различии.** Предметы и явления не имеют (или перестали иметь) ближайшие общие существенные признаки, но связаны друг с другом непосредственно или через несколько промежуточных звеньев. Примеры: дерево и стол (стол сделан из дерева, но дерево как растение перестало существовать — непосредственная связь), растение и человек (растение — животное — обезьяно-люди — промежуточные звенья).

5. **Тождество в противоположностях**[1]. Предметы или явления связаны по принципу полярности, друг друга отрицают, но в отдельности существовать не могут, вследствие чего взаимно проникают друг в друга и способны к взаимному превращению. Примеры: притяжение и отталкивание, необходимость и случайность, тождество и различие, жизнь и смерть.

Конечно, между отмеченными видами тождества не может быть резких границ, поскольку речь идет о развитии и связях, но в целом различие отдельных ступеней несомненно. В марксистской философии основное внимание уделено крайним видам тождества — тождеству равенства предмета самому себе (абстрактное тождество в рамках домашнего обихода) и тождеству противоположностей, что позволило наиболее резко противопоставить «текучие» категории диалектики мертвенно-засушенным категориям метафизики. Выделение и изучение промежуточных звеньев между ними в различных науках и в общем виде необходимо для детального изучения тождественных отношений в окружающем нас мире и отражения этих отношений в сознании человека.

Отражением отношений тождества в объективном мире могут служить данные самых различных наук (физика, химия, математика и др.), но наиболее концентрированы эти взгляды в учении формальной логики.

Общепризнано, что принцип тождества — опора, фундамент логики. Поскольку в данной работе выделяются лишь основные положения формальной логики о проблеме тождества мыслей, то имеет смысл сопоставить их с принципами логики диалектической. Исследование принципов диалектической логики проведено М. М. Розенталем. Его точка зрения выражена весьма определенно.

«Принцип конкретного тождества в указанном смысле (тождество включает в себя различие, противоречие.— **Е. Н.**) имеет для диалектической логики такое же фундаментальное значение, какое для формальной логики

[1] Примечание. По стилистическим соображениям в дальнейшем будут употребляться термины «тождество равенства», «тождество подобия», «тождество сходства», «тождество различия», «тождество противоположностей», но лишь в указанном выше смысле.

имеет принцип абстрактного тождества, отвлекающегося от развития и изменения[1]».

Другими словами: принцип абстрактного тождества — фундамент формальной логики (эту мысль М. М. Розенталь повторяет многократно), принцип конкретного тождества — фундамент диалектической логики (именно с этих позиций критикуется автором недостаточность формальной логики в ее учении о законах и формах мышления). Следовательно, принцип тождества — фундамент логики в целом.

Анализ этой проблемы приводит нас к выводу о том, что принцип метафизического тождества недостаточен даже для формальной логики. Так, в работе Г. Клауса дается такое истолкование этого принципа: «две вещи X, У тождественны, если любое свойство П, присущее X, присуще и У, и обратно», причем это правило Г. Клаус полагает верным не только для мыслей, но и «для всех вещей вообще[2]». Почему же Г. Клаус не может привести ни одного примера таких вещей? Ответ простой: таких вещей не бывает, ибо даже в одной и той же вещи постоянно происходят изменения, рождаются другие, новые признаки, а у разных вещей совпадения «любых свойств» не может быть хотя бы потому, что это разные вещи, которые должны отличаться друг от друга какими-то признаками, пусть даже и несущественными.

Еще более определенно подобное освещение этого принципа дает В. А. Артемов. Он пишет: «Если у двух сравниваемых предметов все, без исключения, признаки как существенный, так и несущественные совпадают, то мы называем их идентичными. Примером могут служить два банковских билета одного и того же достоинства»[3]. Но ведь банковские билеты различаются даже по номерам. Разве может у них быть совпадение «всех, без исключения, признаков»?

Применим ли этот принцип в такой безоговорочной форме и к мыслям? Явно, нет, ибо даже классическая логика у тождественных понятий видела не только тождест-

---

[1] М. М. Розенталь. Принципы диалектической логики, цит. изд., стр. 130.

[2] Г. Клаус. Введение в формальную логику, пер. с нем. ИЛ, М., 1960, стр. 348—349.

[3] В. А. Артемов. Очерк психологии, Учпедгиз, 1954, стр. 76.

во признаков (по объему), но и различие признаков (по содержанию). Абсолютного совпадения «любых» или «всех, без исключения» признаков не может быть ни в мире вещей, ни в мире идей.

Зато совпадение некоторых признаков у вещей (или мыслей) — это объективная закономерность, отражающая ту или иную степень всеобщей взаимной связи познаваемых объектов. Именно таким может быть диалектическое понимание принципа тождества в его онтологическом и логическом аспектах.

Следовательно, общее правило отождествления возможно сформулировать так: два объекта нашей мысли должны быть признаны тождественными в определенном отношении, если у этих объектов выделяются только совпадающие признаки.

Очевидно, что такое тождество может быть только относительным, ибо объективно в любых предметах имеются и тождественные, и различные признаки, хотя, конечно, в разном соотношении (у сходных предметов преобладают тождественные признаки, у противоположных — различные).

В процессах мышления отражается объективная диалектика тождества и различия в вещах, причем такое отражение нельзя считать зеркально-мертвым актом. Характеризуя мышление, В. И. Ленин писал: «Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление — и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и всякого понятия. И в этом суть диалектики. Эту-то суть и выражает формула: единство, тождество противоположностей»[1].

Несмотря на такое огрубление, наша мысль в целом правильно отражает реальные отношения вещей.

Говоря о тождестве мыслей, следует учитывать основные положения диалектики. В трудах основоположников марксизма-ленинизма постоянно проводится мысль о том, что принцип диалектического тождества применим не только к миру, вещей, но и к миру идей (понятий, суждений). Следовательно, отражением тождества вещей следует считать тождество мыслей. Если тождество вещей диалектично, следовательно, диалектично и тождество мыслей. Если мы рассматриваем мир вещей в свете

[1] В. И. Ленин. Философские тетради, цит. изд., стр. 243.

принципа конкретного тождества, следовательно, мы обязаны применить этот принцип и к тождеству мыслей. Мир тождественных мыслей столь же противоречив и изменчив, как и мир вещей.

В работах по логике, философии, психологии, лингвистике и даже в обыденной жизни очень часто употребляются выражения: мысли тождественны, тексты идентичны, высказывания одинаковы, мнения совпадают, понятия равнозначны и т. п. Каким понятием можно охватить всю эту группу явлений? Термин «вещи» не подходит, ибо речь идет не о вещах, а о мыслях. Какие же это мысли? Сходные, различные, противоположные? Нет. Это тождественные мысли. Термин «тождество мыслей» может охватывать собою и тождество понятий, и тождество суждений, и тождество умозаключений как по их форме, так и по содержанию самих высказываний. Наличие единого термина (именно термина, а не простого словосочетания, которое иногда употребляется в контексте, но не носит обобщающего и строго определенного смысла) для обозначения тождества мыслей не только обосновано теоретически (если тождество понятий не частный случай тождества, то что же это?), но и совершенно необходимо для целей практики.

Приведем некоторые примеры. Известно, что теория синонимов очень слабо разработана. Лингвисты ищут «чистых» синонимов и не находят их[1]. В самом зачаточном состоянии находится теория художественного перевода[2]. Не случайно, что стилистика в основном изучает лишь те случаи, когда слова не подходят для замены, а теория перевода все надежды возлагает на пресловутый «творческий процесс». Вопросами тождества мыслей занимаются и логики, и стилисты, и переводчики, и математики (проблема машинного перевода), и психологи, и редакторы, и даже криминалисты (литературные плагиаты), но единой, обобщающей теории тождества мыслей нет. Не зная учения диалектического материализма о конкретном характере тождества, можно представить себе тождество лишь как мертвое и застывшее состояние, а не как живое и противоречивое отношение. Поэто-

---

[1] См., например, А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка, Учпедгиз, 1955, стр. 53—54.

[2] См., например, А. В. Федоров. Введение в теорию перевода. Изд. литературы на иностранных языках, М., 1958, стр. 15—20.

му в термине «тождество мыслей» должно найти свое отражение учение диалектического материализма о конкретном характере тождества.

На практике почти все признают, что одну и ту же мысль можно высказать по-разному, а точный, адекватный перевод с одного языка на другой — не только возможное, но и необходимое условие общения людей.

Видимо, назрела необходимость выработки такого понятия о всех этих фактах, которое стало бы исходным для ряда наук, изучающих эти факты. Понятие о них может быть закреплено в термине «тождество мыслей».

Попытаемся рассмотреть применение данного термина к проблемам формальной логики и, в частности, ее учению о тождестве понятий.

IV

Отношения понятий, по словам В. И. Ленина,— главное содержание логики[1].

Каковы главные типы отношений понятий, выделяемые формальной логикой? Это отношения по объему и отношения по содержанию понятий.

По объему различают следующие отношения понятий: тождественные, подчиненные, перекрещивающиеся, соподчиненные, противоположные и противоречащие[2].

Не трудно заметить, что типы отношений понятий по объему в какой-то степени могут быть соотнесены с этапами развития одного и того же предмета или видами тождества различных предметов. В таком случае мы можем иметь таблицу (см. стр. 139)

В чем же тождественны выделяемые логикой виды понятий? Эта связь в одном из случаев настолько очевидна, что закреплена термином «тождество». Наличие тождественных понятий признается всеми логиками.[3]

---

[1] В. И. Ленин. Философские тетради, цит. изд., стр. 169.

[2] Примечание. Незначительные расхождения в наименованиях («внеположенность» вместо «соподчинение», «равнозначность» вместо «тождественность») здесь можно не учитывать.

[3] Примечание. В отдельных случаях (Н. И. Кондаков, Д. П. Горский) говорят о равнозначных понятиях, сохраняя их характеристику как тождественных, существо дела при этом не меняется. Обоснования такой замены мы не встретили. Видимо, она вызвана известным недоверием к самому слову «тождество», которое многими понимается метафизически.

Виды тождества	Типы отошений, понятии
1. Тождество равенства 2. Тождество подобия	Тождественные понятия
3. Тождество сходства	Подчиненные понятия Перекрещивающиеся понятия
4. Тождество различия	Соподчиненные понятия
5. Тождество противоположностей	Противоположные понятия Противоречащие понятия

Развернутая характеристика тождественных понятий дается, например, Н. И. Кондаковым[1]. В качестве логического признака тождественности выделяется совпадение объемов понятий при различии содержания их. Все это правильно, однако в данном случае совершенно обходится главный вопрос: почему совпадают объемы понятий при различии их содержания? Может быть, это совпадение обусловлено субъективными причинами (человек произвольно выделяет разные группы существенных признаков, но имеет в виду или может иметь в виду один и тот же предмет)? Такое объяснение не может удовлетворить материалиста, поскольку любой субъективный фактор должен иметь свои объективные основания. Эти объективные основания вскрыты учением диалектического материализма о конкретном характере тождества. Один и тот же предмет даже в относительно устойчивом состоянии сохраняет массу связей с окружающим миром, следовательно, бывает самим собою и другим. Именно эта противоречивость тождественности предмета и является объективным основанием для субъективного выделения различных совокупностей существенных признаков из числа множества возможных определений его содержания. Следовательно, наличие различных признаков

---

[1] Н. И. Кондаков. Логика, Учпедгиз, 1954, стр. 305—308.

в тождественных понятиях вытекает из тождества самого предмета и является не абсолютно произвольным, а относительно детерминированным самим характером изучаемого предмета.

Эти положения носят принципиальный характер для понимания самой сущности тождества понятий.

Формальная логика видит тождество понятий лишь в одном его отношении — в совпадении объемов, в то время как причины этого совпадения остаются в стороне. Само же совпадение объемов рассматривается как постоянное, раз и навсегда данное. Проведем несложный эксперимент и сопоставим некоторые из тех понятий, которые приводятся логиками в качестве тождественных: «квадрат» и «ромб, у которого углы равны» (Д. П. Горский), «великий русский естествоиспытатель» и «выдающийся русский физиолог» (Н. И. Кондаков). Применим к данным понятиям следующее правило, признаваемое всеми логиками: «Все тождественные понятия могут заменять друг друга. В ходе обсуждения, рассуждения мы всегда можем вместо одного понятия применить другое, тождественное ему, и от этого не произойдет логической ошибки»[1]. Это правило вполне применимо к понятиям «квадрат» и «ромб, у которого углы равны». Нетрудно заметить, что и в контексте, и вне контекста эти понятия вполне равнозначны друг другу. Это, если можно так выразиться, тождество равенства, справедливое для всех обычных условий употребления данных понятий.

Обратимся к понятиям «великий русский естествоиспытатель» и «выдающийся русский физиолог». Всегда ли они равнозначны друг другу? Нет, не всегда. Оба они характеризуют, например, как И. М. Сеченова, так и И. П. Павлова. О ком из них идет речь в данном случае? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к контексту. Вне контекста о тождественности этих понятий говорить трудно. С формальной точки зрения Н. И. Кондаков «просто» ошибся, ибо в целом данные понятия находятся в отношении подчинения. И все-таки «ошибка» здесь не случайна. Дело в том, что эти понятия берутся автором в контексте, где они именно замещают друг друга. Возможность замещаемости понятий в контексте, не-

---

[1] М. С. Строгович. Логика, Госполитиздат, 1949, стр. 95.

сомненно, отражает какую-то степень их тождественности.

Если видеть только одну степень тождественности, а именно,— тождество равенства, то мы останемся в пределах метафизики, а если учесть и другие степени тождественности, то характеристика тождества понятий будет в каком-то отношении приближаться к диалектической точке зрения.

В логике понятия отражаются реальные отношения вещей, в связи понятий, их диалектике отражается (угадывается) связь реальных предметов. Как любая вещь бывает самой собою в одном отношении и другою в иных отношениях, так и понятие, сохраняя свою тождественность в одном отношении, приобретает новые качества в других отношениях понятий. Тождественность понятий столь же определенна и изменчива, сколько определенна и изменчива тождественность вещей.

Можно лишь предположить, что поскольку человеческая мысль заметно огрубляет и омертвляет реальную диалектику вещей, постольку в тождестве мыслей элемент устойчивости и постоянства может выражаться более рельефно, но общая картина от такого предположения в целом не меняется.

Формальная логика ищет и находит наиболее простой и устойчивый вид тождества мыслей — тождество равенства, при котором понятия всегда заменяют друг друга. Но такой вид отношений, пожалуй, наименее распространен даже в мире идей. Не случайно в качестве примеров тождественных понятий берутся или единичные понятия, которые относятся обычно к лицам и названиям географического характера, или определения понятий, которые создаются именно в целях раскрытия содержания тождественных групп однородных предметов и явлений.

Между тем практика показывает, что одну и ту же мысль можно выразить по-разному. С другой стороны, известно, что основная масса слов языка выражает не единичные, а общие понятия. Для общих понятий тождество равенства выражается в определениях. Но определения используются в практике общения чрезвычайно редко (в основном в исследовательских, дидактических целях и иногда для пояснения непонятных слов).

Зато в контексте слова, обычно выражающие общие понятия, систематически заменяют друг друга, хотя вне

контекста критерий взаимозаменяемости к ним применим лишь частично или же совсем не применим.

Формальная логика отражает реальный процесс познания и общения, поэтому она должна отражать и данный вид тождества понятий. Эти факты не могут обойти также ни стилистика, ни теория перевода.

Возможность взаимозамены слов в контексте — это показатель тождественности их значений в определенных отношениях. Очевидно, что степень тождественности в этих случаях не одинакова для разных групп понятий.

Здесь следует сказать несколько слов о роли контекста. Реальные условия развития и существования предмета — это весь окружающий его мир. Сущность предмета раскрывается в его отношениях с другими предметами.

Это положение применимо и к «жизни» слова. Контекст — это окружающий слово мир. Смысл, сущность, значение слова раскрывается в его отношениях с другими словами в контексте. Науки о мышлении и языке лишь обобщают реальные связи слов и их значений в контексте. Выделение значения отдельного слова, выделение понятия — это результат абстрагирования, ибо в контексте слово имеет лишь конкретное значение.

Абстрагируясь от конкретных условий, лингвистика создает учение о слове, а логика — учение о понятии. Но если этому абстрагированию придать абсолютный характер и рассматривать слово и понятие как таковые без всякой связи с реальными условиями их существования (контекстом), то родившееся в результате такого обособления противоречие будет казаться неразрешимым до тех пор, пока исследователь не разрушит им же созданной искусственной преграды между «общим» значением слова и его реальной ролью в контексте.

Учет реальной роли слова в контексте позволяет видеть несколько видов синонимичности (тождественности) их значений. Небольшая группа слов служит для постоянной замены друг друга в любом контексте, остальные слова могут замещать друг друга или очень часто, или часто, или редко, или в исключительных случаях. Это зависит в конечном итоге от характера тех связей и отношений предметов, которые выделяются в данном контексте.

В стилистике русского языка разновидности синонимов не вычленяются, в то время как в немецком и английском языках, например, вводится понятие контекст-

ных (контекстуальных) синонимов[1]. Это понятие позволяет отличить постоянные синонимы от временных, контекстных.

Использование логиками подобного типа тождественных понятий обусловлено теми же объективными условиями, фактами временной взаимозамещаемости слов в контексте.

Если теперь возвратиться к примерной классификации видов тождества, то не трудно заметить необходимую связь тождества предметов и случаев устойчивой и временной взаимозамещаемости слов.

Поскольку группа «тождества равенства» слов весьма ограничена, то имеются основания для отнесения сюда же тех слов, которые почти всегда замещают друг друга (тождество подобия). Примеры: «рубеж» — «граница» из работы А. Н. Гвоздева, где эти слова приведены в качестве синонимов — ср. Пограничники охраняют рубежи-границы нашей Родины. Но советские физики находятся на передних рубежах-границах науки.

Дальше идет самая большая группа сходных, близких по значению слов (тождество сходства). Они систематически замещают друг друга. Особенно часто встречается контекстное тождество слов, обычно выражающих видовые и родовые понятия. Возможности для замены здесь почти не ограничены, для абсолютного большинства случаев возможно огромное число замен (физиолог, естествоиспытатель, ученый, специалист, экспериментатор, биолог и т. п.). Эта группа тождественных отношений является наиболее многочисленной.

Может ли формальная логика исключить из объекта своего исследования эту группу отношений? Конечно, нет, только она не может исследовать отношение подчинения и перекрещивания совершенно отдельно от тождественных отношений, ибо здесь переплетение тождества и различия выявлено наиболее ярко, так. что в одних случаях на первый план выступают элементы тождественности понятий (слова замещают друг друга), в других — различия (невозможность взаимозамещения).

Наименьшая степень тождественности характерна для соподчиненных понятий, которые, не имея совпадения

---

[1] И. Р. Гальперин. Очерки по стилистике английского языка, изд. литературы на иностранных языках, М., 1958, стр. 25.

объмов, подчиняются вместе более общему понятию, хотя не исчерпывают его объема. Фактически сюда не входят лишь некоторые категории, противоречащие и противоположные понятия, ибо для всех других понятий всегда возможно более общее, если не иметь в виду лишь ближайший род (такого ограничения формальная логика как раз и не устанавливает). Примеры: Земля и Венера — планеты (ближайший род), бактерии и водоросли — организмы, метеорит и человек — формы материи (далекий род). В данном случае уместно говорить о тождестве различия, поскольку связь подобных понятий носит опосредствованный характер. Однако и такие слова, в которых обычно выражаются соподчиненные понятия, иногда замещают друг друга в контексте, если на первый план выделяется не различие, а совпадение их смысла. Так, понятия «собака» и «друг» имеют различный ближайший род и подчиняются только весьма далекому роду, но в контексте мы говорим: «собака — друг человека», устанавливая временную и неустойчивую тождественность их значений.

И, наконец, идет группа наиболее изученных диалектикой противоречащих и противоположных понятий, которые тождественны именно в силу своей противоположности (что в контексте выступает как возможность взаимозамены слов, обычно выражающих такие понятия, как причина и следствие, необходимость и случайность, тождество и различие и т. п.).

Таким образом, отношение тождества понятий выступает не как раз и навсегда данное состояние, а именно как противоречивое, живое и гибкое отношение, являющееся отражением объективной диалектики тождества и различия в вещах.

Необходимость подобного подхода к тождеству понятий наиболее отчетливо осознается логиками при анализе закона тождества, который говорит в основном именно о тождестве понятий.

А. В. Савинов, например, не случайно подчеркивает, что закон тождества применяется правильно лишь при учете реальных отношений места и времени[1], (хотя обыч-

---

[1] А. В. Савинов. Законы логического мышления, цит. изд. стр. 102.

но эти признаки выделяют только для закона противоречия).

Несколько позднее он делает два существенных признания: «С каждым поворотом отношения, в котором мы мыслим о предмете, должна меняться мысль о нем,— в противном случае неизбежно произойдет нарушение закона тождества». И далее: «Нет ничего удивительного в том, что метафизическая абсолютизация утверждений вступает в противоречие с необходимостью изменения утверждения именно в целях выполнения закона тождества (а это значит, что метафизика, как абсолютный метод, вовсе не совпадает с сущностью этого закона)...»[1].

При использовании закона тождества в еще большей степени, чем в учении о понятии, следует учитывать роль контекста в сохранении и изменении смысла высказываний в контексте, ибо подмену понятий легче всего совершить именно в контексте, а за различными по звучанию словами можно не заметить их тождества по значению.

Для практики общения весьма необходимо умение выделять тождество мыслей при различии их речевой формы. Можно прямо утверждать, что в известных пределах одна и та же мысль может быть выражена на любом языке и в различных грамматических формах отдельного языка. Слово является сигналом вещи, а не самой вещью. «Название какой-либо вещи, — отмечает К. Маркс, — не имеет ничего общего с ее природой»[2].

Слова имеют значение не сами по себе, а лишь в предметной их соотнесенности, поэтому «от того, что сапожную щетку мы зачислим в единую категорию с млекопитающими, — от этого у нее еще не вырастут молочные железы» (Ф. Энгельс)[3].

В. И. Ленин указывал, что изменение номенклатуры в принципе возможно даже для обозначения категорий («материя», «объективная реальность» и т. п.)[4].

Это положение по отношению к закону тождества почти не учитывается в формальной логике. Все направление, весь дух анализа закона тождества обычно сводится лишь к тому, чтобы одному и тому же слову в процессе

[1] А. В. Савинов. Законы логического мышления, цит. изд., стр. 148.

[2] К. Маркс. Капитал, т. 1, стр. 107.

[3] Ф. Энгельс Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1950, стр. 40.

[4] В. И. Ленин. Соч. т. 14, стр. 133.

общения придавалось одно и то же значение. Между тем в практике есть и второй, не менее интересный и важный аспект применения данного закона: как сохраняется (а не изменяется!) одна и та же мысль при изменении ее словесно-грамматического оформления?

Ведь в соответствии с требованиями стилистики мы стремимся избежать повторения одинаковых слов в близко расположенных фразах и для этого при повторении тех же самых мыслей стараемся заменить уже употребленные слова другими. В каких пределах это возможно? Каких ошибок следует избегать? Эти вопросы ждут своего решения.

Кроме тождества понятий, может быть выделено также и тождество суждений и умозаключений. Тождество их по форме издавна изучается логикой. Вопросы тождества суждений и умозаключений по содержанию изучены в меньшей степени. Однако есть все основания полагать, что учение логики о сведении фигур силлогизма — это частный случай отождествления умозаключений по содержанию, а приемы уточнения логического смысла суждений —это частный случай разнообразных приемов их преобразований, при которых выделяется разная степень тождественности суждений.

В реальных условиях общения изменения логической и грамматической формы суждений и умозаключений используются весьма часто.

ВЫВОДЫ:

1. Объективное свойство вещей содержать в себе внутренние противоречия выступает, в частности, в диалектическом соотношении тождественных и различных признаков.

2. В равных, подобных и сходных предметах преобладают совпадающие (тождественные) признаки, в различных и противоположных — несовпадающие (различные).

3. В конкретных условиях познания возможно преимущественное выделение или тождественных, или различных признаков у одного и того же или у разных предметов.

4. Тождество в процессе познания выступает как определенное отношение, при котором выделяется совпаде-

ние признаков у любых познаваемых объектов. В процессе различения объектов познания на первый план выделяется несовпадение признаков.

5. Метафизика омертвляет это выделение и видит в тождественных объектах только совпадение признаков, в различных объектах — только их несовпадение, в то время как материалистическая диалектика требует постоянно иметь в виду, что такое выделение носит лишь относительный, временный характер, ибо любые предметы содержат в себе как тождественные, так и различные признаки.

6. Диалектический взгляд на вещи позволяет видеть в тождественных объектах элементы различия, а в различных и противоположных — элементы тождества (тождество противоположностей).

7. Относительное выделение в предметах только тождественных признаков является логическим основанием для их отождествления, а выделение только различных признаков — для их различия.

8. Общие закономерности соотношения тождества и различия при характеристике сущности вещей характерны и для мира идей (единство онтологического и логического аспектов принципа тождества).

9. В плане соотношения формы и содержания мыслей возможны следующие варианты выделения: а) тождество формы и тождество содержания, б) тождество формы и различие содержания, в) различие формы и тождество содержания, г) различие формы и различие содержания.

10. Для практики общения (понимание текста, переводы, стилистическая правка) весьма важен аспект нахождения тождества содержания при различии логической и грамматической формы высказываний.

11. В логическом аспекте тождество содержания может быть выделено при характеристике объемных отношений между понятиями, анализе приемов преобразования суждений и умозаключений, которые обобщаются в виде учения логики о законе тождества.

12. Выделение тождества мыслей носит условный, временный характер и осуществляется в контексте.

ЛИТЕРАТУРА

К. Маркс. **Капитал,** Госполитиздат, 1952, т. I.

Ф. Энгельс. **Анти-Дюринг,** Госполитиздат, 1957.

Ф. Энгельс. **Диалектика природы.** Госполитиздат, 1955.

В. И. Ленин. **Философские тетради,** Госполитиздат, 1947.

В. И. Ленин. **Материализм и эмпириокритицизм.** Соч., т. 14.

В. И. Ленин. **«Еще раз о профсоюзах»...,** Соч., т. 32.

Программа КПСС, изд. «Правда», 1961 г.

Н. С. Хрущев, **Отчет ЦК КПСС XXII съезду партии,** Госполитиздат, 1961.

М. Н. Алексеев. **Диалектическая логика.** (Краткий очерк), изд. Высшая школа, М., 1960.

В. А. Артемов. **Очерк психологии,** Учпедгиз, 1954.

А. Н. Гвоздев. **Очерки по стилистике русского языка.** Учпедгиз, 1955.

Ф. И. Георгиев. **Категории материалистической диалектики.** (Материалы к лекции по курсу диалектического материализма), изд. Высшая школа, М., 1960.

Д. П. Горский. **Логика.** Учпедгиз, 1958.

Г. Клаус. **Введение в формальную логику,** изд. ИЛ, 1960.

Н. И. Кондаков. **Логика,** Учпедгиз, 1954.

Краткий философский словарь под ред. М. Розенталя и П. Юдина, изд. 4, Госполитиздат, 1955.

Основы марксистской философии, Госполитиздат, 1959.

М. М. Розенталь. **Принципы диалектической логики.** Соцэкгиз, 1960.

А. В. Савинов. **Законы логического мышления** (О строении и закономерностях логического процесса), изд. ЛГУ, 1958.

А. В. Федоров. **Введение в теорию перевода,** изд. литературы на ин. языках, М., 1958 г.

Философская энциклопедия, т. 1, М., 1960.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗМ00029 22/II 1962 г. Объем 9,5 печ. л. Формат 60×84 1/16.
Заказ 7036. Тираж 500 экз. Цена 19 коп.
г. Ульяновск, типография облуправления культуры.

Цена 19 коп.